

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПО СВОБОДЕ ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЯ И СВОБОДЕ ИНФОРМАЦИИ

ЦЕНТР ЗАЩИТЫ ПРАВ СМИ

**СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
ПО СВОБОДЕ ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЯ И
СВОБОДЕ ИНФОРМАЦИИ**

ТОМ 8

БОРОНЕЖ
2012

УДК 341.645:341.231.14

ББК 67.910.822

С89

Редактор – Г. Ю. Арапова

Составители – Г. Ю. Арапова, С. И. Кузеванова

Правовое редактирование – Г. Ю. Арапова

Перевод с английского Центра Защиты Прав СМИ

(М. Н. Залата, В. А. Бушин)

Художественное оформление - И. Ю. Ледовских

С89 Судебная практика Европейского Суда по правам человека по свободе выражения мнения и свободе информации, Т. 8/ Под редакцией Г. Ю. Араповой – Воронеж: ООО Фирма «Элист», 2012 – 284 с.

ISBN 978-5-87172-049-3

В восьмой по счету сборник вошли переведенные на русский язык избранные постановления Европейского Суда по правам человека по статье 10 Конвенции (свобода выражения мнения). В их числе четыре прецедентных российских дела. Для удобства изучения практики Европейского Суда по правам человека каждое постановление сопровождается кратким неофициальным изложением дела.

Книга предназначена для юристов, судей, журналистов, а также для всех, кто интересуется проблемами свободы выражения мнения, свободы информации и практикой Европейского Суда.

УДК 341.645:341.231.14

ББК 67.910.822

ISBN 978-5-87172-049-3

© Центр Защиты Прав СМИ, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
Дело «Андрешко против России»	
Краткое изложение дела.....	8
Постановление Суда по делу.....	12
Дело «Вайнай против Венгрии»	
Краткое изложение дела.....	37
Постановление Суда по делу.....	40
Дело «Красуля против России»	
Краткое изложение дела.....	67
Постановление Суда по делу.....	71
Дело «Новая газета в Воронеже» против России»	
Краткое изложение дела.....	89
Постановление Суда по делу.....	93
Дело ««Таймс Ньюспейперз» (№ 1 и 2) против Соединенного Королевства»	
Краткое изложение дела.....	114
Постановление Суда по делу.....	117
Дело «Фатуллаев против Азербайджана»	
Краткое изложение дела.....	138
Постановление Суда по делу.....	144
Дело «Федченко против России»	
Краткое изложение дела.....	218
Постановление Суда по делу.....	221
Дело «Флинккила и другие против Финляндии»	
Краткое изложение дела.....	239
Постановление Суда по делу.....	242

ОТ РЕДАКТОРА

Мы продолжаем выпускать серию книг в сфере практики Европейского Суда по правам человека по ст. 10 Европейской Конвенции по различным аспектам свободы информации и свободы выражения мнения. В сборнике представлены переводы на русский язык восьми дел, поднимающих разнообразные проблемы свободы выражения мнения и свободы распространения информации.

Четыре из включенных в сборник постановлений Европейского Суда касаются России – это дела по жалобам журналистов Красули, Федченко, редакции «Новой газеты в Воронеже» и кандидата на выборную должность Андрушко. Во всех случаях было признано нарушение права на свободу выражения мнения.

Дело «Новой газеты в Воронеже» представляет особый интерес с точки зрения медиаправа и уже оценено медиаюристами разных стран как важный для укрепления позиции защиты свободы выражения мнения и свободы прессы в рамках ст. 10 Европейской Конвенции прецедент. Оно представляет весомые аргументы для защиты права журналистов на критические публикации по коррупционным делам, о спорных, с точки зрения права, поступках и решениях чиновников и иных публичных лиц, о ситуациях, которым еще не дана оценка в приговорах или решениях судов, но вполне достаточных для критики со стороны общества и прессы.

Европейский Суд указал на недопустимость привлечения журналистов к ответственности по искам о защите чести и достоинства за публикации сведений о тех или иных злоупотреблениях со стороны чиновников лишь на том основании, что против этих чиновников не было возбуждено уголовного дела, и они не были привлечены к уголовной ответственности за действия, которые журналист оценивает как нарушающие интересы общества. В решении Европейского Суда, в частности, говорится, что

«...районный суд применил необычайно высокий стандарт доказывания соответствия сведений действительности и определил, что, поскольку уголовное дело в связи с финансовыми нарушениями не возбуждалось, то распространенным в публикации сведениям не хватает достаточной фактической базы. Европейский Суд напоминает в этой связи, что степень доказанности для установления обоснованности уголовного обвинения компетентным

судом вряд ли может быть сравнима с тем уровнем проверки достоверности сведений, которую должен соблюдать журналист при выражении своего мнения по вопросу, представляющему общественный интерес, в особенности при высказывании своей позиции в форме оценочного суждения. Стандарты, применяемые при оценке деятельности государственного служащего с точки зрения морали, отличаются от тех, которые применимы для установления виновности в совершении уголовного преступления в соответствии с уголовным правом. Поэтому Суд не склонен следовать логике аргументации районного суда, в соответствии с которой отсутствие уголовного преследования в отношении истцов означало, что если СМИ идут на публикацию статей, в которых их имена связаны с предполагаемым нецелевым расходованием государственных средств, то они рискуют оказаться проигравшими в судебном процессе по делу об умалении чести и достоинства».

В данном деле Европейский Суд также расширил круг субъектов, относящихся к публичным фигурам, к которым помимо мэра города были отнесены также наемные муниципальные служащие, занимавшие ответственные посты в местной администрации, и даже, впервые в практике Евросуда – статус публичного лица был распространен на подрядчика, выполнявшего муниципальный заказ на бюджетные средства. Суд посчитал, что все они должны терпимее относиться к критике в свой адрес в контексте обсуждения законности расходования бюджетных средств.

Не менее значимой позицией Евросуда стала оценка нарушений процессуальных прав редакции в ходе рассмотрения дела национальными судами. В частности тот факт, что районным судом не было удовлетворено практически ни одно ходатайство ответчика об истребовании заверенных копий письменных доказательств (в подтверждение копий документов, имевшихся у журналиста на момент подготовки статьи) было расценено Европейским Судом как фактически лишшающее редакцию права доказать свою правоту в суде.

Также важным является и дело *Андрушко против России*, которое касается распространения предвыборных агитационных листовок, как канала распространения общественно значимой информации в период выборов. Заявитель, являясь кандидатом в депутаты Законодательного собрания Омской области, организовала и оплатила печать и распространение листовок в отношении своего конкурента, местного предпринимателя г-на К, который впоследствии подал иск о защите

чести и достоинства как к авторам текста листовки, содержащей резкую критику в его адрес, так и к своему конкуренту на выборах кандидату в депутаты Андрушко. Европейский Суд, признав нарушение ст. 10 Конвенции, указал на важность политической дискуссии и особую роль издателей в осуществлении свободы выражения мнения, как субъектов, обеспечивающих авторам среду для распространения их взглядов.

В сборник также включены такие интересные дела, как *Вайнай против Венгрии*, касающиеся свободы выражения политических взглядов посредством ношения отличительных знаков, свидетельствующих о поддержке той или иной партии. В данном деле, в частности, речь идет о привлечении заявителя к уголовной ответственности за ношение пятиконечной красной звезды, как тоталитарной символики, что запрещено венгерским законодательством. Европейский Суд признал рассматриваемый запрет слишком обширным, который несомненно может вызвать охлаждающий эффект на свободу выражения мнения и повлечь самоцензуру. Суд определил, что решение политического деятеля открыто носить красную звезду должно рассматриваться как способ выражения его политических взглядов, а демонстрация символики на одежде подпадает под значение статьи 10 Конвенции.

Также мы рекомендуем ознакомиться с делом *«Таймс Ньюспейперз» (№ 1 и 2) против Соединенного Королевства*, касающимся ранее не рассматривавшейся в Страсбурге сферы как распространение информации в Интернете. Распространение спорных публикаций в газете и в Интернет-версии газеты повлекло в данном деле череду исков о защите репутации. Камнем преткновения стал Интернет-архив ранее опубликованных новостей и материалов, а также вопрос о возможности привлечения к ответственности за дублирование газетной публикации в Интернете, как за самостоятельный факт распространения порочащей информации. Несмотря на то, что Европейский Суд не нашел в данном деле нарушение ст. 10 Конвенции, он отметил важность поддержания Интернет-архивов новостных материалов, указав в связи с этим, что: *«...основная функция прессы при демократии заключается в охране общественных интересов, она также играет значительную второстепенную роль поддержания и предоставления всем желающим архивов, содержащих новости, которые были переданы ранее»*.

Также весьма ярким прецедентом явилось дело по заявлению азербайджанского журналиста *Эйнуллы Фатуллаева*. В постановлении по данному делу впервые за всю свою практику Европейский Суд занял весьма жесткую позицию и, установив нарушение права на свободу выражения мнения Заявителя, помимо выплаты Заявителю справедливой компенсации, потребовал от азербайджанских властей немедленного освобождения журналиста из мест лишения свободы. Во время рассмотрения дела Европейским Судом Фатуллаев все еще отбывал наказание в виде лишения свободы сроком в совокупности в 8.5 лет за несколько опубликованных в СМИ материалов. В одной публикации журналистом в историческом ракурсе поднимались дискуссионные и весьма деликатные вопросы армяно-азербайджанского конфликта в Нагорном Карабахе. В другом материале автор называл действовавшее азербайджанское правительство «Кланом Алиева» и «правлящей семьей», и высказывал мнение, что правительство искало поддержки со стороны Соединенных Штатов для того, чтобы президент Ильхам Алиев «остался у власти» в Азербайджане в обмен на поддержку Азербайджаном «агрессии» США в отношении Ирана. Эти публикации были признаны в рамках разных судебных процессов на национальном уровне разжиганием национальной вражды и клеветой, а также террористической угрозой. При оценке данного дела Европейский Суд счел, что назначенное Заявителю наказание в виде 8.5 лет лишения свободы было крайне суровым, а применение законодательства о терроризме к высказываниям журналиста не обоснованными.

Представленная в сборнике практика Европейского Суда довольно разнообразна и показывает ценность свободы выражения мнения применительно к самым разным ситуациям и высказываниям мнений и демонстрации убеждений по разным общественно-значимым вопросам. Мы надеемся, что позиция Европейского Суда в части толкования ст. 10 по данным делам внесет серьезный вклад в укрепление правовой позиции по защите свободы выражения мнения.

ГАЛИНА АРАПОВА

Директор, ведущий юрист

Центра защиты прав СМИ

www.mmdc.ru

Краткое изложение дела

ДЕЛО «АНДРУШКО ПРОТИВ РОССИИ» (Andrushko v. Russian Federation)

(жалоба № 4260/04)

Постановление Суда

Страсбург, 14 октября 2010 года

Суть принятого решения: В отношении заявителя имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно.

Краткое изложение обстоятельств дела:

Заявитель, являясь кандидатом в депутаты Законодательного собрания Омской области, организовала печать листовок в отношении своего конкурента, местного предпринимателя г-на К. Текст листовки был составлен миноритарными акционерами и бывшими сотрудниками местного универсама «Октябрьский», мажоритарным акционером которого являлся г-н К.

В листовке содержались нелюбопытные сведения в отношении г-на К., в том числе о том, что «акционеры пострадали от рук К.», «взяты в заложники этим ненасытным воротилой К.», К. «принуждал продавать акции за гроши под угрозой увольнения», «вытеснив акционеров незаконными способами, он стал владельцем универсама» и другие сведения, сообщающие о его неправомерных действиях.

Заявитель победила на выборах. Г-н К. подал в суд иск о защите чести и достоинства против Заявителя и трех человек, подписавших листовку, полагая, что распространение листовки нанесло ущерб его репутации и серьезно повлияло на свободу выбора избирателей.

11 апреля 2003 года Кировский районный суд Омска удовлетворил иски г-на К. и постановил, что ответчики не смогли доказать правдивость оспоренных сведений. Суд принял за основу своего решения постановление Омского областного суда от 4 июня 2002 года,

вынесенное по другому делу между К. и избирательной комиссией по факту распространения спорной листовки, в котором содержалось заключение о том, что Заявитель не смогла доказать правдивость утверждений в тексте листовки.

Заявитель обжаловала это решение, указав, что районному суду не следовало считать себя связанным постановлением от 4 июня 2002 года, поскольку в нем не рассматривались вопросы защиты чести и достоинства г-на К. Считая содержащиеся в листовке сведения достоверными, Заявитель полагала нарушенным ее право на свободу выражения мнений.

11 июня 2003 года Омский областной суд оставил решение суда первой инстанции в силе.

Оценка Европейского Суда:

Суд напомнил общие принципы, в соответствии с которыми статья 10 Конвенции распространяется не только на «информацию» или «идеи», которые благоприятно воспринимаются в обществе либо рассматриваются как безобидные или нейтральные, но также и на те, которые оскорбляют, шокируют или вызывают беспокойство у государства или части населения. Свобода выражения мнения *«особенно важна в предвыборный период для создания условий для свободной циркуляции разного рода мнений и информации. Этот принцип одинаково применим и к общенациональным и к местным выборам»* (п. 41).

Суд признал наличие вмешательства в право Заявителя на распространение информации, хотя она и не являлась автором листовки, а была, по сути, ее издателем и распространителем (п. 42):

«По существу, хотя Заявитель не была автором оспоренного текста листовки, она участвовала в ее напечатании и распространении. Суд напоминает в этой связи, что издатели, независимо от отношения к содержанию своих публикаций, играют важную роль в осуществлении свободы выражения мнения, предоставляя авторам среду для распространения их взглядов».

Суд счел информацию, распространяемую в листовке, относящейся к категории общественной значимости, поскольку она была распространена в период выборов (п. 45):

«Суд напоминает о том, что, как общее правило, любые мнения и информация, относящиеся к выборам, которые распространяются во время предвыборной кампании, следует рассматривать как часть общественной дискуссии по вопросам, представляющим общественный интерес ... В соответствии с устоявшейся практикой Суда, пункт 2 статьи 10 Конвенции предоставляет незначительные возможности для ограничения высказываний на политические темы или общественную дискуссию по вопросам, вызывающим общественный интерес, и для применения таких ограничений требуются очень веские причины ...».

Суд нашел важным то обстоятельство, что г-н К., выдвинув свою кандидатуру на местные выборы, вышел на политическую сцену, а, следовательно, стал публичной фигурой и объектом пристального внимания, как со стороны журналистов, так и широкой общественности. Следовательно, он должен был выказать большую терпимость к критике в свой адрес (п. 46).

В отношении содержания листовки суд пришел к выводу, что она содержала мнение лиц ее подписавших – миноритарных акционеров, которые дали свою личную субъективную оценку деятельности и нравственному облику г-н К. исходя из опыта работы с ним. По мнению Суда, *«подписавших листовку нельзя обвинить в искажении фактов или высказывании обвинений, не имевших под собой достаточных фактических оснований. Суд не видит причин сомневаться в том, что они действовали добросовестно, и поэтому считает, что издавая листовку, Заявитель способствовала распространению мнения на общественно значимую тему, имевшего достаточное фактическое основание»* (п. 47).

Суд особо отметил, что необходимо проводить четкое разграничение между критикой и оскорблением. При этом важно помнить о том, что политические выпады часто вторгаются в личную сферу; таковы особенности политической сферы и свободного обсуждения идей, гарантированных в демократическом обществе. Несмотря на то, что определенные выражения в тексте листовки можно рассматривать как

несколько агрессивные, они, по оценке Суда, не дотягивают до оскорбления или ничем необоснованного выпада в отношении личности, т. к. авторы подкрепили их объяснениями, и являются соразмерными переживаниям и возмущению, вызванным поведением г-на К. по отношению к подписавшимся.

Суд отметил, что национальные суды не смогли отличить утверждения о фактах от оценочных суждений, таких как о том, что г-н К. является «ненасытным воротилой» и «ужасным человеком», что его состояние было «нажито на горе и слезах простых людей», и что «все, что он ни делает, проклято».

Суд напомнил, что отсутствие действительного шанса доказать достоверность высказанных обвинений может повлечь нарушение статьи 10. Так, Омский областной суд, рассматривая спор, вышел за пределы исковых требований, сочтя необходимым рассмотреть весь текст листовки, после чего объявил ее содержание недостоверным и принял решение о соответственном увеличении размера возмещения вреда. По мнению Суда, такое решение суда кассационной инстанции не могло быть предсказуемым для Заявителя, а, следовательно, Заявитель была лишена какой-либо возможности доказать в суде, что сведения из листовки были правдивы или достаточно обоснованы. Таким образом, Заявителю не были предоставлены процессуальные гарантии, дававшие ей действительную возможность доказать, что обвинения опубликованные ею, имели достаточное фактическое основание, что, по мнению Суда, является несовместимым с положениями статьи 10.

В итоге Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2011

ДЕЛО «АНДРУШКО ПРОТИВ РОССИИ»

(*Andrushko v. Russian Federation*)

(жалоба № 4260/04)

Постановление Суда

Страсбург, 14 октября 2010 года

По делу «Андрушко против России» Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:

Христос Розакис, *Председатель*,
Нина Вайич,
Анатолий Ковлер,
Элизабет Штайнер,
Ханлар Гаджиев
Дин Шпильманн,
Сверре Эрик Йебенс, *судьи*,

а также Андрэ Вампаш, *Заместитель Секретаря Секции*,

Проведя 23 сентября 2010 года закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, принятое в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано после подачи жалобы (№ 4260/04) против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав и основных свобод человека (далее - «Конвенция») гражданкой России, г-жой Светланой Васильевной Андрушко (далее - «Заявитель») 11 декабря 2003 года.
2. Интересы российского правительства (далее - «Правительство») представлял г-н П. Лаптев, бывший представитель Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель утверждала, что были нарушены ее право на свободное выражение мнения и право на справедливые разбирательства в гражданском суде.

4. 9 сентября 2005 года председатель Первой секции принял решение уведомить Правительство о подаче жалобы. В соответствии с положениями пункта 1 статьи 29 Конвенции, было принято решение рассмотреть жалобу по существу одновременно с вопросом о ее приемлемости.

5. Правительство высказало возражение против совместного рассмотрения существа жалобы и вопроса о ее приемлемости. Рассмотрев возражение Правительства, Суд отклонил его.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

6. Заявительница родилась в 1951 году и проживает в г. Омске.

7. Она выставила свою кандидатуру на выборы в законодательное собрание Омской области, назначенные на 24 марта 2002 года. Одним из ее конкурентов был г-н К., местный предприниматель.

8. 20 марта 2002 года тридцать девять миноритарных акционеров и бывших сотрудников местного универмага «Октябрьский» обратились к Заявителю с просьбой профинансировать кампанию против г-на К., мажоритарного акционера универмага «Октябрьский» и председателя его совета директоров.

9. В тот же день Заявитель организовала печать 1500 экземпляров листовки (см. ниже), текст которой был составлен акционерами:

«Правда о К[.]»

Мы, акционеры универмага «Октябрьский», пострадали от рук К[.] Мы тридцать девять сотрудников взяты в заложники этим ненасытным воротилой. К[.]:

- занижил цену наших акций;
- принуждал нас продавать акции за гроши под угрозой увольнения;
- вынудил тридцать девять сотрудников уволиться, создав для них невыносимые условия работы;
- выплачивал мизерную зарплату и нередко платил нам просроченными пищевыми продуктами;
- вытеснив акционеров незаконными способами, он стал владельцем универмага.

Более года мы отстаивали наши права в судах и других инстанциях. Правоохранительные органы по-прежнему бессильны. В Омске и области многие пострадали от незаконного поведения К[.]; но все молчат, а деньги не пахнут.

Мы, будучи жертвами поведения К[.], предлагаем написать книгу под названием «История темных делишек К[.]». Пусть туда войдут рассказы всех, кто встречался с этим ужасным человеком на своем пути и стал его жертвой. Его состояние было нажито на наших слезах. Не пятнайте себя, поддерживая этого человека. Все, что он ни делает, проклято: каждую весну отремонтированное здание городской администрации затапливает содержимое канализации, а Патриарх не приехал для благословения церкви на левом берегу, построенной с нарушением православных канонов.

Мы перенесли множество нападков, притеснений и неправомερных действий из-за этого человека. Не верьте его обещаниям, они построены на горе и произволе.

Избиратели! Подпишите под справедливой оценкой К[.]! Скажите «нет!» состоянию, основанному на горе и слезах простых людей.

Мы твердо убеждены в том, что человек, который нарушает закон, не должен быть депутатом и законодателем.

От имени акционеров: Г. Ф[.], Л. К[.], В. А[.]» (добавлено восклицание)».

10. 26 марта 2002 года Заявитель была избрана членом законодательного собрания Омской области.

11. Г-н К. оспорил результаты выборов в Омском областном суде. В частности, он утверждал, что опубликовав листовку, Заявитель прибегла к незаконным предвыборным методам. Сторонами в разбирательствах были г-н К. и избирательная комиссия. Заявитель фигурировала в качестве третьей стороны.

12. 4 июня 2002 года Омский областной суд отклонил жалобу г-на К., постановив, что в листовке содержался призыв к избирателям голосовать против г-на К., что является допустимой формой предвыборной агитации. Выпуск этой листовки не нарушал законодательства о выборах. Если г-н К. полагал, что в листовке содержалась недостоверная информация, умаляющая его честь и подрывавшая его репутацию, то он всегда мог обратиться в суд с иском о защите чести и достоинства.

13. Г-н К. подал в суд иск о защите чести и достоинства на Заявителя и трех человек, подписавших листовку. Он заявил, что приведенные выше фрагменты содержали недостоверную информацию, и что распространение листовки нанесло ущерб его репутации и серьезно повлияло на свободу выбора избирателей. Он требовал возмещения морального вреда.

14. Заявитель представила свои доказательства, включая экземпляр листовки с тридцатью девятью подписями, решение о выпуске дополнительных акций, принятое советом директоров универсама «Октябрьский» под председательством г-на К., и официальный документ, свидетельствующий о том, что затопление первого этажа здания городской администрации произошло по причине конструктивного дефекта, впоследствии устраненного. Несколько миноритарных акционеров дали устные показания в суде, подтвердив информацию, содержащуюся в листовке.

15. 11 апреля 2003 года Кировский районный суд Омска удовлетворил иски г-на К. и постановил, что ответчики не смогли доказать правдивость оспоренных сведений.

16. Во-первых, суд сослался на постановление Омского областного суда от 4 июня 2002 года, заявив, что обязан руководствоваться содержащемся в нем заключением о том, что Заявитель не смогла доказать правдивость утверждений в тексте листовки.

17. Далее суд постановил следующее:

(а) Решение о выпуске 300000 дополнительных акций было принято общим собранием акционеров, а не г-ном К. лично. Ранее это решение было признано законным в суде. Хотя г-н К. являлся мажоритарным акционером, то обстоятельство, что он имел решающий голос в определенных обстоятельствах «не означало незаконности принятых решений. По этой причине обвинение г-на К. в занижении стоимости акций и вытеснении акционеров, как в незаконном действии, было необоснованно. Ответчики не смогли доказать, что г-н К. действовал в нарушение закона».

(б) Не было доказано, что снижение стоимости было результатом действий г-на К., а не следствием другой причины. Более того, ответчики продали свои акции по цене от 800 до 1000 рублей каждая.

(в) Факт принуждения к продаже акций установлен не был. Г-н К., будучи председателем совета директоров, предлагал акционерам продать свои акции по цене 30 рублей за акцию. Доказательств того, что он прибегал к вымогательству, насилью или угрозам насилия, не было.

(г) Обвинение в том, что г-н К. «вынудил тридцать девять сотрудников уволиться, создав для них невыносимые условия работы» было также необоснованным. Лично г-н К. не подписывал приказов об увольнении. Упомянутые сотрудники уволнились по собственному желанию, а на заявлениях на увольнение также значилась подпись генерального директора, г-на Б. Таким образом, причинно-следственная связь между действиями г-на К. и увольнениями сотрудников отсутствовала.

(д) Ответчики не смогли доказать, что на г-не К. лежала личная ответственность за выплату «мизерной зарплаты». Зарплата сотрудников универсама «Октябрьский» была сравнима со средней зарплатой по области. К тому же, «понятие «мизерная зарплата»

субъективно, а из того факта, что выплачивалась такая зарплата, не следовало, что это было связано с поведением г-на К. Незаконность его поведения доказана не была».

(е) Ответчики не представили никаких доказательств в подтверждение того, что акционеры были вытеснены незаконными способами, или того что г-н К. получил универмаг «Октябрьский» в собственность незаконно.

(ж) Обвинение в том, что «все, что [г-н К.] ни делает, проклято» было «оскорблением». Утверждение о том, что здание городской администрации затоплялось каждую весну, было недостоверно, т.к. в здании были проведены дополнительные строительные работы, и проблема затопления была разрешена. Что касается утверждения о церкви, настоятель церкви сообщил, что она была построена в соответствии с православными канонами. Более того, г-н К. получил «письмо с благословением» за ее возведение.

18. Районный суд пришел к следующему заключению:

«Очевидно, что листовка была инструментом [предвыборной] кампании и, по сути, была предназначена для того, чтобы подтолкнуть (и подтолкнула) избирателей к участию в предвыборном голосовании против кандидата г-на К[.], что не возбраняется законом о выборах.

Было установлено, что [Заявитель] не являлась ни источником информации, помещенной в листовке, ни ее автором; она лишь распространила ее. Что касается подбора слов, то выражения и утверждения относительно собственности и состояния [г-на К.] отражали мнение и гражданскую позицию узкого круга акционеров и бывших сотрудников в отношении разногласий, существовавших между ними и акционерной компанией, одним из директоров которой является г-н К[.]. В Омском арбитражном суде предстоят судебные разбирательства по этому делу...

Поскольку суд считает доказанным тот факт, что утверждения, распространенные ответчиками, нанесли ущерб чести, достоинству и деловой репутации г-на К[.], то назначает ему компенсацию морального вреда в размере 500

рублей, которую должна ему выплатить [Заявитель]. Суд принимает в расчет характер распространенных утверждений и то обстоятельство, что листовка была подписана не только ответчиками, но и другими тридцатью девятью лицами, что значительно уменьшило ответственность ответчиков за моральный вред, нанесенный истцу».

19. В резолютивной части своего постановления суд привел утверждения, набранные в листовке курсивом, и признал их недостоверными и порочащими.

20. Заявитель обжаловала это постановление. С ее точки зрения, районному суду не следовало считать себя связанным постановлением от 4 июня 2002 года, касавшимся спора с другим основанием иска, и между другими сторонами. Этот спор касался результатов выборов, а возник он между г-ном К. и избирательной комиссией; Заявитель же являлась в нем третьей стороной. Вопросы, связанные с ущемлением чести и достоинства или компенсацией морального вреда, не рассматривались в постановлении от 4 июня 2002 года. Заявитель далее утверждала, что ответчики представили доказательства достоверности оспоренных обвинений. В частности, свидетели подтвердили, что все утверждения, содержащиеся в листовке, были правдивыми. Выводы районного суда были противоречивы. В частности, районный суд констатировал, что г-н К., являясь мажоритарным акционером универсама «Октябрьский», оказывал влияние на его деятельность, и вместе с тем сделал вывод о том, что г-н К. не нес личной ответственности за упущения, которые ставились ему в вину. Заключительным аргументом Заявителя было утверждение о том, что постановление от 11 апреля 2003 года нарушало ее право на распространение мнений.

21. 11 июня 2003 года Омский областной суд, рассмотрев жалобу на постановление от 11 апреля 2003 года, утвердил его, постановив следующее:

«Выводы [районного] суда верны, поскольку из содержания оспоренного текста видно, что его авторы представили г-на К[.], кандидата на выборах в законодательное собрание Омской области и директора [универсама «Октябрьский»], как человека с дурной репутацией, нарушающего закон и

нравственные принципы, создающего свое состояние незаконными способами и всячески притесняющего акционеров универсама «Октябрьский» ...

[Районный] суд удовлетворил иски, т.к. ответчики не представили доказательств того, что обвинения, содержащиеся в листовке, были достоверными. Более того, оценка личности г-на К[.] была сформулирована в явно оскорбительных выражениях ...

... [Районный] суд верно расценил заключение, сделанное в постановлении Омского областного суда от 4 июня 2002 года, о том, что [ответчики] не смогли доказать правдивость утверждений, содержащихся в листовке ... как доказательство, установленное судами ...

Аргументы [Заявителя] о том, что настоящее дело имеет другое основание иска, и что стороны имеют разный процессуальный статус, не могут препятствовать повторному установлению фактов, установленных ранее в суде. Поскольку Областной суд дал оценку достоверности обвинений, содержащихся в листовке, суды обязаны руководствоваться этим постановлением ...при рассмотрении настоящего дело.

Довод [Заявителя] о том, что ... постановление нарушает конституционное право на свободу совести, слова и информации, необоснованно. Взгляды отдельного гражданина или группы граждан на определенную тему, распространяемые в письменной форме, должны быть сформулированы в корректных выражениях.

Такие использованные в тексте листовки выражения, как «ненасытный воротила», «этот ужасный человек», «его состояние было нажито на наших слезах», «все, что он ни делает, проклято», «история темных делишек К[.]» носят явно оскорбительный характер, сформулированы в циничных выражениях, содержат оценку личности истца и противоречат социально приемлемым нормам поведения и религиозным принципам ...

Обжалование должно быть отклонено поскольку [районный суд] дал правильную оценку представленным доказательствам, сделал верный вывод о том, что утверждения в листовке были недостоверны и принял решение в соответствии с материально-правовыми и процессуальными нормами.

Однако резолютивная часть упомянутого постановления нуждается в уточнении. Поскольку практически весь текст листовки состоит из недостоверных сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию г-на К[.], список утверждений, квалифицированных как недостоверные, должен быть удален из резолютивной части.

Учитывая конкретные обстоятельства дела (предвыборной кампании), то обстоятельство, что широко распространенная листовка, содержала недостоверные сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию г-на К[.], которые были изложены в намеренно оскорбительной форме, степень душевных переживаний, которые испытал потерпевший, [Областной суд] считает правильным увеличить, в соответствии со статьей 151 Гражданского кодекса РФ, размер возмещения морального вреда до 5000 рублей [Заявителя] и до 2000 рублей [других ответчиков]».

II. Применимое национальное законодательство

A. Предвыборная агитация

22. Федеральный закон от 19 сентября 1997 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (действовавший во время происходивших событий, далее - «Закон об избирательных правах») допускает распространение кандидатами на выборах агитационных материалов (часть 1 статьи 41).

23. Закон запрещает злоупотребление свободой массовой информации, в частности, для возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, призывам к захвату власти или насильственному изменению конституционного строя Российской

Федерации или нарушению территориальной целостности Российской Федерации путем пропаганды войны или злоупотребления свободой массовой информации любым другим образом (часть 2 статьи 43).

В. Иски о защите чести и достоинства

24. В статье 152 Гражданского кодекса РФ говорится о том, что гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Пострадавший также имеет право требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных распространением таких сведений.

25. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 18 августа 1992 года (с изменениями и дополнениями от 25 апреля 1995 года, действовавшими во время происходивших событий) говорилось, что порочащими являются не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов (о совершении нечестного поступка, неправильном поведении в трудовом коллективе, быту и другие сведения, порочащие производственно-хозяйственную и общественную деятельность, деловую репутацию и т.п.). «Распространение сведений» было истолковано как означающее опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и в телевидеопрограммах, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации (пункт 2). Бремя доказывания было возложено на ответчика, который должен был доказать, что распространенные утверждения были правдивы и точны (пункт 7).

С. Компенсация морального вреда

26. Часть 1 статьи 151 Гражданского кодекса РФ устанавливает, что судом может быть назначена компенсация морального вреда гражданину, который понес ущерб вследствие действий, нарушавших его личные неимущественные права. В статье 150 среди других личных неимущественных прав, упоминается достоинство человека и его/ее честь, доброе имя и деловая репутация.

27. Размер компенсации морального вреда зависит от степени правонарушения и прочих связанных с ним обстоятельств. Суд должен также принять во внимание степень физических и нравственных страданий, которые испытал пострадавший (часть 2 статьи 151). Степень физических или нравственных страданий оценивается в зависимости от обстоятельств дела и личности пострадавшего. Размер компенсации должен быть разумным и справедливым (статья 1101).

D. Гражданский процесс

28. Обстоятельства, установленные в окончательном решении по делу, носят преюдициальный характер и обязательны для других судов. Нет необходимости устанавливать эти обстоятельства вновь, и они не могут быть оспорены в будущих процессах теми же сторонами (часть 2 статьи 61 Гражданского процессуального кодекса РФ).

29. Суд должен принять решение по заявленным истцом исковым требованиям. Он может выйти за пределы заявленных требований только в случаях, предусмотренных федеральным законом (часть 3 статьи 196).

ПРАВО

I. Приемлемость жалобы

30. Правительство заявило, что жалобу следует отклонить, т.к. было нарушено правило подачи жалоб в течение шести месяцев. Хотя окончательное постановление в отношении всех жалоб было принято 11 июня 2003 года, Суд получил формуляр заявления только 19 января 2004 года.

31. Заявитель сообщила, что она отправила формуляр заявления 11 декабря 2003 года, т.е. в течение шести месяцев после принятия окончательного решения по делу.

32. Суд замечает, что, в соответствии с пунктом 5 Правила 47 Регламента Суда, датой подачи, в качестве общего правила, является день первого изложения (хотя бы даже краткого) предмета жалобы Заявителем. Таким образом, датой подачи жалобы является день

написания Заявителем первого письма, а в случаях, когда между этой датой и датой отправки письма был чрезмерно долгий период, то дату подачи определяет суд (см. постановления по делам *Гаспари против Словении* (*Gaspari v. Slovenia*), № 21055/03, § 35, 21 июля 2009 года; *Каллейя против Мальты* (*Calleja v. Malta*) (реш.), № 75274/01, 18 марта 2004 года; и *Арслан против Турции* (*Arslan v. Turkey*) (реш.), № 36747/02, ЕСПЧ 2002-Х (извлечения)).

33. Окончательное решение в настоящем деле было принято 11 июня 2003 года. Заявитель заполнила формуляр жалобы 11 декабря 2003 года, как указано на его последней странице, и отправила его в тот же день. Поэтому Суд признает 11 декабря 2003 года за день подачи жалобы. Он отмечает, что жалоба была подана в рамках шести месяцев после выхода окончательного решения по делу.

34. По причинам, изложенным выше, Суд отклоняет возражения Правительства. Далее он замечает, что жалоба не является явно необоснованной с точки зрения пункта 3 статьи 35 Конвенции. Она не является неприемлемой ни на каких других основаниях, и поэтому должна быть объявлена приемлемой.

II. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

35. Заявитель утверждала, что имело место нарушение ее права на свободу выражения мнения, гарантированное в статье 10 Конвенции, гласящей:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны органов власти и независимо от государственных границ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями и санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности,

защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

А. Доводы сторон

36. Заявитель выдвинула довод о том, что вмешательство в осуществление ею свободы выражения мнения было необоснованным. Во-первых, национальным судам не следовало ссылаться на постановление от 4 июня 2002 года, т.к. оно касалось дела о характере проведения предвыборной агитации, в котором Заявитель не являлась ответчиком. В постановлении от 4 июня 2002 года не рассматривались вопросы, относившиеся к ущемлению чести и достоинства или возмещения морального вреда, и от Заявителя не требовалось доказать правдивость обвинений, содержащихся в тексте листовки. Поэтому вывод, сделанный в резолютивной части этого постановления, о том, что Заявитель не смогла доказать правдивость содержания листовки, был неправильным. Разбирая спор об оскорблении чести и достоинства, суды неверно сочли себя обязанными руководствоваться постановлением от 4 июня 2002 года. Им следовало заново рассмотреть вопрос о доказанности обвинений в тексте листовки.

37. Во-вторых, Заявитель утверждала, что она представила достаточно доказательств достоверности оспаривавшихся фактов о нарушениях. В суде дали показания четырнадцать свидетелей, которые подтвердили правдивость информации в листовке. Остальные утверждения были оценочными суждениями, выражавшими личное мнение сотрудников о г-не К. Национальные суды не провели разграничения между оценочными суждениями и утверждениями о фактах. Они не проанализировали оспоренные сведения для определения того, были ли они оценочными суждениями, не подлежащими доказыванию. Таким образом, ответчикам было отказано в праве придерживаться своего мнения и выражать его в форме оценочного суждения.

38. Наконец, Заявитель утверждала, что ей не были предоставлены надлежащие процессуальные гарантии. В частности, исковое заявление г-на К. было ограничено оспариванием определенных обвинений, содержащихся в листовке. Однако, суд кассационной инстанции по собственной инициативе рассмотрел полный текст листовки и расценил все содержащиеся там утверждения как

недостоверные. Более того, хотя г-н К. не обжаловал постановление районного суда, областной суд самостоятельно увеличил сумму возмещения морального вреда. По мнению Заявителя, эти факты свидетельствовали о том, что разбирательства по делу о защите чести и достоинства были необъективны.

39. Правительство привело довод о том, что утверждения, опубликованные Заявителем, были утверждениями о фактах. Заявитель не смогла доказать достоверность этих утверждений. Поэтому вмешательство в осуществление ею свободы выражения мнения было оправдано. Далее оно не согласилось с аргументом Заявителя о том, что кассационный суд признал все содержание листовки недостоверным. Суд лишь установил, что «обвинения, содержащиеся в листовке», были недостоверными и внес соответствующие изменения в резолютивную часть решения. Суд кассационной инстанции внес уточнения в выводы, сделанные районным судом, без рассмотрения каких-либо новых доказательств или изменения аргументации или существа решения районного суда. Относительно компенсации морального вреда, размер был определен в соответствии со статьями 151 и 1101 Гражданского кодекса (см. пункт 27 выше).

В. Оценка Суда

40. Суд напоминает о том, что свобода выражения мнения является одной из основ демократического общества и одним из важнейших условий его развития и самореализации каждого отдельного человека. В соответствии с пунктом 2 статьи 10, она распространяется не только на «информацию» или «идеи», которые благоприятно воспринимаются в обществе либо рассматриваются как безобидные или нейтральные, но также и на те, которые оскорбляют, шокируют или вызывают беспокойство у государства или части населения. Таковы требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых нет «демократического общества» (см. постановления по делам *Хэндисайд против Великобритании (Handyside v. the United Kingdom)*, 7 декабря 1976 года, § 49, Серия А № 24, и *Йерсилд против Дании (Jersild v. Denmark)*, 23 сентября 1994 года, § 37, Серия А № 298).

41. Суд далее отмечает, что свободные выборы и свобода выражения мнения вместе образуют фундамент любой демократической системы. Эти два права взаимосвязаны и взаимно усиливают друг друга,

поскольку свободное выражение мнения представляет собой одно из «условий» необходимых для «обеспечения свободного выражения мнения людей при выборе законодательных органов власти». По этой причине она особенно важна в предвыборный период для создания условий для свободной циркуляции разного рода мнений и информации. Этот принцип одинаково применим и к общенациональным и к местным выборам (см. постановления по делам *Квечень против Польши (Kwieceń v. Poland)*, № 51744/99, § 48, ЕСПЧ 2007-I, и *Боуман против Великобритании (Bowman v. the United Kingdom)*, 19 февраля 1998 года, § 42, Отчеты о постановлениях и решениях 1998-I).

42. Стороны согласны с тем, что постановления, принятые по делам об умалении чести и достоинства, явились вмешательством в осуществление Заявителем своего права на свободу выражения мнения с точки зрения пункта 1 статьи 10 Конвенции. По существу, хотя Заявитель не была автором оспоренного текста листовки, она участвовала в ее напечатании и распространении. Суд напоминает в этой связи, что издатели, независимо от отношения к содержанию своих публикаций, играют важную роль в осуществлении свободы выражения мнения, предоставляя авторам среду для распространения их взглядов (см. постановление по делу *Эдисон Плон против Франции (Editions Plon v. France)*, № 58148/00, § 22, ЕСПЧ 2004-IV, с дальнейшими ссылками). Отсюда следует, что распоряжение о выплате Заявителем денежной компенсации г-ну К. в связи с публикацией оспоренной листовки, явилось вмешательством в ее право на распространение информации и идей, которое является частью права на свободу выражения мнения, гарантированного пунктом 1 статьи 10 Конвенции.

43. Не оспаривается и тот факт, что вмешательство было «предписано законом», а именно статьей 152 Гражданского кодекса РФ, и преследовало законную цель защиты репутации или прав других в смысле пункта 2 статьи 10 Конвенции. Спор в данном деле касается того, было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе».

44. Проверка на необходимость требует от Суда определить, соответствовало ли вмешательство «насуточной общественной потребности», было ли оно соразмерно законной преследуемой цели, были ли причины, приведенные национальными органами власти в его

обоснование, существенными и достаточными. При оценке наличия такой необходимости и характера мер, которые надлежит принять для противодействия ему, национальным органам власти отводятся определенные рамки усмотрения. Эти полномочия, однако, не являются неограниченными, но предполагают надзор со стороны Европейского Суда, чья задача заключается в принятии окончательного решения относительно того, совместимо ли ограничение со свободой выражения мнения, находящейся под защитой статьи 10. Задача Суда при осуществлении его надзорной функции состоит не в том, чтобы подменять собой национальные органы власти, а в рассмотрении, в свете всего дела целиком, принятых ими решений в соответствии со своими рамками усмотрения с точки зрения статьи 10. Выполняя это, Суд должен убедиться в том, что национальные органы власти применили стандарты в соответствии с принципами, изложенными в статье 10 и, кроме этого, что они основывались в своей оценке на имеющих значение фактах ...» (см. постановление по делам *Карман против России (Karman v. Russia)*, № 29372/02, § 32, 14 декабря 2006 года, и *Гринберг против России (Grinberg v. Russia)*, № 23472/03, §§ 26-27, 21 июля 2005 года, с имеющимися в них ссылками).

45. Обращаясь к фактам настоящего дела, Суд отмечает, что Заявитель, во время периода непосредственно перед местными выборами, в которых она принимала участие в качестве кандидата, опубликовала листовку с призывом к местному населению не голосовать за ее конкурента, г-на К. В листовке критиковался нравственный облик г-на К. и, видимо, она предназначалась для того, чтобы бросить тень сомнения на его кандидатуру в депутаты местного законодательного собрания. Суд напоминает о том, что, как общее правило, любые мнения и информация, относящиеся к выборам, которые распространяются во время предвыборной кампании, следует рассматривать как часть общественной дискуссии по вопросам, представляющим общественный интерес (см. постановление по делу *Филатенко против России (Filatenko v. Russia)*, № 73219/01, § 40, 6 декабря 2007 года, а также судебную практику, упоминавшуюся в пункте 41 выше). В соответствии с устоявшейся практикой Суда, пункт 2 статьи 10 Конвенции предоставляет незначительные возможности для ограничения высказываний на политические темы или общественную дискуссию по вопросам, вызывающим общественный интерес, и для применения таких ограничений требуются очень веские причины (см. постановление по делу *Красуля*

против России (Krasulya v. Russia), № 12365/03, § 38, 22 февраля 2007 года, с имеющимися в нем ссылками).

46. Суд также находит важным то обстоятельство, что критика, содержащаяся в листовке, опубликованной Заявителем, была направлена против человека, вовлеченного в политическую деятельность, рамки приемлемой критики в отношении которого шире, чем в отношении рядового человека (см. постановление по делу *Лингенс против Австрии (Lingens v. Austria)*, 8 июля 1986 года, § 42, Серия А № 103). Выставив свою кандидатуру на местные выборы, г-н К. вышел на политическую сцену, неизбежно и осознанно сделал каждое свое слово и действие объектом пристального внимания, как со стороны журналистов, так и широкой общественности. Следовательно, он должен был выказать большую терпимость к критике в свой адрес.

47. Далее, Суд отмечает, что листовка была составлена и подписана группой миноритарных акционеров и бывших сотрудников универсама «Октябрьский», владельцем которого является г-н К. В ее содержании была отражена субъективная оценка подписавшихся деятельности и нравственного облика г-на К., а также их восприятие его влияния – отрицательного, по их мнению, - на положение дел в универсаме «Октябрьский». Это явно было субъективное мнение людей, поставивших под содержанием листовки свои подписи, считавших, что г-н К. был неподходящим кандидатом на выборы в областное законодательное собрание, потому что, на их взгляд, злоупотреблял своим влиятельным положением в универсаме «Октябрьский» и обращался с миноритарными акционерами и сотрудниками этого магазина несправедливо. Это мнение было основано на их опыте общения с г-ном К. Их обвинения в том, что после выпуска дополнительных акций по инициативе г-на К. их стоимость была занижена, что г-н К. предлагал купить акции миноритарных акционеров по заниженной цене, что несколько сотрудников, несогласных с политикой и взглядами г-на К., были уволены, и другие подобные обвинения, получили подтверждение в ходе разбирательств в национальных судах. Соответственно, подписавших листовку нельзя обвинить в искажении фактов или высказывании обвинений, не имевших под собой достаточных фактических оснований. Суд не видит причин сомневаться в том, что они действовали добросовестно, и поэтому считает, что издавая листовку, Заявитель способствовала распространению мнения на

общественно значимую тему, имевшего достаточное фактическое основание.

48. Необходимо признать, что выражение или опубликование мнения может также носить чрезмерный характер, в частности, если ее единственной целью является нанесение оскорбления. Поэтому необходимо проводить четкое разграничение между критикой и оскорблением (см., *mutatis mutandis*, постановление по делу *Скалка против Польши (Skalka v. Poland)*, № 43425/98, § 34, 27 мая 2003 года). Важно, однако, помнить о том, что политические выпады часто вторгаются в личную сферу; таковы особенности политической сферы и свободного обсуждения идей, гарантированных в демократическом обществе (см. постановление по делу *Лопеш Гомеш да Сильва против Португалии (Lopes Gomes da Silva v. Portugal)*, № 37698/97, § 34, ЕСПЧ 2000-Х). Суд признает, что определенные выражения в тексте листовки можно рассматривать как несколько агрессивные. Они, однако, не дотягивают до оскорбления или ничем необоснованного выпада в отношении личности, т.к. авторы подкрепили их объяснениями. Хотя комментарии, приведенные в листовке, несомненно, имели характер резкой критики, они все же представляются соразмерными переживаниям и возмущению, вызванным поведением г-на К. по отношению к подписавшимся.

49. Что касается причин, упоминавшихся национальными судами, в обоснование вмешательства в осуществление Заявителем права на распространение информации и идей, Суд отмечает, во-первых, что российские суды не смогли увидеть в настоящем деле конфликта между правами на свободу выражения мнения и защиту репутации и поэтому не обеспечили соответствующий баланс прав. Они свели свой анализ к обсуждению ущерба репутации г-на К., оставив без внимания факторы, упомянутые в пунктах с 45 по 48 выше, такие, как статус истца как профессионального политика, участвовавшего в выборах и то, что оспоренные утверждения отражали субъективное мнение группы людей по вопросу, вызывавшему общественный интерес в местном сообществе, основанное на их личном опыте и серьезных фактах. Соответственно, российские суды не применили стандарты в соответствии с принципами, изложенными в статье 10 (см., подобную аргументацию в постановлениях по делам *Дюндин против России (Dyundin v. Russia)*, № 37406/03, § 33, 14 октября 2008 года, и *Квечень против Польши*, упоминавшееся выше, § 52).

50. Суд также отмечает, что в российском законодательстве о защите чести и достоинства, в том виде, в котором оно действовало во время происшедших событий, не было разграничения между оценочными суждениями и утверждениями о фактах, а использовался лишь термин «сведения», и предполагалось, что любое такое утверждение подлежит доказыванию в рамках гражданского процесса. Независимо от действительного содержания сведений, лицо, распространившее их, было обязано убедить суд в их достоверности (см. пункты 24 и 25 выше, см. также постановление по делу *Гринберг против России*, упоминавшееся выше, № 23472/03, § 29, 21 июля 2005 года). Учитывая эти законодательные положения, национальные суды не проводили анализа, задавались вопросом о том, были ли сведения, опубликованные Заявителем, выражены в форме оценочных суждений.

51. Однако, Суд всегда исходил из того, что необходимо проводить разграничение между утверждениями о фактах и оценочными суждениями. Тогда как наличие фактов можно продемонстрировать, достоверность оценочных суждений доказыванию не подлежит. Требование доказать правдивость оценочного суждения выполнить невозможно, и оно нарушает сам принцип свободы выражения мнения, который является основной частью права, закрепленного в статье 10 (см. постановление по делу *Лингенс против Австрии*, упоминавшееся выше, п. 46, а также постановление по делу *Обершлик против Австрии (№ 1) (Oberschlik v. Austria (n.1))*, от 23 мая 1991 года, п. 63, Серия А № 204).

52. Суд отмечает, что многие утверждения, содержащиеся в тексте листовки, такие как, например, о том, что г-н К. является «ненасытным воротилой» и «ужасным человеком», что его состояние было «нажито на горе и слезах простых людей», и что «все, что он ни делает, проклято» - примеры оценочных суждений, которые национальные суды не отличили от утверждений о фактах. Национальные суды полагали, что Заявитель была обязана доказать правдивость этих обвинений. Очевидно, что такое бремя доказывания было невыполнимо.

53. Наконец, Суд напоминает о том, что процессуальные гарантии, предоставляемые ответчикам в процессах о защите чести и достоинства, находятся в числе факторов, которые следует принимать во внимание при оценке соразмерности вмешательства в соответствии со статьей 10. В частности, важно, чтобы ответчику был предоставлен

действительный шанс доказать достоверность фактологического основания высказанных обвинений. Отсутствие процессуальной справедливости и равенства может повлечь за собой нарушение статьи 10 (см. постановления по делам *Стил и Моррис против Великобритании (Steel and Morris v. the United Kingdom)*, № 68416/01, § 95, ЕСПЧ 2005-II, *Квечень против Польши*, упоминавшееся выше, §§ 46 и 55; *Кастеллс против Испании (Castells v. Spain)*, 23 апреля 1992 года, § 48, Серия А № 236; *Карман против России*, упоминавшееся выше, № 29372/02, § 42, 14 декабря 2006 г.; и *Джерусалем против Австрии (Jerusalem v. Austria)*, № 26958/95, § 45, ЕСПЧ 2001-II).

54. В настоящем деле г-н К. обратился в суд на Заявителя только в связи с определенными утверждениями. Поэтому защита Заявителя была ограничена фрагментами текста, указанными г-ном К. в его исковом заявлении. Ясно, что и решение суда первой инстанции было также результатом анализа только тех фраз, которые оспаривал г-н К. Суд кассационной инстанции, однако, счел необходимым рассмотреть весь текст листовки, после чего объявил ее содержание недостоверным. [Европейский] Суд не согласен с утверждением Правительства о том, что суд кассационной инстанции не вышел за рамки иска г-на К. Он отмечает, что в своем постановлении кассационная инстанция дала оценку фразам, не фигурировавшим в исковом заявлении г-на К., таким, например, как «*история темных делишек К[.]*» и «*его состояние было нажито на наших слезах*», и постановил, что они порочили честь, достоинство и деловую репутацию г-на К. Суд кассационной инстанции, к тому же, недвусмысленно констатировал, что «*все содержание листовки содержало недостоверные утверждения*» и принял решение о соответственном увеличении размера возмещения (см. пункт 21 выше). Учитывая, что по национальному законодательству суды могут выйти за пределы иска истца только в делах, определенных федеральным законом (см. пункт 29 выше), и что кассационная инстанция не сослалась на какой-либо федеральный закон, дающей ей право сделать это в данном деле, Суд считает, что решение суда кассационной инстанции о признании содержания всей листовки недостоверным вряд ли могло быть предсказуемым для Заявителя. Также имеет значение то, что постановление суда кассационной инстанции было окончательным и, следовательно, не оставляло Заявителю возможности оспорить его в вышестоящем суде в обычном порядке. Отсюда следует, что в отношении утверждений, не упомянутых в исковом заявлении г-на К., Заявитель была лишена

какой-либо возможности доказать в суде, что они были правдивы или достаточно обоснованы.

55. Суд также замечает, что национальные суды сочли должным руководствоваться заключениями Областного суда в предвыборном споре между г-ном К. и избирательной комиссией, в котором Заявитель участвовала в качестве третьей стороны. В частности, национальные суды ссылались на вывод в постановлении от 4 июня 2002 г. о том, что Заявитель не смогла доказать достоверность фрагментов текста, оспоренных г-ном К. (см. пункты 16 и 21 выше). Однако, Суд принимает во внимание аргумент Заявителя, не оспоренный Правительством, о том, что в ходе предвыборного спора ей не была предоставлена возможность доказать достоверность обвинений, содержащихся в листовке. В действительности, этот спор касался предположительно незаконной предвыборной агитации, и по национальному законодательству, был ограничен определением того, содержались ли в листовке утверждения, возбуждавшие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть или вражду и призывавшие к захвату власти или насильственному изменению конституционного строя или нарушению территориальной целостности Российской Федерации путем пропаганды войны (см. пункт 23 выше). Областной суд подчеркнул, что все вопросы, связанные с умалением чести и достоинства, должны быть предметом отдельных разбирательств (см. пункт 12 выше). По этой причине Суд убежден в том, что во время рассмотрения предвыборного спора Заявителю не была предоставлена возможность доказать правдивость обвинений, опубликованных ею. Он находит странным то обстоятельство, что во время последовавших разбирательств по делу о защите чести и достоинства национальные суды пришли к выводу о том, что Заявитель была лишена возможности представить свои доводы в пользу достоверности высказанных в адрес К. обвинений, потому что она не смогла этого сделать во время предвыборного процесса. В силу этого заключения Заявитель не имела никаких шансов доказать, что обвинения, содержащиеся в тексте листовки, были подкреплены достаточными фактами.

56. На основании изложенного выше, Суд заключает, что процессуальные права Заявителя были ущемлены в степени несовместимой с положениями статьи 10. Таким образом, отсутствие процессуальной справедливости и равенства привело к нарушению этой статьи в настоящем деле.

57. В свете вышесказанного, Суд делает вывод о том, что содержание листовки, опубликованной Заявителем, имело под собой достаточное фактическое основание и не вышло за рамки приемлемой критики. Этот процесс носил гражданский, а не уголовный характер, и относительно небольшой размер присужденной компенсации не меняет то обстоятельство, что стандарты, примененные российскими судами, не соответствовали принципам, изложенным в статье 10, поскольку не был в суде найден баланс между правом истца на репутацию и правом Заявителя на распространение информации на общественно значимые темы, не были разграничены оценочные суждения и утверждения о фактах, и Заявителю не были предоставлены процессуальные гарантии, дававшие ей действительную возможность доказать, что обвинения опубликованные ею, имели достаточное фактическое основание. Поэтому Суд считает, что российские суды не привели «достаточные» причины в обоснование рассматриваемого вмешательства, и переступили узкие рамки усмотрения, предоставленные им при применении ограничений дискуссий на темы, представляющие общественный интерес. Соответственно, вмешательство в осуществление Заявителем своего права на свободное выражение мнения было несоразмерно преследованной цели и не было «необходимо в демократическом обществе».

58. Таким образом, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

III. Предполагаемое нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции

59. Заявитель также обратилась с жалобой по пункту 1 статьи 6 и статьи 13 Конвенции на то, что суд кассационной инстанции вышел за рамки иска истца, объявив все содержание листовки недостоверным и соответственно увеличив размер возмещения. Эта жалоба подлежит рассмотрению в соответствии с соответствующей частью пункта 1 статьи 6, в которой сказано:

«Каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое ... разбирательство дела ... судом ...».

60. Суд полагает, что эта жалоба связана с вопросами, уже рассмотренными в контексте статьи 10 (см. пункты с 53 по 56 выше).

По этой причине Суд считает, что эту жалобу следует признать приемлемой, но необходимости в ее отдельном рассмотрении нет (см. среди других источников, постановление по делу *Квечень против Польши*, упоминавшееся выше, п. 62, и постановление по делу *Джерусалем против Австрии*, упоминавшееся выше, п. 51).

III. Применение статьи 41 Конвенции

1. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протокола к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне ...».

A. Ущерб

62. Заявитель потребовала компенсацию материального и морального ущерба, причиненного ей и трем подписавшимся под листовкой. В частности, она потребовала возмещение 11000 рублей, выплаченных истцу по делу о защите чести и достоинства. Она также заявила, что размер этой суммы должен быть увеличен с учетом инфляции. Она предоставила право определить размер компенсации морального ущерба Суду.

63. Правительство признало требование компенсации материального ущерба в размере 5000 рублей, суммы, выплаченной Заявителем истцу в процессе по защите чести и достоинства. По его мнению, однако, компенсационные требования Заявителя от имени трех других подписавших листовку следовало отклонить как не относящиеся к настоящему делу. Относительно требования возмещения морального ущерба, Правительство заявило, что сама констатация нарушения была бы достаточной справедливой компенсацией.

64. Во-первых, Суд отмечает, что трое других людей, подписавших листовку, не являются стороной настоящего разбирательства. Таким образом, они не вправе требовать компенсации. Суд отклоняет эту часть иска.

65. Суд считает, что сумма, которую Заявителю пришлось выплатить истцу в разбирательствах по делу о защите чести и достоинства, может быть принята во внимание (сравн., постановление по делу *Тома против Люксембурга (Thoma v. Luxembourg)*, № 38432/97, § 71, ЕСПЧ 2001-III). Требование Заявителя относительно ее индексации в соответствии с инфляцией, однако, следует отклонить, поскольку она не представила никаких документов, свидетельствующих о темпах инфляции за соответствующий период. Соответственно, Суд назначает Заявителю 128 евро в качестве возмещения материального ущерба с добавлением суммы любого налога, которым может облагаться эта сумма.

66. Наконец, Суд считает, что Заявитель понесла моральный ущерб как следствие постановлений национальных судов несовместимых с принципами Конвенции. Этот ущерб не может быть возмещен в достаточной степени одной лишь констатацией нарушения. Проведя оценку на справедливой основе, Суд назначает Заявителю 9000 евро с добавлением суммы любого налога, которым может облагаться эта сумма.

В. Судебные расходы и издержки

67. Заявитель также потребовала 7000 рублей для покрытия расходов на оплату переводческих услуг и представила соответствующие чеки.

68. Правительство оспорило это требование.

69. В соответствии с практикой Суда, Заявитель имеет право на получение возмещения судебных расходов, только если установлено, что они действительно были необходимы и взысканы в разумном размере. В настоящем деле, учитывая имеющиеся в его распоряжении документы и вышеизложенные критерии, Суд считает разумным назначить возмещение расходов на оплату переводческих услуг в размере 180 евро с добавлением суммы любого налога, которым может облагаться эта сумма.

С. Процентная ставка

70. Суд считает справедливым, что процентная ставка должна соответствовать предельной процентной ставке Европейского Центрального Банка с добавлением трех процентных пунктов.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобу приемлемой;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
3. *Постановляет*, что нет необходимости рассматривать жалобу по пункту 1 статьи 6 Конвенции;
4. *Постановляет*,
 - (a) что Государство-ответчик обязано выплатить Заявителю, в течение трех месяцев с момента окончательного вступления данного решения в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции следующие суммы с последующим их пересчетом в российские рубли по курсу, действующему на момент расчета:
 - (i) 128 (сто двадцать восемь) евро в качестве компенсации материального ущерба с добавлением суммы любого налога, которым может облагаться эта сумма;
 - (ii) 9000 (девять тысяч) евро в качестве компенсации морального ущерба с добавлением суммы любого налога, которым может облагаться эта сумма;
 - (iii) 180 (сто восемьдесят) евро в качестве возмещения судебных издержек с добавлением суммы любого налога, которым может облагаться эта сумма;
 - (b) что с момента истечения вышеуказанных трех месяцев до момента выплаты на суммы, указанные выше, выплачиваются простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского Центрального Банка в течение периода выплаты процентов с добавлением трех процентных пунктов.
5. *Отклоняет* оставшуюся часть жалобы Заявителя о справедливом возмещении.

Выполнено на английском языке, представлено в письменной форме 14 октября 2010 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Христос Розакис
Андрэ Вампаш

Председатель Суда
Заместитель Секретаря Секции Суда

© Центр Защиты Прав СМИ,
перевод с английского, 2010

Краткое изложение дела

ДЕЛО «ВАЙНАЙ ПРОТИВ ВЕНГРИИ» (Vajnai v. Hungary)

(жалоба № 33629/06)

Постановление Суда
Страсбург, 8 июля 2008 года

Суть принятого решения: В отношении заявителя имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно.

Краткое изложение обстоятельств дела:

21 февраля 2003 года Заявитель, будучи на момент рассмотрения дела заместителем председателя Венгерской Рабочей партии – зарегистрированной политической партии левого крыла – выступал с речью на разрешенной в установленном законом порядке демонстрации, проводившейся в центре Будапешта. Демонстрация проходила на бывшем месте памятника Карла Маркса, который был убран властями. На своей куртке Заявитель прикрепил пятиконечную красную звезду, как эмблему международного движения рабочих. Руководствуясь положениями Уголовного Кодекса, полицейский патруль, присутствующий на демонстрации, потребовал от Заявителя снять звезду. Заявитель выполнил требование.

Впоследствии в отношении Заявителя было возбуждено уголовное дело за публичное ношение тоталитарной символики. 11 марта 2004 года Центральный районный суд г. Пешта признал Заявителя виновным в совершении преступления, заключающегося в использовании тоталитарной символики. Суд назначил условную меру наказания, установив испытательный срок в один год.

Заявитель обжаловал решение в Окружной Суд г. Будапешта, который приостановил производство по делу и передать дело в Суд Европейского Союза с запросом толкования принципа недопустимости дискриминации, как основного принципа права Европейского Союза.

В своем запросе, Окружной Суд отметил, что в нескольких государствах-членах Евросоюза, таких как Италия, символом партий левого крыла являются красная звезда или серп и молот. Соответственно, возникает вопрос, является ли дискриминационной правовая норма, запрещающая использование символики международного рабочего движения под страхом уголовного наказания в одном государстве-члене ЕС, если демонстрация этой символики в другом государстве-члене ЕС не влечет никаких санкций.

Суд Европейского Союза объявил, что адресованный для его рассмотрения Окружным Судом вопрос не входит в его полномочия.

16 ноября 2005 года Окружной Суд Будапешта поддержал обвинительный приговор, вынесенный Заявителю судом первой инстанции.

Оценка Европейского Суда:

Суд определил, что решение Заявителя открыто носить красную звезду должно рассматриваться как способ выражения его политических взглядов, а демонстрация символики на одежде подпадает под значение статьи 10 Конвенции.

Суд отметил, что Правительство до принятия запрета в отношении Заявителя не продемонстрировало наличие опасности реальной и существующей угрозы того, что какое-либо политическое движение или партия восстановят диктатуру коммунизма:

«... следует соблюдать особую осторожность при применении ограничений, особенно в случаях, когда используется символика, имеющая множество значений. В таких случаях, Суд осознает риск того, что полный запрет этой символики приведет к ограничению ее использования в контексте, в котором никакое ограничение не может быть оправдано.

2. Суд внимательно отнесся к тому, что общеизвестные массовые нарушения прав человека, совершенные при коммунизме, дискредитировали символическое значение красной звезды. Тем не менее, Суд считает, что она не

может олицетворять исключительно коммунистический тоталитарный режим, как это утверждало Правительство (см. п. 40 выше). Очевидно, что звезда до сих пор считается эмблемой международного движения рабочих, борющихся за более справедливое общество, а также определенных законных политических партий, действующих в различных государствах-участниках».

По мнению Суда, Правительство не представило доказательств того, что ношение красной звезды однозначно означает отождествление с тоталитарными идеями, особенно в свете того, что Заявитель совершил данное действие во время проведения законной и мирной демонстрации в качестве заместителя председателя зарегистрированной политической партии левого крыла.

В этой связи Суд признал рассматриваемый запрет слишком обширным, который несомненно может вызвать охлаждающий эффект на свободу выражения мнения и повлечь самоцензуру.

Что касается цели запрета, то Суд не считал ее оправданной, поскольку гипотетическая угроза беспорядков в связи с показом красной звезды не может считаться «острой насущной потребностью».

Суд особо подчеркнул, что уголовная мера наказания, влекущая более серьезные последствия, не была пропорциональной преследуемой законной цели.

В итоге Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2011

ДЕЛО «ВАЙНАЙ ПРОТИВ ВЕНГРИИ»

(*Vajnai v. Hungary*)

(жалоба № 33629/06)

Постановление Суда
Страсбург, 8 июля 2008 года

По делу «Вайнай против Венгрии» Европейский Суд по правам человека (Вторая секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:

Франсуаза Тюлькенс, *Председатель*,
Иренеу Кабрал Баррету,
Владими́ро Загребельский,
Данутэ Йочиенэ,
Андрас Сайо,
Нона Цоцория,
Ишыл Каракас, *судьи*,

а также Салли Долле, *Секретарь Секции*,

Проведя 17 июня 2008 года закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, принятое в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было начато по жалобе (№ 33629/06) против Республики Венгрия, поданной в Суд в соответствии статьей 34 Конвенции в защиту прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») гражданином Венгрии, г-ном Аттилой Вайнай (далее – «Заявитель»), 15 мая 2006 года.
2. Заявителя представлял г-н Г. Магяр, юрист практикующий в г. Будапешт. Венгерское Правительство (далее – «Правительство»)

представлял г-н Л. Хельцл, доверенное лицо, Министерство Юстиции и Правоприменения.

3. Заявитель утверждал, что обвинительный приговор за ношение эмблемы международного движения рабочих являлся вмешательством в его право на свободу выражения мнения и нарушал статью 10 Конвенции.

4. 24 сентября 2007 года Суд уведомил Правительство о жалобе. В соответствии с пунктом 3 статьи 29 Конвенции, Суд решил изучить одновременно существо жалобы и ее приемлемость.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

5. Заявитель родился в 1963 году и проживает в г. Будапеште. Фактические обстоятельства дела, представленные сторонами, могут быть кратко изложены следующим образом.

6. 21 февраля 2003 года Заявитель, будучи на момент рассмотрения дела заместителем председателя Венгерской Рабочей партии (Munkáspárt) – зарегистрированной политической партии левого крыла – выступал с речью на разрешенной в установленном законом порядке демонстрации, проводившейся в центре Будапешта. Демонстрация проходила на бывшем месте памятника Карла Маркса, который был убран властями. На своей куртке Заявитель прикрепил пятиконечную красную звезду (далее – «красная звезда»), пяти сантиметров в диаметре, как эмблему международного движения рабочих. В соответствии со статьей 269/B (1) Уголовного Кодекса, полицейский патруль, присутствующий на демонстрации, потребовал от Заявителя снять звезду. Заявитель выполнил требование.

7. Впоследствии в отношении Заявителя было возбуждено уголовное дело за публичное ношение тоталитарной символики. Он был допрошен в качестве подозреваемого 10 марта 2003 года.

8. 11 марта 2004 года Центральный районный суд г. Пешта признал Заявителя виновным в совершении преступления, заключающегося в

использовании тоталитарной символики. Суд назначил условную меру наказания, установив испытательный срок в один год.

9. Заявитель обжаловал решение в Окружной Суд г. Будапешта (Fővárosi Bíróság).

10. 24 июня 2004 года суд вынес решение приостановить производство по делу и передать дело в Суд Европейского Союза (Court of Justice of the European Communities (ECJ)) для предварительного решения в соответствии со статьей 234 Договора о создании Европейского Союза (ЕС). Вопрос, переданный на рассмотрение – получен Судом Европейского Союза 28 июля 2004 года – касался толкования принципа недопустимости дискриминации, как основного принципа права Европейского Союза.

11. В своем запросе, Окружной Суд отметил, что в нескольких государствах-членах Евросоюза, таких как Италия, символом партий левого крыла являются красная звезда или серп и молот. Соответственно, возникает вопрос, является ли дискриминационной правовая норма, запрещающая использование символики международного рабочего движения под страхом уголовного наказания в одном государстве-члене ЕС, если демонстрация этой символики в другом государстве-члене ЕС не влечет никаких санкций.

12. 6 октября 2005 года Суд Европейского Союза объявил, что адресованный для его рассмотрения Окружным Судом вопрос не входит в его полномочия. Соответствующая часть решения гласит:

«<...> 11. В своем запросе национальный суд ставит вопрос по существу, сможет ли принцип недискриминации, статья 6 Директивы Совета ЕС 2000/43/ЕС от 29 июня 2000 года, реализующей принцип равного отношения к гражданам независимо от расовой или этнической принадлежности (ОJ 2000 L 180, р. 22) или статьи 10, 11 и 12 Хартии Основных прав Европейского Союза, провозглашенной 7 декабря 2000 года в Ницце (ОJ 2000 С 364, р. 1), пресечь действие национальной правовой нормы, в частности, статьи 269/В Уголовного Кодекса Венгрии, предусматривающей наказание в рамках внутригосударственной юрисдикции за публичное использование рассматриваемой символики. <...>

13. Напротив, у Суда нет полномочий высказываться в отношении национальных правовых норм, выходящих за рамки действия права Европейского Союза и тогда, когда предмет спора никак не связан с ситуациями, предусмотренными договорами (см. Kretzow, пп. 15 и 16).

14. Очевидно, что ситуация с г-ном Вайнай никак не связана с ситуациями, предусмотренными положениями договоров, а венгерские правовые нормы, применимые во внутригосударственном судопроизводстве, находятся за рамками действия права Европейского Союза.

15. В данных обстоятельствах следует считать, в соответствии со статьей 92(1) Правил судопроизводства, что у Суда Европейского Союза нет четких полномочий, чтобы ответить на вопрос, направленный Окружным Судом (Fővárosi Bíróság)».

13. 16 ноября 2005 года Окружной Суд Будапешта поддержал обвинительный приговор, вынесенный заявителю судом первой инстанции.

II. Применимое национальное законодательство

14. Соответствующие статьи Конституции Венгрии предусматривают следующее:

Статья 2

«(1) Венгерская Республика - независимое, демократическое, правовое государство. <...>

(3) Деятельность ни одной общественной организации, ни одного государственного органа или гражданина не может быть направлена на насильственный захват или осуществление власти, соответственно, на исключительное обладание властью...».

Статья 61

«(1) В Венгерской Республике каждый имеет право на свободу выражения мнения, а также на то, чтобы получить доступ к информации, представляющей общественный интерес, и, соответственно, - право распространять такую информацию».

15. Уголовный Кодекс, действовавший на момент рассмотрения дела, предусматривал следующее:

Меры

Отсрочка исполнения приговора

Статья 72

«(1) В случае совершения преступления небольшой тяжести (vétség) или тяжкого уголовного преступления (bűntett), влекущего наказание в виде лишения свободы сроком не более трех лет, суд может отсрочить исполнение приговора на испытательный срок, если есть достаточные основания полагать, что цель наказания может быть достигнута данным способом».

Статья 73

«(2) Отсрочка исполнения приговора прерывается и приговор приводится в исполнение, если ... лицо, осужденное условно, признано виновным в совершении преступления в течение испытательного срока ...».

Преступления против Государства

Статья 139 – Насильственная смена конституционного порядка

«(1) Лицо, совершающее деяние, прямой целью которого является смена конституционного порядка Республики Венгрия путем насилия или угрозы применения насилия – в

частности, с использованием вооруженной силы – совершает тяжкое преступление ...».

Преступления против общественного спокойствия

Статья 269 – Разжигание розни по отношению к какой-либо группе

«Лицо, публично разжигающее ненависть и рознь к

a) венгерскому народу, или

b) какой-либо национальной, этнической, расовой или религиозной группе или к определенным слоям населения совершает тяжкое преступление ...».

Статья 269/B – Использование тоталитарной символики

«(1) Лицо (a) распространяющее, (b) публично использующее или (c) демонстрирующее свастику, знак СС, «скрещенные стрелы»¹, эмблему в виде серпа и молота или красную звезду, или обозначение какого-либо из этих знаков, совершает преступление небольшой тяжести и – если не совершено более тяжкое преступление – несет наказание в виде штрафа (pénzbüntetés).

(2) Поведение, предусмотренное частью первой настоящей статьи, не влечет наказания, если оно совершается в образовательных, научных, художественных целях, чтобы предоставить информацию об истории и современных событиях.

(3) Части (1) и (2) настоящей статьи не применимы к действующей символике государств».

16. Уголовно-Процессуальный Кодекс предусматривает:

¹ *Прим. переводчика: «Скрещенные стрелы» - геральдический символ, использованный экстремистскими организациями правого крыла (Nyilaskereszt) в Венгрии в 1930-х и 1940-х годов как символ венгерского национал-социалистической партии - партии "Скрещенные стрелы".*

Статья 406

(1) Надзорная инстанция может быть вынести решение в пользу осужденного, если: ...

b) организация, действующая в целях защиты прав человека, учрежденная на основании международного договора, установила, что ход процесса или вынесенный по делу приговор суда нарушили какое-либо положение международного договора, закрепленное в законе, при условии, что Венгерская Республика признает юрисдикцию международной организации и что нарушение может быть исправлено путем пересмотра решения ...».

17. Решение № 14/2000 (V. 12.) Конституционного Суда по поводу конституционности статьи 269/B Уголовного Кодекса, гласит следующее:

«... Тоталитарная символика олицетворяет не только тоталитарные режимы, которые известны обществу в целом и причинили ему страдания, с самого начала в законодательстве Венгерской Республики было предусмотрено, что противоправные действия, совершенные этими режимами, должны рассматриваться вместе с ними ...

Конституционный Суд четко указывал в своих решениях ... что никаких конституционных вопросов не должно возникнуть по поводу одинаковой оценки и общего регулирования этих тоталитарных режимов ...

В течение десятилетий до перехода на демократический путь развития, было запрещено распространение лишь фашистской символики и символики «скрещенных стрел»². <...> Несмотря на это, возможно в связи с политическим режимом, использование символики, олицетворяющей

² См. сноску 1.

коммунистическую идеологию, не влекло ответственности, напротив, оно было защищено в уголовном праве. В этой связи, в законе действительно было исключено прежде существующее необоснованное разграничение тоталитарной символики ...

Конвенция (практика Европейского Суда по Правам Человека) предоставляет государствам широкие рамки усмотрения при оценке того, что считается вмешательством, «необходимым в демократическом обществе» (Барфод, 1989г.; Маркт Интерн, 1989г.; Корхер, 1993г.; Косадо Кока, 1994г.; Якубовски, 1994г.). ...

В некоторых более ранних решениях Конституционный Суд включил в рамки конституционного пересмотра историческую ситуацию как важный фактор ...

В своих решениях Конституционный Суд постоянно давал оценку историческим обстоятельствам (зачастую принимая смену политического режима как факт), признавая, что эти обстоятельства могут обуславливать необходимость некоторого ограничения фундаментальных прав, но Суд никогда не допускал ослабления требований конституционности лишь на том основании, что произошла смена политического режима ...

Конституционный Суд указывает на то, что в своей практике даже Европейский Суд по Правам Человека учитывает историческое прошлое и настоящее государства-ответчика, когда дает оценку допустимой цели и ограничения права на свободу выражения мнения.

В деле Рыквенный против Венгрии (Rekvenyi v. Hungary), касающемся политической деятельности и свободы политической дискуссии офицеров полиции, суд вынес постановление 20 мая 1999 года, в котором говорилось - «цель, касающаяся важной роли полиции в обществе, которая не должна ставиться под угрозу в результате ослабления политического нейтралитета его участников, является целью, которая допустима в соответствии с демократическими принципами. Эта цель имеет

специфическое историческое значение в Венгрии в связи с прежней тоталитарной системой в стране, когда государство полагалось на прямое подчинение полиции правящей партии»...

В соответствии с практикой Конституционного Суда, поведение, представляющее угрозу общественному спокойствию и оскорбляющее достоинство каких-либо групп, может быть защищено уголовным правом, если оно не направлено против одного четко определенного человека; теоретически, нет другого – менее сурового – предусмотренного законом инструмента для достижения желаемой цели, чем уголовное наказание ...

Быть демократическим правовым государством – значит поддерживать и содействовать конституционному порядку... Конституция закрепляет важные для общества ценности. Выражение мнения, противоречащее конституционным ценностям, не защищается в рамках статьи 61 Конституции ...

Конституция принадлежит демократическому правовому государству, соответственно власть, принимающая Конституцию, считает важным защиту демократии, плюрализма и человеческого достоинства; более того, неконституционной считается деятельность, направленная на насильственный захват или осуществление власти, или на исключительное обладание властью (п.3 статьи 2). Статья 269/В предусматривает наказание за распространение, публичное использование в присутствии большого скопления людей, а также демонстрацию символики, используемой политическими диктаторскими режимами; при этих режимах массово совершались незаконные действия и нарушались фундаментальные права человека. Символика, олицетворяющая тиранию государства, и символизирующая негативные политические идеи, воплощенные в ходе исторического развития Венгрии в XX веке, запрещена в соответствии с п. 3 статьи 2 Конституции. Статья возлагает на каждого обязательство противостоять такой деятельности ...

Использование символики способами, запрещенными статьей 269/В Уголовного Кодекса, может вызвать обоснованное чувство опасности или страха, основанное на конкретном опыте людей, включая разные группы, которые перенесли страдания в прошлом, поскольку эта символика олицетворяет риск повторения этих бесчеловечных поступков в связи с упомянутыми тоталитарными идеями.

По мнению Конституционного Суда, если кроме защиты, предусмотренной уголовным правом, защита других конституционных ценностей не может быть обеспечена другими способами, тогда сама по себе защита, предусмотренная уголовным правом, не является непропорциональной, учитывая необходимость защиты от использования данной символики. Есть необходимость подобной защиты в демократическом обществе или нет зависит от характера ограничения, его социального и исторического контекста, и его влияния на лиц, чьи права были нарушены.

На основании вышеизложенного, в настоящем деле, рассматриваемый закон преследует цель защитить другие конституционные ценности наряду с вопросом, защита которого предусмотрена в уголовном праве. Эти ценности – демократическая сущность правового государства, указанная в п. 1 статьи 2 Конституции, запрет, предусмотренный в п. 3 статьи 2, а также требование, изложенное в статье 70/А Конституции, которое гласит, что все граждане должны иметь по закону равное достоинство <...>

Разрешение неограниченного, открытого и публичного использования указанной символики в данной исторической ситуации нанесет серьезное оскорбление сторонникам демократии, уважающим человеческое достоинство людей, и, соответственно, осуждающих идеологию ненависти и агрессии, и, в частности, тех, кто пострадал от фашизма и коммунизма. В Венгрии, память об обеих идеологиях, олицетворенных запрещенной символикой, а также преступлениях, совершенных с этой символикой, до сих пор жива в общественном сознании и среди тех, кто пережил

гонения; такое не забывается. Люди, которые жестоко пострадали, и их родственники живут среди нас. Использование этой символики напоминает о недавнем прошлом и об угрозах того времени, нечеловеческих страданиях, ссылках и беспощадной идеологии.

По мнению Конституционного Суда, этот запрет действительно является мерой, направленной на защиту демократического общества – и, соответственно, конституционной мерой – когда в данной исторической ситуации государство запрещает противоречащее идеалам демократии поведение, связанное с использованием конкретной символики тоталитарных режимов: ее распространение, использование перед большим скоплением людей и публичная демонстрация <...>

Несмотря на то, что конституционное определение и оценка наказания по уголовному праву за нарушение охраняемых законом ценностей, а именно общественного порядка и достоинства тех, кто являются сторонниками демократии, независимо друг от друга, может привести к разным решениям, тем не менее, поскольку использование тоталитарной символики нарушает одновременно обе ценности, наблюдается кумулятивный и синергический эффект, усиленный современным влиянием недавних исторических событий.

Конституционный Суд считает, что исторический опыт Венгрии и опасность для конституционных ценностей, нависшая над венгерским обществом, в виде потенциальной возможности публичного осуществления деятельности, основанной на идеологиях прошлых режимов, убедительно и объективно обосновывают запрет такой деятельности и использование уголовного права для борьбы с ней. Ограничение свободы выражения мнения, установленное статьей п. 1 статьи 269/В Уголовного Кодекса, в свете исторического развития, является ответом на насущную социальную потребность.

По мнению Конституционного Суда, в настоящей исторической ситуации нет другого эффективного правового

инструмента, чем механизмы, предусмотренные в уголовном праве и уголовное наказание (ultima ratio) за использование символики, предусмотренное п. 1 статьи 269/B § 1. Это обусловлено тем, что преступление, и, в частности, три конкретных способа совершения преступления с использованием тоталитарной символики, требуют ограничения для защиты ценностей, предусмотренных Конституцией. В другом государстве с аналогичным историческим опытом, использование символики (флагов, значков, униформы, лозунгов и формы приветствия) неконституционных организаций также считается по Уголовному Кодексу преступлением, представляющим угрозу для правового демократического государства [Strafgesetzbuch (StGB) vom 15. Mai 1871 (RGBl. S. 127) in der Fassung der Bekanntmachung vom 13. November 1998 (BGBl. I, 3322) § 86a.]

<...>

Законом не запрещено изготовление, приобретение, хранение, ввоз, вывоз и даже использование данной символики с условием, что это совершается не на глазах у большого скопления людей. Только три конкретных способа использования тоталитарной символики противоречат по закону ценностям демократического правового государства (распространение, использование перед большим скоплением людей и публичная демонстрация), в связи с тенденцией этих способов «оскорблять или вызывать удивление или опасение» общественности, а также породить явный страх или чувство опасности идентификацией с ненавистной идеологией и намерением открыто пропагандировать подобные идеологии. Эти деяния могут оскорбить все демократическое общество, особенно человеческое достоинство основных групп и слоев, пострадавших от наиболее тяжких преступлений, совершенных во имя обеих идеологий, которые олицетворяют запрещенная символика.

<...>

На основании вышеизложенного, Конституционный Суд считает, что ограничение, предусмотренное п. 1 статьи 269/B Уголовного Кодекса, является пропорциональным значимости охраняемых целей, в то время как рамки действия ограничения и наказание считаются минимально

жесткими. Соответственно, ограничение на фундаментальное право, предусмотренное настоящей статьей Уголовного Кодекса, отвечает требованиям пропорциональности <...>».

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

18. Заявитель настаивал, что факт возбуждения в отношении него уголовного дела за ношение красной звезды, нарушало его право на свободу выражения мнения, гарантируемое статьей 10 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе, ... для защиты репутации и прав других лиц ...».

19. Правительство выразило несогласие с этим доводом.

A. Приемлемость

20. Правительство утверждало, что жалоба была несовместимой *ratione materiae* с положениями Конвенции, в свете статьи 17:

«Ничто в настоящей Конвенции не может толковаться как означающее, что какое-либо государство, какая-либо группа лиц или какое-либо лицо имеет право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на упряднение прав и свобод,

признанных в настоящей Конвенции, или на их ограничение в большей мере, чем это предусматривает Конвенция».

21. Правительство ссылалось на практику институтов Конвенции, включая решение Европейского Суда по делу *Гароди против Франции* (*Garaudy v. France*) (решение от 24 июня 2003 года, №65831/01, ECHR 2003-IX (выдержки)). Оно напомнило, что в то время, когда заявители опирались на свободу выражения мнения для оправдания публикации текстов, нарушающих саму суть Конвенции и основные ценности демократии, Европейская Комиссия по правам человека прямо или косвенно прибегала к статье 17 Конвенции при отклонении их доводов и объявлении их жалоб неприемлемыми (см., например, постановления по делам *J. Glimmerveen and J. Hagenbeek v. the Netherlands*, № 8348/78 и 8406/78 (joined), решение Комиссии от 11 октября 1979 года, Сборник решений и отчетов (DR) 18, стр. 187; *Pierre Marais v. France*, № 31159/96, решение Комиссии от 24 июня 1996 года, DR 86, стр. 184.) По мнению Правительства, Суд впоследствии подтвердил этот подход в постановлении по делу *Леудье и Изорни против Франции* (*Lehideux and Isorni v. France*), от 23 сентября 1998 года, Отчеты о решениях и постановлениях 1998-VII, §§ 47 и 53). К тому же Правительство указало на то, что в деле по статье 11 *В. П. и другие против Польши* (*W.P. and Others v. Poland*), постановление от 2 сентября 2004 года, № 42264/98, *Reports* 2004-VII), Суд отметил, что «общая цель статьи 17 заключается в том, чтобы не допустить эксплуатации тоталитарными группами в своих интересах принципов, изложенных в Конвенции». Аналогичные выводы Суд сделал в делах *Норвуд против Соединенного Королевства* (*Norwood v. the United Kingdom*) (постановление от 16 ноября 2004 года, № 23131/03, *Reports* 2004-VII) и *Witzsch v. Germany* (постановление от 13 декабря 2005 года, № 7485/03).

22. Поскольку, по мнению Правительства, красная звезда символизирует тоталитарные идеи и порядки, противоречащие ценностям, охраняемым Конвенцией, то оно считало, что ее ношение – будучи поведением, демонстрирующим презрение к жертвам коммунистического режима – является оправданием политики, направленной на уничтожение прав и свобод, установленных Конвенцией. Несмотря на то, что все дела, приведенные выше, касались выражения расистских и антисемитских идей, принадлежащих фашизму как тоталитарной идеологии, тем не менее, Правительство считало, что отношение ко всем идеологиям

тоталитарного характера (включая большевизм, который символизирует красная звезда) должно быть одинаковым, и выражение этих идей должно быть исключено из рамок защиты, предусмотренной статьей 10.

23. Заявитель не прокомментировал это замечание.

24. Суд считает, что настоящее дело необходимо отделить от тех, на которые ссылалось Правительство. Суд отмечает, в частности, в деле *Гароди против Франции*, упоминавшееся выше, и *Леидье и Изорни против Франции*, упоминавшееся выше, на карту было поставлено оправдание политики, аналогичной фашизму. Впоследствии, решение Суда о злоупотреблении применением статьи 17 основывалось на том, что на статью 10 ссылались группы с тоталитарными идеями и помыслами.

25. В настоящем деле Правительство приводило доводы, что Заявитель выразил презрение к жертвам тоталитарного режима (*cf. a contrario, Witzsch v. Germany*, упоминавшееся выше) или был членом группы с тоталитарными амбициями. Однако ничто в материалах дела не подтверждает такие выводы. На момент рассмотрения дела Заявитель был членом зарегистрированной политической партии левого крыла и прикрепил красную звезду, послужившую предметом спора, на одной из разрешенных в законном порядке демонстраций. В данных обстоятельствах, Суд не приходит к выводу, что ее показ служил для оправдания или пропаганды тоталитарного притеснения, присущим «тоталитарным группам». Звезда была лишь эмблемой политических движений левого крыла. В отличие от вышеприведенных дел, выражение, за которое была установлена мера взыскания в настоящем деле, не имело отношения к расистской пропаганде.

26. Отсюда следует, по мнению Суда, что жалоба не является злоупотреблением правом обращений в рамках статьи 17 Конвенции. Следовательно, она совместима *ratione materiae* с положениями Конвенции, в рамках значения пункта 3 статьи 35 Конвенции. Далее Суд отмечает, что жалоба не может считаться неприемлемой ни по каким иным основаниям. Таким образом, жалоба объявлена приемлемой.

В. Существо дела

1. Имело ли место вмешательство?

27. Заявитель подчеркнул, что национальные суды признали его виновным в совершении преступления, выраженного в использовании тоталитарной символики. Несмотря на то, что, действительно, венгерские суды установили условную меру наказания, тем не менее, Заявитель считал, что это, несомненно, явилось вмешательством в его право на свободу выражения мнения, поскольку его привлекли к уголовной ответственности.

28. Правительство утверждало, что даже если предположить, что осуждение заявителя представляло собой вмешательство в его право на свободу выражения мнения, это вмешательство было оправдано в соответствии с пунктом 2 статьи 10.

29. Суд считает, что рассматриваемая уголовная санкция представляла собой вмешательство в права заявителя, охраняемые пунктом 1 статьи 10 Конвенции. Более того, Суд повторяет, что такое вмешательство нарушает Конвенцию, если не отвечает требованиям, изложенным в пункте 2 статьи 10. Следовательно, необходимо установить, было ли вмешательство «предусмотрено законом», преследовало ли оно одну или более законных целей, и было ли оно «необходимым в демократическом обществе» для достижения этих целей.

2. Было ли вмешательство «предусмотрено законом»?

30. Правительство напомнило, что позиция Конституционного Суда сводилась к тому, что ограничение на использование тоталитарной символики было предусмотрено законом – актом Парламента, который был сформулирован с достаточной ясностью и отвечал требованиям предсказуемости.

31. Суд отмечает, что данный вопрос не вызвал разногласий у сторон. Соответственно, Суд согласен с тем, что вмешательство было предусмотрено законом.

3. Преследовало ли вмешательство законную цель?

(а) Доводы заявителя

32. Заявитель подчеркнул, что более двух десятилетий прошло с момента, когда Венгрия перешла с тоталитарного режима к демократическому. Венгрия стала членом Совета Европы, Северо-Атлантического Альянса, Организации за экономическое сотрудничество и развитие в Европе и Европейского Союза. В стране наблюдалось стабильное становление демократии, с 1990 года прошло пять многопартийных выборов. В адрес партии левого крыла, в которой состоял Заявитель, никогда не звучали обвинения в попытке политического переворота. Партия принимала участие во всех выборах, но никогда не переступала порог, позволивший бы ей получить места в Парламенте. Правительство не утверждало, что Заявитель, его партия или идеология этой партии представляют угрозу демократическому политическому строю в стране. В этих условиях, законная цель возбуждения уголовного дела в отношении заявителя за ношение красной звезды на политическом мероприятии остается неясной.

(b) Доводы Правительства

33. Правительство утверждало, что оспариваемая норма права была внесена в Уголовный Кодекс потому, что диктатуры двадцатого века причинили много страданий венгерскому народу. Демонстрация символики, принадлежащей диктатурам, вызывает чувство тревоги, страх или негодование у многих граждан, и иногда даже нарушает права умерших. Публичное ношение символики однопартийной диктатуры, по мнению Правительства, было равносильно противоречию принципу господства права и должно считаться демонстрацией, направленной против плюралистической демократии. Ссылаясь на позицию Конституционного Суда по данному вопросу, Правительство утверждало, что оспариваемая мера преследовала законные цели предотвратить беспорядки и защитить права других.

(с) Оценка Суда

34. Суд считает, что рассматриваемое вмешательство вполне могло преследовать законные цели предотвратить беспорядки и защитить права других.

4. Было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе»?

(а) Доводы заявителя

35. Заявитель настаивал на существенной разнице между фашистской и коммунистической идеологиями и на том, что в любом случае, красная звезда не ассоциируется исключительно с «коммунистической диктатурой». В международном движении рабочих красная звезда – иногда понимаемая как пять пальцев руки рабочего или пять континентов – с девятнадцатого века считается символом борьбы за социальную справедливость, освобождение рабочих и свободу народа, и социализма, в общем понимании.

36. Более того, в 1945 году Венгрия и другие страны бывшего Восточного блока были освобождены от фашистов советскими солдатами, носящими красную звезду. Для многих людей в этих странах, красная звезда ассоциировалась с идеей антифашизма и свободы от тоталитаризма правых. Она была заимствована прогрессивной интеллигенцией, стремящейся реконструировать и модернизировать Венгрию с начала двадцатого века.

37. Заявитель признавал, что до перехода Центральной и Восточной Европы на путь демократического развития, серьезные преступления совершались службами безопасности тоталитарных режимов, чья официальная символика включала красную звезду. Эти нарушения прав человека, тем не менее, не могли дискредитировать коммунистическую идеологию, как таковую, не считая то, что они ставили под сомнение политические ценности, которые символизировала красная звезда.

38. Заявитель обратил внимание на тот факт, что в отличие от пропаганды фашизма (см., *inter alia*, статью 4 Парижского соглашения о мире с Венгрией от 1947 года – Том 41 UNTS 135), содействие коммунизму не запрещалось документами международного права. Красная звезда олицетворялась с различными идеями и движениями левого крыла, и свободно демонстрировалась в большинстве европейских государств. На самом деле, Венгрия была единственным государством-участником договора, в котором публичная демонстрация красной звезды считалась уголовным преступлением.

39. В заключение, Заявитель подчеркнул, что Правительство не продемонстрировало наличие «насущной общественной потребности», требующей запрета на публичную демонстрацию этого символа. По его мнению, стабильность плюралистического демократического строя Венгрии вряд ли могла быть подорвана из-за использования им политической эмблемы, чтобы выразить свою идеологическую принадлежность и политическую идентичность. Напротив, полный запрет на использование красной звезды как политического символа подрывал плюрализм, мешая ему и другим политикам левого крыла свободно выражать свои политические взгляды.

(b) Доводы Правительства

40. Правительство утверждало, что в Венгрии красная звезда была не только символом международного движения рабочих, как заявлял Заявитель. В новейшей истории Венгрии ее значение менялось и символизировало тоталитарный режим, которому свойственны идеология и практика, оправдывающие массовые нарушения прав человека и насильственный захват власти. Публичное ношение этого символа считается отождествлением с намерением пропагандировать идеологии тоталитарного характера, свойственные коммунистической диктатуре.

41. Правительство обратило внимание на выводы Конституционного Суда о том, что рассматриваемое ограничение, с учетом исторического опыта венгерского народа, было ответом на «насущную общественную потребность» при достижении законных целей предотвратить беспорядки и защитить права других. Конституционный Суд считал, что эти цели не могли быть достигнуты другими менее жесткими мерами, чем те, что предусмотрены уголовным правом. Более того, Суд считал ограничение пропорциональным преследуемым целям, поскольку оно было узконаправленным, распространяясь лишь на некоторые четко оговоренные формы публичного использования такой символики, что влечет отождествление и намерение пропагандировать тоталитарную идеологию, которую данная символика олицетворяет. Суд удовлетворило, что использование данной символики в научных, художественных, образовательных и информационных целях законом не запрещалось.

42. Правительство также утверждало, что рассматриваемое преступление не классифицировалось как тяжкое (bűntett), а классифицировалось как преступление небольшой тяжести (vétség), за которое предусмотрен уголовный штраф (pénzbüntetés), что было наименее суровой мерой наказания, предусмотренной в уголовном праве Венгрии. К тому же, заявителя осудили условно, что было не наказанием (büntetés), а «мерой» (intézkedés).

(с) Оценка Суда

i. Общие принципы

43. В соответствии с тестом на «необходимость в демократическом обществе» Суду необходимо установить, отвечало ли оспариваемое вмешательство «насушной общественной потребности». Государства-участники Конвенции пользуются определенной свободой усмотрения в определении наличия этой «необходимости». Однако эта свобода идет рука об руку с европейским надзором, осуществляемым Европейским Судом, который охватывает и законодательство и правоприменительную практику, в том числе решения вынесенные независимым судом. Соответственно, задача Суда – дать окончательное заключение, совместимо ли «ограничение» со свободой выражения мнения, в понимании защиты статьи 10 Конвенции (см., среди других, постановление по делу *Перна против Италии (Perna v. Italy)* [GC], № 48898/99, § 39, ECHR 2003-V; постановление по делу *Ассоциация «Экин» против Франции (Association Ekin v. France)*, № 39288/98, § 56, ECHR 2001-VIII).

44. Осуществляя этот контроль, Суд не ставит перед собой цель подменять собой национальные суды, однако он обязан проверять решения на предмет соответствия статье 10, которые последние выносят, используя свое право на свободу усмотрения (см. постановление по делу *Фрессоз и Руар против Франции (Fressoz and Roire v. France)* [GC], № 29183/95, § 45, ECHR 1999-I).

45. В частности, Суду предстоит определить, являются ли основания, выдвигаемые национальными властями в оправдание ограничения, «соответствующими и достаточными» и была ли примененная мера «пропорциональна преследуемым законным целям» (см. постановление по делу *Шови и другие против Франции (Chauvy and Others v. France)*, № 64915/01, § 70, ECHR 2004-VI). Поступая таким

образом, Суд должен убедиться также в том, что национальные власти применяли нормы, соответствующие принципам статьи 10 и, более того, что их применение основывалось на приемлемой оценке обстоятельств, относящихся к делу (см., среди прочего, постановление по делу *Зана против Турции (Zana v. Turkey)*, от 25 ноября 1997 года, *Reports* 1997-VII, pp. 2547-48, § 51).

46. Суд вновь напоминает, что свобода выражения мнения, как предусматривает пункт 1 статьи 10, является одной из фундаментальных основ демократического общества и одним из основных условий его развития и самореализации каждой личности. Как отмечено в пункте 2, она применима не только по отношению к «информации» или «идеям», которые благоприятно воспринимаются в обществе либо рассматриваются как безобидные или нейтральные, но также и в отношении тех, которые шокируют, оскорбляют или вызывают беспокойство; таковы требования терпимости, плюрализма и широты взглядов, без которых нет «демократического общества» (см., среди прочего, постановления по делам *Обершлик против Австрии (№ 1) (Oberschlik v. Austria (no. 1))*, от 23 мая 1991 года, Серия А № 204, § 57, и *Нильсен и Джонсен против Норвегии (Nilsen and Johnsen v. Norway)* [GC], № 23118/93, § 43, ECHR 1999-VIII). Осуществление этой свободы предполагает ограничения, которые, вместе с тем, «должны трактоваться узко, и их необходимость должна быть убедительно доказана» (см., например, постановление по делу *Обзервер и Гардиан против Соединенного Королевства (Observer and Guardian v. United Kingdom)* от 26 ноября 1991 года, Серия А № 216, стр. 29-30, п. 59).

47. Далее Суд напоминает о том, что в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции существует весьма незначительная сфера для ограничений на политические выступления или дебаты по вопросам общественной значимости (см. постановления по делам *Фелдек против Словакии (Feldek v. Slovakia)*, № 29032/95, п. 74, ECHR 2001-VIII; *Сюрек против Турции (Sürek v. Turkey (no. 1))* [GC], no. 26682/95, § 61, ECHR 1999-IV). В настоящем деле, решение заявителя открыто носить красную звезду должно рассматриваться как способ выражения его политических взглядов. Демонстрация символики на одежде подпадает под значение статьи 10.

ii. Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

48. В начале, Суд приводит дело *Рыквенный против Венгрии (Rekviényi v. Hungary)* [GC], no. 25390/94, §§ 44-50, ECHR 1999-III), в котором рассматривался вопрос свободы выражения мнения, так как дело касалось ограничения на определенные политические права офицеров полиции Венгрии. В этом деле было установлено, что ограничения были совместимы со статьей 10 Конвенции, главным образом, потому, что касались военнослужащих, кто – в особых условиях перехода к демократическому пути развития – должны играть ключевую роль в поддержке плюрализма, но в равной степени могли подорвать его, если не сохранить их нейтралитет. Суд постановил, что рассматриваемое вмешательство подпадало под рамки свободы усмотрения, предоставленной национальным властям, поскольку у них было необходимое понимание исторического опыта Венгрии, лежавшее в основе рассматриваемого ограничения.

49. Однако Суд находит обстоятельства настоящей жалобы отличными от этого дела, по крайней мере, в двух вопросах. Во-первых, г-н Вайнай был политиком, а значит, у него не было полномочий, предоставляемых общественным правом, в то время как г-н Рыквенный был офицером полиции. Во-вторых, прошло почти два десятилетия с момента перехода Венгрии на путь плюрализма, и страна доказала стабильность развития демократического пути (в этой связи см. постановления по делам *Сидабрас и Джайутас против Литвы (Sidabras and Džiautas v. Lithuania)*, № 55480/00 and №59330/00, § 49, ECHR 2004-VIII; *Rainys and Gasparavičius v. Lithuania*, nos. 70665/01 and 74345/01, § 36, 7 апреля 2005 года). Венгрия стала членом Европейского Союза, после полной интеграции в систему ценностей Совета Европы и Конвенции. К тому же, нет однозначных доказательств, указывающих на наличие реальной и существующей угрозы того, что какое-либо политическое движение или партия восстановят диктатуру коммунизма. Правительство не продемонстрировало наличие такой опасности до принятия рассматриваемого запрета.

50. Далее Суд указывает на довод Конституционного Суда, на который ссылалось Правительство, о том, что у государств границы свободы усмотрения в данной области довольно обширны. Однако, следует подчеркнуть, что ни одно из дел, приведенных Конституционным Судом (*Barfod v. Denmark*, judgment of 22 February 1989, Series A

no. 149; *Markt intern Verlag GmbH and Klaus Beermann v. Germany*, judgment of 20 November 1989, Series A no. 165; *Chorherr v. Austria*, judgment of 25 August 1993, Series A no. 266-B; *Casado Coca v. Spain*, judgment of 24 February 1994, Series A no. 285-A; *Jacobowski v. Germany*, judgment of 23 June 1994, Series A no. 291-A) не было связано с конкретным вопросом границ свободы усмотрения, предоставленным государствам-участникам, при ограничении свободы выражения мнения политических деятелей.

51. По мнению Суда, если свобода выражения мнения осуществляется посредством политического выступления – как в настоящем деле – ограничения могут быть обоснованы лишь наличием отчетливой и острой насущной потребности. Следовательно, следует соблюдать особую осторожность при применении ограничений, особенно в случаях, когда используется символика, имеющая множество значений. В таких случаях, Суд осознает риск того, что полный запрет этой символики приведет к ограничению ее использования в контексте, в котором никакое ограничение не может быть оправдано.

52. Суд внимательно отнесся к тому, что общеизвестные массовые нарушения прав человека, совершенные при коммунизме, дискредитировали символическое значение красной звезды. Тем не менее, Суд считает, что она не может олицетворять исключительно коммунистический тоталитарный режим, как это утверждало Правительство (см. п. 40 выше). Очевидно, что звезда до сих пор считается эмблемой международного движения рабочих, борющихся за более справедливое общество, а также определенных законных политических партий, действующих в различных государствах-участниках.

53. Более того, Суд отмечает, что Правительство не представило доказательств того, что ношение красной звезды однозначно означает отождествление с тоталитарными идеями, особенно в свете того, что Заявитель совершил данное действие во время проведения законной и мирной демонстрации в качестве заместителя председателя зарегистрированной политической партии левого крыла, у которой не наблюдалось намерения участвовать в политической жизни Венгрии в нарушение правопорядка. В этой связи Суд подчеркивает, что только при тщательном изучении контекста, в котором использованы оскорбительные слова, можно установить значимое различие между языком, который шокирует и оскорбляет – защита которого

предусмотрена статьей 10 – и языком, который потерял право на толерантное отношение в демократическом обществе.

54. Следовательно, Суд считает, что рассматриваемый запрет является слишком обширным, в свете того, что у красной звезды есть множество значений. Запрет может охватить деятельность и идеи, которые отчетливо принадлежат к тем, что защищены статьей 10, а удовлетворительного способа отделить различные значения инкриминируемого символа не существует. На самом деле в венгерском законодательстве, применимом в настоящем деле, даже не содержится такой попытки. Но даже если бы такое разграничение существовало, могла возникнуть неясность, оказавшая охлаждающий эффект на свободу выражения мнения и повлекшая самоцензуру.

55. Что касается цели предотвратить беспорядки, Суд отмечает, что Правительство не привело ни одного примера, когда реальная или отдаленная угроза беспорядков в Венгрии возникла в связи с публичным показом красной звезды. По мнению Суда, сдерживание лишь гипотетической угрозы не может считаться «острой насущной потребностью». В любом случае, в венгерском законодательстве предусмотрено наказание за ряд правонарушений, направленное на подавление общественных беспорядков, даже если допустить, что они были спровоцированы использованием красной звезды (см. п. 15 выше).

56. Что касается взаимосвязи между запретом на использование красной звезды и ее оскорбительной, основополагающей тоталитарной идеологией, Суд подчеркивает, что потенциальная пропаганда этой идеологии, насколько бы она ни казалась отвратительной, не может служить единственным основанием для ее запрета посредством уголовного наказания. Эмблема, у которой может быть несколько значений, в контексте настоящего дела, когда она демонстрировалась лидером зарегистрированной политической партии, у которой, как известно, не было тоталитарных амбиций и стремлений, не может быть приравнена к опасной пропаганде. Однако в статье 269/B Уголовного Кодекса Венгрии не предусмотрено требование доказать, что реальный показ представлял собой тоталитарную пропаганду. Напротив, простой показ неопровержимо считался такой пропагандой, если не был совершен в научных, художественных, информационных либо образовательных целях (см. п. 41 выше *in fine*). По мнению Суда,

такой неразборчивый характер запрета подтверждает вывод, что этот запрет недопустимо обширен.

57. Конечно, Суду известно, что систематический террор, применявшийся для укрепления коммунистического режима в некоторых странах, включая Венгрию, останется глубоким шрамом в памяти и сердце Европы. Суд согласен, что показ эмблемы, повсеместно используемой во время этого режима, может вызвать тревогу у бывших жертв и их родственников, которые могут справедливо считать такой показ неуважительным. Тем не менее, Суд полагает, что такие чувства, как бы понятны они не были, сами по себе, не могут налагать ограничения на свободу выражения мнения. Учитывая общеизвестные гарантии - законные, моральные и материальные, которые Венгерская Республика дала жертвам коммунизма, подобные эмоции нельзя считать рациональными опасениями. По мнению Суда, правовая система, налагающая ограничения на права человека с целью удовлетворить велению чувств общества – реальных или вымышленных – не отвечает требованию острой насущной потребности, признаваемой в демократическом обществе, поскольку общество должно оставаться благоразумным в своем решении. Придерживаться обратной точки зрения – значит подвергать свободу слова и свободу выражения мнения необоснованно широкому ограничению «на всякий случай во избежание смуты».

58. Вышеизложенные размышления достаточны для вывода Суда о том, что осуждение заявителя лишь за то, что он носил красную звезду, не могло отвечать «насущной общественной потребности». К тому же, мера, по которой его осудили, несмотря на то, что была относительно легкой, относилась к уголовному праву, влекущему более серьезные последствия. Суд считает, что данная мера наказания не была пропорциональна преследуемой законной цели. Следовательно, вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения не может быть обосновано в рамках пункта 2 статьи 10 Конвенции.

Значит, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

II. Применение статьи 41 Конвенции

59. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«В случае, если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

60. Заявитель требовал 10 000 евро (EUR) в качестве компенсации морального вреда за умаление его репутации вследствие судебного решения.

61. Правительство придерживалось мнения, что признание нарушения, само по себе, будет справедливой компенсацией заявителю, учитывая возможность пересмотра окончательного уголовного приговора, предусмотренную внутригосударственным правом.

62. Суд считает, что признание нарушения является справедливой компенсацией за моральный вред, причиненный заявителю.

B. Судебные расходы и издержки

63. Заявитель также требовал 2 000 евро плюс 20% НДС, возмещения судебных расходов, понесенных в Суде. Эта цифра соответствует 10 часам работы адвоката, с почасовой оплатой в 200 евро, включая 3 часа консультирования клиента, 2 часа изучения материалов дела, 2 часа правового анализа и 3 часа составления доводов и документации.

64. Правительство выразило несогласие с этим требованием.

65. В соответствии с практикой Суда, Заявитель может получить возмещение судебных расходов и издержек, если будут представлены доказательства того, что они действительно были понесены заявителем, и их сумма является разумной. В настоящем деле, учитывая сведения, которыми располагает Суд, и вышеизложенные критерии, Суд присуждает выплату всей заявленной суммы.

С. Процентная ставка

66. Суд считает, что ставка пени должна быть установлена в размере годовой предельной процентной ставки по ссудам Европейского Центрального Банка, с добавлением трех процентных пунктов.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобу приемлемой;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
3. *Постановляет*, что признание нарушения является достаточной справедливой компенсацией морального вреда, который был причинен Заявителю;
4. *Постановляет*
 - (а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня, когда решение Суда станет окончательным в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, выплатить заявителю 2 000 евро (две тысячи евро), подлежащие переводу в венгерские форинты по курсу на день выплаты, плюс налоги;
 - (б) что за период по истечению вышеназванных трех месяцев до момента выплаты, с данной суммы должен быть уплачен единый налог в размере равном предельной процентной ставке по ссудам Европейского Центрального Банка в вышеназванный период, с добавлением трех процентных пунктов;
4. *Отклоняет* остальную часть требования Заявителя о справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке, представлено в письменной форме 8 июля 2008 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Франсуаза Тюлькенс
Салли Долли

Председатель Суда
Секретарь Секции Суда

**© Центр Защиты Прав СМИ,
перевод с английского, 2010**

Краткое изложение дела

ДЕЛО «КРАСУЛЯ ПРОТИВ РОССИИ» (Krasulya v. Russian Federation)

(жалоба № 12365/03)

Постановление Суда

Страсбург, 22 февраля 2007 года

Суть принятого решения: В отношении заявителя имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод) и права на справедливое судебное разбирательство (пункт 1 статьи 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно

Краткое изложение обстоятельств дела:

Заявитель являлся главным редактором краевой газеты «Новый гражданский мир». 4 января 2002 года в газете была опубликована статья под заголовком «Черногоров подбирается к Ставрополю. Размышления по поводу одного решения городской думы». Статья была подписана псевдонимом В. Николаев. Г-н Черногоров был губернатором Ставропольского края и соперником Заявителя на выборах на эту должность в 2000 году.

В статье выражалось сожаление относительно решения законодательного органа об изменении процедуры назначения мэра города так, чтобы мэр больше не избирался бы жителями города, а назначался бы законодательным органом. В публикации утверждалось, что это решение было принято под давлением г-на Черногорова. Статья завершалась критической оценкой губернатора как политика и руководителя.

5 февраля 2002 года прокуратура Ставропольского края по заявлению Черногорова возбудила уголовное дело в отношении Заявителя по части 2 статьи 129 УК РФ за клевету в СМИ.

По ходатайству прокуратуры была проведена лингвистическая экспертиза, которая показала, что содержащиеся в спорной публикации высказывания представляют собой оценочные суждения ее автора.

Позже Заявителю были предъявлены обвинения по части 3 статьи 129 УК РФ (клевета, соединенная с обвинением в совершении тяжкого преступления) и статье 319 УК РФ (оскорбление представителя власти) и дело было передано в суд.

12 сентября 2002 года Октябрьский районный суд Ставрополя вынес постановление по делу Заявителя. В своем постановлении суд отклонил заключение лингвистической экспертизы от 18 марта 2002 года, назвав ее «субъективной оценкой» публикации экспертом, и поставил под сомнение право ростовского государственного университета или эксперта на проведение лингвистической экспертизы. При этом суд пришел к выводу, что статья содержит именно утверждения о фактах.

Суд признал Заявителя виновным в клевете. Однако с Заявителя было снято обвинение в публичном оскорблении представителя власти, поскольку, по мнению суда, публикация не содержала циничных или непристойных выражений в отношении губернатора. Заявитель был осужден условно на один год лишения свободы с испытательным сроком в шесть месяцев.

Заявитель обжаловал данное решение, но 31 октября 2002 года уголовный отдел ставропольского краевого суда утвердил ранее вынесенное в отношении Заявителя постановление.

Оценка Европейского Суда:

Ни Суд, ни стороны не оспаривали факт вмешательства в право Заявителя на свободу выражения мнения, и что это вмешательство было предписано законом и преследовало законную цель. Оставалось выяснить, было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе».

Прежде всего, Суд отметил, что критика Заявителя была направлена против краевого губернатора г-на Черногорова, профессионального

политика, по отношению к которому границы приемлемой критики шире, чем по отношению к рядовому человеку (п. 37).

Предмет публикации касался вопросов деятельности губернатора на своем посту как руководителя, что, несомненно, являлось важным для общества, вызывало общественную озабоченность и являлось вкладом в происходящую политическую дискуссию (п. 38):

«... Суд всегда требовал представления веских доводов для обоснования ограничений на политически ориентированные высказывания, поскольку серьезные ограничения, налагаемые в отдельных случаях, несомненно, сказались бы пагубно на состоянии свободы выражения мнения вообще в конкретном государстве».

Суд проанализировал высказывания Заявителя, за которые он был осужден, на предмет того, являлись ли они утверждениями о фактах или оценочными суждениями, поскольку требование национальных судов доказать правдивость оценочных суждений могло явиться посягательством на саму свободу придерживаться мнения.

Некоторые высказывания были оценены судом как субъективные и не содержащие утверждений о фактах. В отношении утверждения Заявителя о влиянии губернатора на законодателей, Суд не смог однозначно определить, являлось ли оно утверждением о фактах или оценочным суждением. В этой связи Суд обратился к анализу фактических оснований спорного высказывания и пришел к выводу, что *«имевшийся в наличии набор фактов представлял собой достаточное фактическое основание для заявлений Заявителя о том, что губернатор и его помощники вмешались в законотворческий процесс. Поэтому Суд считает, что Заявитель опубликовал справедливый комментарий на тему, представляющую общественный интерес»* (п. 41).

Утверждения о том, что губернатор «чудом» избежал поражения на губернаторских выборах, и что он был «шумным, амбициозным и абсолютно некомпетентным», Суд счел яркими примерами оценочных суждений, за которые Заявитель был необоснованно наказан. Помимо этого, Суд указал на право журналистов прибегнуть к некой степени преувеличения или провокации.

Приговор национальных судов был признан Судом чрезмерно суровым и являлся не соразмерным вмешательством в право Заявителя свободно выражать свое мнение (п. 44):

«... Невзирая на то обстоятельство, что приговор был условным, Заявитель столкнулся с опасностью утраты свободы. Условием было то, что он не совершит какого-либо еще правонарушения в качестве редактора в течение шести месяцев. Это условие отрицательно сказалось на Заявителе, ограничив его свободу журналиста и ослабив его возможность распространять идеи на социально важные темы ...».

В итоге Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

Заявитель также жаловался на нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции ввиду того, что национальные суды незаконно отклонили заключение лингвистической экспертизы и не стали учитывать его в качестве доказательства по делу.

Суд указал, что экспертное заключение было важной частью доказательств в поддержку позиции защиты, занятой Заявителем и могло сыграть решающую роль при определении того, были ли действия Заявителя уголовными по своему характеру. Суд также отметил, что аргумент Заявителя в кассационном суде сводился к тому, что это заключение было незаконно отклонено судом первой инстанции, и был сформулирован вполне ясно. По мнению Суда, этот аргумент Заявителя требовал конкретного и прямого ответа, чего не последовало (п. 52):

«... Отсутствие в постановлении кассационного суда каких-либо ссылок на законность отклонения экспертного заключения не соответствует концепции «справедливого разбирательства», лежащего в основе статьи 6 ...».

В итоге Суд пришел к выводу, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

ДЕЛО «КРАСУЛЯ ПРОТИВ РОССИИ»

(**Krasulya v. Russian Federation**)

(жалоба № 12365/03)

Постановление Суда

Страсбург, 22 февраля 2007 года

По делу «Красуля против России» Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:

Христос Розакис, *Председатель*,
Нина Вайич,
Анатолий Ковлер,
Элизабет Штайнер,
Ханлар Гаджиев,
Дин Шпильманн,
г-н С.Е. Йебенс, *судьи*,

а также г-н Сорен Нильсен, *Секретарь Секции*,

Проведя 1 февраля 2007 года закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, принятое в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было начато после подачи жалобы (№ 12365/03) против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав и основных свобод человека (далее - «Конвенция») гражданином России г-ном Василием Александровичем Красулей (далее - «Заявитель») 4 апреля 2003 года.

2. Интересы Заявителя представлял г-н Б. Дьяконов, адвокат, практикующий в Ставрополе. Интересы российского правительства

(далее - «Правительство») защищал г-н П. Лаптев, представитель Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель утверждал, что было нарушено его право на распространение информации, а также принцип равноправия сторон, поскольку отечественные суды не приняли к рассмотрению заключение лингвистической экспертизы в качестве доказательства.

4. Решением от 9 декабря 2004 г ода Суд объявил жалобу приемлемой.

5. Заявитель и Правительство представили свои замечания относительно существа дела (пункт 1 Правила 59).

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

6. Заявитель родился в 1952 года и живет в г. Ставрополе.

1. Публикация в газете Заявителя

7. Заявитель является главным редактором краевой газеты «Новый гражданский мир». 4 января 2002 года газета опубликовала передовую статью под заголовком «Черногоров подбирается к Ставрополю. Размышления по поводу одного решения городской думы». Статья была подписана псевдонимом В. Николаев. Г-н Черногоров был губернатором Ставропольского края и соперником Заявителя на выборах на эту должность в 2000 году.

8. В статье выражалось сожаление большинства членов ставропольского законодательного органа изменить процедуру назначения мэра города так, чтобы мэр больше не избирался бы жителями города, но назначался бы законодательным органом. В публикации утверждалось, что это решение было принято под давлением г-на Черногорова:

«Просьба [к членам законодательного органа принять такое решение] была высказана самим губернатором, который посетил собрание в сопровождении своих советников, для

того чтобы убедить присутствующих в необходимости этого...

Начиная с этого момента, каждый член законодательного собрания оказался пойманным в сеть торговых операций.

Можно только догадываться о том, какие чудеса им были обещаны представителями Черногорова. Ясно одно - никто не пообещает законодателям больше, чем сам губернатор...

Каждый член законодательного органа получит свою долю и употребит ее тайком».

9. Статья завершалась критической оценкой губернатора как политика и руководителя:

«Чудом избежав поражения на губернаторских выборах – только потому, что краевые элиты не смогли достичь соглашения и выдвинуть подходящего кандидата – и, избежав по той же причине формирования мощной оппозиции в краевом законодательном органе, наш шумный и амбициозный, но абсолютно некомпетентный губернатор готовится наложить руку на [город Ставрополь]».

2. Уголовное преследование Заявителя

10. 5 февраля 2002 года прокуратура Ставропольского края удовлетворила заявление губернатора Черногорова, возбудив уголовное дело в отношении Заявителя за клевету в СМИ (часть 2 статьи 129 УК РФ).

11. 6 марта 2002 года следователь распорядился о проведении лингвистической экспертизы публикации. Экспертиза была проведена 18 марта 2002 года г-ном Б., профессиональным журналистом с дипломами филолога и юриста, работающим преподавателем на отделении филологии и журналистики ростовского государственного университета. Эксперт пришел к следующему заключению:

«Общее заключение: текст статьи, предложенной для экспертизы... передает в довольно резкой и эмоциональной форме мнение и суждения автора о роли губернатора

Ставропольского края, г-на Черногорова на предстоящих выборах мэра г. Ставрополя. Текст не содержит каких-либо слов или выражений, оскорбляющих губернатора, за исключением сомнительного эпитета «некомпетентный».

12. Эксперт признал, что некоторые предложения передавали отрицательное отношение к управленческим способностям губернатора; однако, по утверждению эксперта, публикация не содержала каких-либо заявлений о нарушениях закона со стороны губернатора, включая законы о выборах, или каких-либо утверждений, наносящих вред его профессиональной репутации. Эксперт также указал, ссылаясь на научную статью городского прокурора г. Краснодара, на то, что идеи, мнения и оценочные суждения не подлежат опровержению в суде как ложные, и что потерпевшему следует вместо обращения в суд воспользоваться своим правом на ответ в той же среде.

13. В неустановленный день Заявителю были предъявлены обвинения в клевете, соединенной с обвинением лица в совершении тяжкого преступления (часть 3 статьи 129 УК РФ) и публичное оскорбление представителя власти (статья 319 УК РФ). Дело было передано в суд.

3. Уголовное обвинение Заявителя

14. В суде Заявитель не признал себя виновным. Он заявил, что оспоренная публикация не содержала в себе утверждений о фактах, которые могли бы быть объявлены недостоверными.

15. Г-н Черногоров заявил, что утверждения в публикации относительно того, что он добился принятия решения городским законодательным органом через взятки, и что он едва выиграл выборы 2000 года, а также описание его как «абсолютно некомпетентного» были клеветническими и оскорбительными для его чести, достоинства и профессиональной репутации.

16. Суд заслушал показания трех членов законодательного органа г. Ставрополя, которые отрицали факт предложения им каких-либо материальных благ или привилегий губернатором в обмен на их согласие на принятие решения о назначении мэра. Советники губернатора дали такие же показания.

17. 12 сентября 2002 года Октябрьский районный суд Ставрополя вынес постановление по делу Заявителя. В своем постановлении суд отклонил заключение лингвистической экспертизы от 18 марта 2002 года, назвав ее «субъективной оценкой» публикации г-на Б. и, помимо этого, поставил под сомнение право ростовского государственного университета или г-на Б. на проведение лингвистической экспертизы. Суд заменил заключение эксперта своей собственной оценкой содержания известной статьи:

«Суд считает, что статья содержит не суждения и предположения, как было заявлено защитой, но именно утверждения о фактах... поскольку в статье точно указывается когда, где и при каких обстоятельствах было принято решение о поправках в устав г. Ставрополя и результаты голосования. Использование будущего времени и неопределенной формы глаголов в тексте статьи является авторским стилем написания и не означает, что речь идет о гипотетических событиях в будущем ...».

18. Далее суд заявил, что невозможно установить, кто был автором статьи. В ходе расследования не было доказано, что ее написал Заявитель. Однако он нес ответственность за публикации в газете, чьим редактором он является.

19. Суд констатировал следующее:

«Распространенные порочащие утверждения наносят ущерб чести и достоинству губернатора Ставропольского края Черногорова, подрывают его профессиональную репутацию и содержат обвинение в его адрес в серьезном преступлении. Неоднократно высказанные утверждения о том, что «каждый член законодательного собрания оказался пойманным в сеть торговых операций», что «представителями Черногорова им были обещаны чудеса», что «никто не пообещает законодателям больше, чем сам губернатор», и что каждый член законодательного органа «получит свою долю и употребит ее тайком» обвиняют губернатора Черногорова в подкупе членов законодательного собрания с тем, чтобы они приняли нужное решение. Утверждения о том, что каждый член законодательного органа оказался пойманным в сеть торговых операций» и

«каждый член законодательного органа получит свою долю и употребит ее тайком» содержат обвинения в том, что г-н Черногоров дал взятку каждому члену законодательного органа, участвовавшему в принятии решения, что является серьезным уголовным преступлением, предусмотренным ч. 2 статьи 291 УК РФ, совершенным неоднократно [подчеркивается в оригинале].

Утверждения [Заявителя] о том, что г-н Черногоров «чудом избежал поражения на губернаторских выборах только потому, что краевые элиты не смогли достичь соглашения» и «выдвинуть подходящего кандидата» также недостоверны, и [Заявителю] было это известно. Сам, будучи кандидатом на выборах на должность губернатора Ставропольского края в 2000 г., [Заявитель] не мог не знать об их результатах (на этих выборах г-н Черногоров набрал, по крайней мере, на 20% больше голосов, чем другие кандидаты... Этот результат не позволяет сделать вывод о том, что г-н Черногоров «чудом» победил на выборах. [Заявитель] распространил ложные утверждения о том, что победа г-на Черногорова на выборах на пост губернатора Ставропольского края стала результатом не осознанного выбора жителей края, а произошла случайно из-за отсутствия соглашения между некоторыми «краевыми элитами». Эти утверждения наносят вред репутации губернатора, избранного законно жителями края, умаляют его достоинство и принижают его как личность.

Суд считает, что утверждение [Заявителя] о том, что «наш шумный и амбициозный, но абсолютно некомпетентный губернатор готовится наложить руку на [город Ставрополь]» также было недостоверным, оскорбляло честь и достоинство г-на Черногорова и подрывало его репутацию. Никто никогда не констатировал «некомпетентность» г-на Черногорова в юридическом смысле этого понятия. Более того, если жители края переизбрали г-на Черногорова на должность губернатора Ставропольского края на второй срок, то это не позволяет сделать вывод о том, что г-н Черногоров является «абсолютно некомпетентным» губернатором в смысле неспособности к управлению».

20. Суд признал Заявителя виновным в клевете. Однако с Заявителя было снято обвинение в публичном оскорблении представителя власти, поскольку, по мнению суда, публикация не содержала циничных или непристойных выражений в отношении губернатора.

21. Заявитель был осужден условно на один год лишения свободы с испытательным сроком в шесть месяцев.

22. Заявитель и его адвокат обжаловали это решение в ставропольском краевом суде. Основанием для обжалования была, в частности, статья 10 Конвенции и особое место журналистской свободы в демократическом обществе, а также более широкие границы допустимой критики в отношении публичных фигур, каковой, несомненно, является губернатор Ставропольского края. Адвокат Заявителя также обратился с жалобой на отказ суда первой инстанции принять заключение лингвистической экспертизы в качестве доказательства под предлогом того, что эксперт не имел необходимой лицензии, хотя отечественные законы не содержат такого требования.

23. 31 октября 2002 года уголовный отдел ставропольского краевого суда утвердил постановление от 12 сентября 2002 года. Краевой суд не рассматривал вопрос применимости статьи 10 Конвенции или решение суда первой инстанции не принимать заключение лингвистической экспертизы в качестве доказательства.

II. Применимое национальное законодательство

24. Статья 29 Конституции Российской Федерации гарантирует свободу идей и выражения мнения, равно как и свободы СМИ.

25. Часть 1 статьи 129 Уголовного кодекса Российской Федерации определяет диффамацию как распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. Часть 2 статьи 129 предусматривает, что клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации наказывается штрафом и/или исправительными работами на срок до двух лет. Часть 3 статьи 129 предусматривает наказание за диффамацию, включая обвинение в отношении человека в том, что он

или она совершил серьезное преступление, лишением свободы сроком до трех лет.

26. Часть 1 статьи 57 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 года гласит, что человек, обладающий техническими знаниями, может быть привлечен для составления экспертного заключения в уголовном деле. В соответствии с частью 2 статьи 195 судебная экспертиза может быть проведена экспертом государственного суда или любым другим экспертом, обладающим соответствующими техническими знаниями.

ПРАВО

I. Предварительное возражение Правительства

27. В своих дополнительных комментариях от 15 февраля 2005 года, последовавших за решением суда относительно приемлемости жалобы от 9 декабря 2004 года, Правительство впервые заявило о том, что Заявитель не исчерпал все отечественные средства судебной защиты, как того требует пункт 1 статьи 35 Конвенции, а именно, что он не подал заявление на пересмотр своего обвинения в надзорной инстанции.

28. Суд напоминает, что в соответствии с Правилom 55 Регламента Суда, любое обращение в суд с утверждением о неприемлемости должно, в той степени, в которой позволяют его характер и обстоятельства, быть сделано Договаривающейся стороной-ответчиком в рамках письменных или устных замечаний относительно приемлемости жалобы (см. постановления по делам *К. и Т. против Финляндии (K. and T. v. Finland)* [БП], № 25702/94, § 145, ЕСПЧ 2001-VII, и *Н. С. Против Италии (N. C. v. Italy)* [БП], № 24952/94, § 44, ЕСПЧ 2002 г.-X). Обращения к Суду Правительства касались событий, произошедших до того, как была подана жалоба в Суд, и после этого не производилось каких-либо правовых действий. Не было никаких исключительных обстоятельств, которые освободили бы Правительство от обязательства подавать свое предварительное возражение до принятия Судом решения о приемлемости жалобы 9 декабря 2004 года.

29. Соответственно, Правительство лишается права на предварительное возражение относительно того, что Заявитель не исчерпал все отечественные средства судебной защиты на текущей стадии. В любом случае, обращение в надзорную инстанцию с требованием о пересмотре не является средством судебной защиты, предусмотренным пунктом 1 статьи 35 Конвенции (см. постановление по делу *Бердзенишвили против России (Berdzenishvili v. Russia)*, № 31697/03, 29 января 2004 года). Таким образом, возражение Правительства отклоняется.

II. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

30. Заявитель обратился с жалобой по статье 10 на нарушение своего права на свободу выражения мнения. В статье 10 Конвенции сказано:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны органов власти и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных и кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями и санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

A. Аргументы сторон

31. Правительство утверждало, что Заявитель был признан виновным в распространении заведомо ложной информации, наносящей вред достоинству, чести и репутации другого человека, поскольку он

являлся главным редактором и соучредителем газеты, опубликовавшей статью. Заявитель не выполнил своей обязанности, предписанной статьей 49 Закона РФ «О средствах массовой информации», проверять достоверность распространяемой информации или получить согласие от вовлеченного лица.

32. Заявитель ответил, что уголовное судопроизводство в отношении его публикации было несоразмерно заявленной цели защиты чести и репутации и, в любом случае, оно не было «необходимо в демократическом обществе». Предметом этой публикации была профессиональная политика и границы допустимой критики в адрес политиков шире, чем в случае рядового человека. Он использовал свою свободу журналиста, которая предполагает возможность прибегнуть к определенному преувеличению или даже провокации.

В. Оценка Суда

33. Суд отмечает, что стороны согласны в том, что судебное обвинение против Заявителя явилось «вмешательством» в осуществление им права на свободу выражения мнения, гарантируемое пунктом 1 статьи 10. Не оспаривается и тот факт, что вмешательство было «предписано законом», а именно статьей 129 УК РФ, и «преследовало законную цель» защиты репутации или прав других с точки зрения пункта 2 статьи 10. Остается определить, было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе».

34. Тест на «необходимость в демократическом обществе» требует от Суда определения того, соответствовало ли оспоренное «вмешательство» «насущной общественной потребности», были ли оно соразмерно преследуемой законной цели, а также были ли ее причины, указанные национальными органами власти существенными и достаточными. При оценке наличия такой «необходимости» и мер, которые необходимо принять, чтобы ей соответствовать, национальным органам власти оставлены определенные рамки усмотрения. Их полномочия, однако, безграничны и предполагают контроль со стороны Европейского Суда, в чьи функции входит принятие окончательного решения относительно соответствия ограничения свободе выражения мнения, гарантированной статьей 10. Задача Суда при осуществлении его надзорной функции состоит не в том, чтобы заменять собой национальные органы власти, а в рассмотрении принятых ими решений в соответствии со своими

рамками усмотрения с точки зрения статьи 10. Выполняя это, Суд должен убедиться в том, что национальные органы власти применили стандарты в соответствии с принципами, изложенными в статье 10 и, кроме этого, что они основывались в своей оценке на существенных фактах (см. постановление по делу *Гринберг против России (Grinberg v. Russia)*, № 23472/03, § 27, 21 июля 2005 года).

35. При рассмотрении конкретных обстоятельств дела, Суд принимает во внимание следующие элементы: позицию Заявителя, позицию человека, в адрес которого была направлена критика, предмет публикации, характеристика оспоренного утверждения отечественными судами, формулировки, которыми пользовался Заявитель, и санкция, примененная в отношении него (см., *mutadis mutandis*, постановление по делу *Джерусалем против Австрии (Jerusalem v. Austria)*, № 26958/95, § 35, ЕСПЧ 2001-II).

36. Что касается позиции Заявителя, Суд замечает, что он журналист и главный редактор газеты. Он был признан виновным в своей публикации, следовательно, оспоренное вмешательство необходимо рассматривать в контексте важной роли прессы для обеспечения функционирования политической демократии (см. постановления по делам *Лингенс против Австрии (Lingens v. Austria)*, постановление от 8 июля 1986 года, Серия А № 103, § 41; *Сюрек против Турции (Sürek v. Turkey (№ 1))* [БП], № 26682/95, § 59, ЕСПЧ 1999-IV). Суд напоминает о том, что ограничения свободы журналистов, указанные в пункте 2 статьи 10, должны быть четко определены, а их необходимость убедительно доказана.

37. Критика Заявителя была направлена против краевого губернатора г-на Черногорова, профессионального политика, по отношению к которому границы приемлемой критики шире, чем по отношению к рядовому человеку (см. постановление по делу *Lingens против Австрии*, упомянутое выше, § 42). Приняв участие в выборах губернатора, г-н Черногоров вышел на политическую сцену и неизбежно и осознанно сделал каждое свое слово и дело объектами пристального внимания и со стороны журналистов и широкой общественности. Таким образом, он должен был продемонстрировать большую терпимость.

38. Предметом публикации было решение городского законодательного органа отменить выборы мэра в столице края и

предположение Заявителя о том, что краевой губернатор неправильно вмешался в законодательный процесс. В статье также содержались комментарии о результатах выборов губернатора и критика способностей губернатора как руководителя. Вопросы, затронутые в статье, были чрезвычайно важными для краевого сообщества, темой, вызывавшей общественную озабоченность и вкладом в происходящую политическую дискуссию. Суд напоминает, что в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции пространство для ограничений политически окрашенные высказывания или дискуссию на темы, представляющие общественный интерес. Суд всегда требовал представления веских доводов для обоснования ограничений на политически ориентированные высказывания, поскольку серьезные ограничения, налагаемые в отдельных случаях, несомненно, сказались бы пагубно на состоянии свободы выражения мнения вообще в конкретном государстве (см. постановления по делам *Фельдек против Словакии (Feldek v. Slovakia)*, № 29032/95, § 83, ЕСПЧ 2001-VIII; и *Сюрек против Турции*, упомянутое выше, § 61).

39. Суд отмечает, что российские суды расценили утверждения Заявителя как утверждения о фактах и признали его виновным в неспособности доказать правдивость этих заявлений. Они отклонили аргумент Заявителя о том, что указанные утверждения были оценочными суждениями. В этом отношении Суд напоминает о том, что необходимо разграничивать утверждения о фактах и оценочные суждения. В то время как существование фактов можно продемонстрировать, достоверность оценочных суждений доказыванию не подлежит. Требование доказать правдивость оценочных суждений невозможно выполнить, и оно является посягательством на саму свободу придерживаться мнения, которая является основной составляющей права, гарантированного в Статье 10 (см. постановления по делам *Обершлик против Австрии (Oberschlick v. Austria (№ 1))*), постановление от 23 мая 1991 года, Серия А № 204, стр. 27, § 63). Суд рассмотрит каждое из утверждений Заявителя по очереди.

40. Первый оспоренный отрывок начинался объявлением о том, что городской законодательный орган проголосовал за решение об отмене выборов мэра. В нем далее описывался внешний вид губернатора на собрании законодательного органа, где он присутствовал в сопровождении своих помощников. Далее следовало предположение о том, что губернатор и его советники лоббировали это решение среди

законодателей (см. п. 8 выше). Отечественные суды истолковали последнее заявление как обвинение во взяточничестве. Суд не может согласиться с таким истолкованием. По его мнению, утверждение Заявителя было слишком неточным, чтобы рассматриваться как обвинение во взяточничестве. В нем лишь содержалась ссылка на влияние губернатора на законодателей без дальнейших подробностей.

41. Суд считает трудным определить, было ли утверждение Заявителя о влиянии губернатора на законодателей утверждением о фактах или оценочным суждением. Использование Заявителем глаголов в будущем времени предполагает, что в статье присутствовали скорее предположения, нежели факты. Однако в соответствии с практикой Суда оценочное суждение, для того, чтобы рассматриваться как существенное по статье 10, должно основываться на достаточных фактах. Суд изучит вопрос о том, ожидалось ли достаточное фактическое основание для этого утверждения. Бесспорно, что губернатор посетил заседание городского законодательного органа и попытался убедить его членов проголосовать за закон об отмене выборов мэра в городе. С точки зрения Суда, имевшийся в наличии набор фактов представлял собой достаточное фактическое основание для заявлений Заявителя о том, что губернатор и его помощники вмешались в законотворческий процесс. Поэтому Суд считает, что Заявитель опубликовал справедливый комментарий на тему, представляющую общественный интерес.

42. Что касается утверждений о том, что губернатор «чудом» избежал поражения на губернаторских выборах, и что он был «шумным, амбициозным и абсолютно некомпетентным», Суд считает, что эти утверждения были яркими примерами оценочных суждений, которые представляли субъективную оценку Заявителем управленческих способностей губернатора, и его (Заявителя) восприятие результатов выборов. Отечественные суды постановили, что он должен доказать правдивость этих заявлений. Представить доказательства было невозможно.

43. Далее Суд замечает, что хотя статья, опубликованная Заявителем, была действительно наполнена резкими выражениями, но не содержала ничего оскорбительного или слишком грубого или выходящего за рамки приемлемого преувеличения или провокации, возможность прибегнуть к которым предполагает журналистская свобода (см. постановление по делу *Прагер и Обершилик против*

Австрия (Prager and Oberschlick v. Austria), постановление 26 апреля 1995 года, Серия А № 313, стр. 19, § 38).

44. При оценке соразмерности вмешательства, характер и суровость наложенных санкций также являются факторами, которые следует принимать во внимание (см. постановление по делу *Скалка против Польши (Skalka v. Poland)*, № 43425/98, § 38, 27 мая 2003 года). В этом отношении, Суд отмечает, что Заявитель был признан виновным и осужден на один год лишения свободы в результате уголовного процесса. Независимо от того обстоятельство, что приговор был условным, Заявитель столкнулся с опасностью утраты свободы. Условием было то, что он не совершит какого-либо еще правонарушения в качестве редактора в течение шести месяцев. Это условие отрицательно сказалось на Заявителе, ограничив его свободу журналиста и ослабив его возможность распространять идеи на социально важные темы (см. постановление по делу *Сенер против Турции (Şener v. Turkey)*, № 26680/95, § 46, 18 июля 2000 года с дальнейшими ссылками). Суд считает, что приговор был несоразмерно суровым.

45. В свете вышеуказанных соображений и, принимая во внимание роль журналиста и прессы в распространении информации и идей на темы, вызывающие общественную озабоченность, даже если они могут оскорбить, шокировать или будоражить, Суд считает, что публикация Заявителя не вышла за границы приемлемой критики. Его обвинения были несовместимы с принципами, изложенными в статье 10, в силу того, что российские суды не указали «достаточных» причин в пользу вмешательства. Поэтому Суд считает, что отечественные суды нарушили узкие рамки усмотрения, позволенные им в отношении ограничений тем, вызывающих общественный интерес, и что вмешательство было несоразмерно преследуемой цели и не было «необходимо в демократическом обществе».

46. Таким образом, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

III. Предполагаемое нарушение статьи 6 Конвенции

47. Заявитель подал жалобу по пункту 1 статьи 6 Конвенции на нарушение принципа равенства сторон. Он утверждал, что суд первой инстанции незаконно отклонил заключение лингвистической экспертизы, и что кассационный суд не установил это предполагаемое

нарушение и не стал рассматривать этот вопрос. В соответствующей части пункта 1 статьи 6 говорится следующее:

«Каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое ... разбирательство ... судом ...».

48. Правительство заявило, что лингвистическое заключение только коснулось обвинения в нанесении оскорблений, которое было снято с Заявителя.

49. Заявитель оспорил это заявление Правительства как фактически неверное и опровергаемое содержанием самого заключения. Он подчеркнул, что главным выводом заключения явилась констатация того, что в статье содержались мнения и оценочные суждения, касавшиеся губернатора Черногорова в предстоявших выборах мэра. Если бы отечественные суды согласились принять заключение во внимание, обвинение в клевете было бы с него снято, поскольку в статье не содержались утверждения о фактах, а оценочные суждения доказыванию не подлежат.

50. Суд напоминает о том, что хотя статья 6 Конвенции гарантирует право на справедливый суд, она не содержит изложения каких-либо правил относительно определения приемлемости доказательств, которые, таким образом, остаются прерогативой национальных законов и судов (см. постановление по делу *Гарсиа Руиз против Испании (García Ruiz v. Spain)* [БП], № 30544/96, § 28, ЕСПЧ 1999-I). Тем не менее, для того, чтобы гарантировать беспристрастность судопроизводства, как того требует пункт 1 статьи 6, «суд» должен проводить необходимую экспертизу материалов, представляемых суду, аргументов и доказательств, стараясь избежать предвзятости в оценке их существенности для принятия решения (см. постановления по делам *Ван Кук против Германии (Van Kück v. Germany)*, № 35968/97, §§ 47, 48, ЕСПЧ 2003-VII; *Крашка против Швейцарии (Kraska v. Switzerland)*, от 19 апреля 1993 года, Серия А № 254-B, § 30). Пункт 1 статьи 6 Конвенции обязывает суды обосновывать свои постановления, но это нельзя рассматривать как требование подробного ответа на каждый аргумент. Вопрос о том, нарушил ли суд свое обязательство приводить причины, исходя из содержания статьи 6 Конвенции, можно определить только в свете обстоятельств дела (см.

постановление по делу *Руиз Тория против Испании (Ruiz Torija v. Spain)*, от 9 декабря 1994 года, Серия А № 303-А, § 29).

51. В настоящем деле прокурор распорядился о проведении лингвистической экспертизы статьи, опубликованной Заявителем. Эксперт заключил, что статья не содержала утверждений о фактах, подлежащих доказыванию, но скорее передавала мнения и оценочные суждения автора. Суд первой инстанции отказался принять заключение как доказательство, поскольку эксперт не имел специальной лицензии для составления лингвистического заключения. В своих обоснованиях кассационной жалобы Заявитель утверждал, что отечественные законы не предоставляют оснований для отклонения заключения в силу отсутствия требований о том, что эксперт должен иметь специальную лицензию для проведения лингвистической экспертизы. Кассационный суд не упомянул аргументы Заявителя в своем постановлении.

52. Суд считает, что экспертное заключение было важной частью доказательств в поддержку позиции защиты, занятой Заявителем и могло сыграть решающую роль при определении того, были ли действия Заявителя уголовными по своему характеру. Аргумент Заявителя в кассационном суде сводился к тому, что это заключение было незаконно отклонено судом первой инстанции, и был сформулирован вполне ясно. Суд считает, что этот аргумент требовал конкретного и прямого ответа. В отсутствие такого ответа было невозможно установить причину такого отношения – или кассационный суд просто расценил его как недостойное внимания, или принял решение отклонить его, и если так, то по каким причинам. Отсутствие в постановлении кассационного суда каких-либо ссылок на законность отклонения экспертного заключения не соответствует концепции «справедливого разбирательства», лежащего в основе статьи 6 (см., *mutadis mutandis*, постановления по делам *Руиз Тория против Испании*, упомянутое выше, § 30; *Видал против Бельгии (Vidal v. Belgium)*, от 22 апреля 1992 года, Серия А № 235-В, § 34).

53. Таким образом, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

IV. Применение статьи 41 Конвенции

54. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

55. Заявитель потребовал 100 000 евро в качестве возмещения морального ущерба.

56. Правительство расценило это требование как завышенное и необоснованное. Констатация нарушения сама по себе является достаточной справедливой компенсацией.

57. Суд признает, что Заявителю был нанесен моральный ущерб – а именно серьезное эмоциональное расстройство вследствие несправедливого уголовного разбирательства, обвинения и приговора несовместимого со статьей 10 – который не может быть полностью возмещен констатацией того, что имело место нарушение Конвенции. Однако Суд считает затребованную Заявителем сумму чрезмерной. Проведя оценку на справедливой основе, Суд присуждает Заявителю 4 000 евро в качестве компенсации морального ущерба с прибавлением суммы любого налога, которым она может облагаться.

B. Судебные расходы и издержки

58. Заявитель не потребовал возмещения судебных издержек, поэтому Суд не присудил ему никакого возмещения такого характера.

C. Процентная ставка

59. Суд считает справедливым, чтобы процентная ставка равнялась предельному ссудному проценту Европейского Центрального Банка, с добавлением трех процентных пунктов.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Отклоняет* предварительное возражение Правительства;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
3. *Постановляет*, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции;
4. *Постановляет*
 - (а) что Государство-ответчик обязано выплатить Заявителю, в течение трех месяцев 4 000 (четыре тысячи евро) в качестве компенсации морального ущерба в пересчете в российские рубли по курсу, действующему на момент расчета с добавлением суммы любого налога, которым может облагаться вышеуказанная сумма;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанных трех месяцев до момента выплаты на суммы, указанные выше, выплачиваются простые проценты в размере предельного ссудного процента Европейского Центрального Банка в течение периода выплаты процентов с добавлением трех процентных пунктов;
5. *Отклоняет* оставшуюся часть иска Заявителя с требованием справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке, представлено в письменной форме 22 февраля 2007 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Христос Розакис
Сорен Нильсен

Председатель Суда
Секретарь Секции Суда

© Центр Защиты Прав СМИ,
перевод с английского, 2010

Краткое изложение дела

ДЕЛО «НОВАЯ ГАЗЕТА В ВОРОНЕЖЕ» ПРОТИВ РОССИИ» (Novaya gazeta v Voronezhe v. Russia)

(жалоба № 27570/03)

Постановление Суда

Страсбург, 21 декабря 2010 года

Суть принятого решения: В отношении заявителя имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно.

Краткое изложение обстоятельств дела:

2 апреля 2002 года «Новая Газета в Воронеже» опубликовала статью «Атомный мэр». В статье шла речь о злоупотреблениях и нарушениях, предположительно допущенных г-ном С., мэром Нововоронежа, и другими городскими чиновниками, включая г-на Б., заместителя главы администрации, начальника управления по экономике и финансам, и г-на П., председателя комитета по образованию. В статье также упоминались определенные частные лица, поставлявшие товары или предоставлявшие услуги для городских властей, включая г-на Ф., местного предпринимателя, выполнявшего ремонтные работы для государственных учреждений.

Г-н С., г-н Б., г-н П. и г-н Ф. подали иск о защите чести и достоинства в отношении Заявителя. Они утверждали, что содержащиеся в статье высказывания являются недостоверными и порочат их репутацию.

В ходе судебного разбирательства Заявитель представил копии ревизионного отчета и акта контрольного обмера, подтверждающие достоверность сведений. При этом Заявитель обратился к суду с просьбой об оказании содействия в получении оригиналов указанных доказательств. Суд первой инстанции дважды отказал в удовлетворении ходатайства Заявителя.

30 октября 2002 года Советский районный суд г. Воронежа вынес решение, которым признал все оспоренные фрагменты статьи недостоверными и порочащими. В решении суд отметил, что журналист должен получить все доказательства соответствия действительности сведений до опубликования статьи, а не собирать доказательства после того, как статья была опубликована.

Суд первой инстанции также обязал Заявителя выплатить 10 000 рублей г-ну С., а также по 5 000 рублей г-ну Б., г-ну П. и г-ну Ф., и опубликовать опровержение.

6 февраля 2003 года Воронежский областной суд оставил в силе решение от 30 октября 2002 года, постановив, что доводы Заявителя о том, что в статье скорее содержались оценочные суждения, нежели утверждения о фактах, были «необоснованы».

Впоследствии Заявитель выплатил по решению суда 25 000 рублей и опубликовал опровержение сведений.

Оценка Европейского Суда:

Суд отметил, что спорные сведения были опубликованы в отношении мэра города, который, несомненно, являлся публичной фигурой. Г-н Б. и г-н П. являлись служащими, работавшими в муниципальных органах власти, и, по мнению Суда, действовали в официальном качестве (п. 45):

«Суд отмечает, что гражданские служащие, действующие в своем официальном качестве, подобно политикам, хотя и в несколько другой степени, представляют собой категорию лиц, в отношении которых рамки приемлемой критики шире, чем в отношении рядового гражданина».

Г-н Ф., в свою очередь, являлся субподрядчиком, однако сделал себя объектом пристального внимания общественности, поскольку, получая государственные средства, вышел на общественную арену. Таким образом, все четыре истца «будучи в определенной степени объектами общественного внимания в отношении своей профессиональной деятельности, были обязаны демонстрировать большую терпимость

к критике в рамках общественной дискуссии, чем рядовые граждане» (п. 47).

Далее Суд отметил, что тема публикации вызывала интерес местной общественности, и Заявитель имел право донести до ее внимания подобную информацию.

Суд проанализировал спорные высказывания и пришел к выводу, что большинство из них были оценочными и необоснованно не были ограничены национальными судами от утверждений о фактах (п. 51-52):

«... оспоренные утверждения в основном отражали восприятие журналистом ситуации вокруг распределения городских бюджетных средств. Некоторые выражения, использованные г-ном И. П., можно расценить как резкие и провокационные, однако не выходящие за рамки допустимой степени преувеличения. Публикация статьи была направлена на привлечение более пристального внимания к тому, как расходуются бюджетные средства, и призывом к более жесткому контролю над этой сферой во избежание или для прекращения возможных махинаций со стороны местных чиновников. Поэтому Суд полагает, что оспоренные утверждения в настоящем деле отражали комментарии на тему, вызывавшую общественный интерес, и которые, таким образом, следует рассматривать скорее как оценочные суждения, нежели как утверждения о фактах».

Сведения, выраженные в форме утверждений, по мнению Суда, имели под собой достаточное фактологическое основание.

Суд критично отнесся к позиции национальных судов не предпринимать попытки для получения оригиналов документов, имевшихся в копиях у Заявителя (п. 55-56):

«55. Суд указывает на то, что национальные суды отказались предпринимать какие-либо шаги для получения оригинала или заверенной копии ревизионного отчета или отчета о ремонте стадиона. Более того, у Суда вызвало удивление то обстоятельство, что ни суд первой инстанции, ни кассационный суд не только не попытались выяснить,

имели ли сведения, изложенные в статье, фактическое основание, но и даже не упомянули о том, что г-н И. П. в своих обвинениях сослался на два официальных документа.

*56. Невозможно утверждать, каков был бы исход судебных разбирательств, если бы суд первой инстанции предпринял шаги для проверки доказательств, которые пытался привести Заявитель; но Суд придает решающее значение тому факту, что суд первой инстанции отклонил эти доказательства как не относившиеся к делу (см., *mutatis mutandis*, постановление по делу Кастеллс против Испании (*Castells v. Spain*), от 23 апреля 1992 года, § 48, Серия А № 236). Он считает, что потребовав от Заявителя доказательств достоверности утверждений, сделанных в статье, одновременно лишив его практической возможности представить доказательства этих утверждений и, таким образом, подтвердить их соответствие действительности, национальные суды переступили отпущенные им рамки усмотрения (см. дело Джерусалем против Австрии, упоминавшееся выше, § 46)».*

В итоге Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2011

ДЕЛО «НОВАЯ ГАЗЕТА В ВОРОНЕЖЕ» ПРОТИВ РОССИИ»

(*Novaya gazeta v Voronezhe v. Russia*)

(жалоба № 27570/03)

Постановление Суда

Страсбург, 21 декабря 2010 года

По делу «Новая газета в Воронеже» против России» Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:

Христос Розакис, *Председатель*,
Нина Вайич,
Анатолий Ковлер,
Элизабет Штайнер,
Ханлар Гаджиев,
Георг Николау,
Джиорджио Малинверни, *судьи*,

а также Сорен Нильсен, *Секретарь Секции*,

Проведя 2 декабря 2010 года закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, принятое в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании жалобы (№ 27570/03) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав и основных свобод человека (далее - «Конвенция») редакцией «Новой Газеты в Воронеже», обществом с ограниченной ответственностью, зарегистрированной в соответствии с российским законодательством в Воронеже (далее - «Заявитель»), 26 июля 2003 года.

2. Интересы Заявителя представляла г-жа М. А. Ледовских, юрист, практикующий в Воронеже. Российское правительство (далее - «Правительство») было представлено г-ном П. Лаптевым, бывшим представителем Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека.

3. 26 мая 2005 года председатель Первой секции принял решение известить о жалобе Правительство. Было также решено рассмотреть существо жалобы одновременно с ее приемлемостью (пункт 1 статьи 29 Конвенции).

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

A. Оспоренная статья и иски о защите чести и достоинства

4. 2 апреля 2002 года «Новая Газета в Воронеже» (далее - «Газета») опубликовала статью г-на И. П. под заголовком «Атомный мэр». В статье шла речь о злоупотреблениях и нарушениях, предположительно допущенных г-ном С., мэром Нововоронежа, и другими городскими чиновниками, включая г-на Б., заместителя главы администрации, начальника управления по экономике и финансам, и г-на П., председателя комитета по образованию. В статье также упоминались определенные частные лица, поставлявшие товары или предоставлявшие услуги для городских властей, включая г-на Ф., местного предпринимателя, выполнявшего ремонтные работы для государственных учреждений.

5. В статье содержались многочисленные выдержки из справки по результатам комплексной проверки (далее - «комплексная проверка») администрации г. Нововоронежа, проведенная Контрольным управлением Администрации Воронежской области с 13 ноября по 27 декабря 2001 года (далее - «ревизионный отчет»).

6. 8 мая 2002 года г-н С., г-н Б., г-н П. и г-н Ф. подали иск о защите чести и достоинства в отношении Заявителя. Они утверждали, что следующие выдержки из известной статьи были недостоверными и порочащими их репутацию:

«... Осенью 2001 г. группа активистов в Нововоронеже собирала подписи под вотумом недоверия Владимиру С. Собрали почти три тысячи подписей ...» [абзац 4]

«... Длительное время городская администрация Нововоронежа не перечисляла платежи в территориальный фонд обязательного медицинского страхования, что, по мнению мэра, являлось не обязательным, но арбитражный суд решил иначе. В 2002 году по милости Сеницына городской бюджет потеряет еще более 20 миллионов [рублей] ...» [21]

«... мэр Сеницын до сих пор остается приверженцем идей социализма и коммунизма, неоднократно вступал в ряды КП РФ. Иногда выходил из этих рядов ...» [23]

«... [Помимо бюджета, Нововоронеж имеет внебюджетный фонд. И немалый.] А как мэр вместе с верным соратником, начальником управления по экономике и финансам и по совместительству исполнительным директором всех фондов товарищем Бабаевым им распорядился, остается только подивиться ...

Таким образом, благодаря стараниям двух видных экономистов, город лишился суммы, сопоставимой почти с половиной годового бюджета ...». [34, 47]

«председателем комитета по образованию администрации г. Нововоронежа П. не были представлены документы, подтверждающие, что это студенты из малоимущих и многодетных семей, как он утверждал ...

Что это за малообеспеченные такие семьи, что даже товарищ Подшивалкин, председатель комитета по образованию администрации г. Нововоронежа, их не знает?...» [57, 58]

«Пытливые читатели зададут вопрос: что это г-н Б. проявил такую заботу о воинской части, расположенной в с. Боево и областной психиатрической больнице (вспомним о благотворительном взносе в ее адрес на сумму 300 тыс. руб.- Авт.)? И сами начнут искать ответ.

А не в войсковой части № 51025 проходит срочную службу в рядах российской армии сынок вышеуказанного чиновника?

А не в областной ли психиатрической больнице не так давно проходил обследование чтобы избежать наказание за тяжкое уголовное преступление, то ли родственник, то ли однофамилиц г-на Бабаева?... [67-69]

«... А что порядочный мэр С.? Может он не знает о проделках своего зама?

Да нет, знает, и даже лично подписывает платежные, документы о перечислении денежных сумм в ГУЗ «Воронежская областная клиническая психиатрическая больница» ...». [71, 72]

«... Дело в том, что в городе уже давно не существует такое понятие, как конкурс (тендер) на предоставление услуг бюджетным организациям. Вот нравится нашему справедливому, коммунисту в душе, С. П. (проведено много совместных дел) - и работай не хочу. Поставляй компьютеры по 150 тысяч рублей, корми детишек в детских садах по завышенным ценам ...». [87]

«... В ходе проверки была составлена смета на фактически проведенные ремонтные работы на городском стадионе. Сумма на которую реально выполнены работы, составила около 500 тысяч рублей Так, г-н С. и г-н Ф., куда же ушли оставшиеся 1.300.000 рублей ? ...». [93]

В. Разбирательство в суде первой инстанции

7. 10 и 11 сентября 2002 года Советский районный суд Воронежа (далее - «суд первой инстанции») рассмотрел доказательства сторон. Истцы представили решения арбитражных судов, в соответствии с которыми с городских властей Нововоронежа была взыскана сумма в 26927 рублей, предназначенных в качестве платежей в территориальный фонд обязательного медицинского страхования. Г-н С. также представил документ о том, что он являлся членом

коммунистической партии с 1995 года и никогда не прекращал в ней своего членства.

8. Заявитель имел в своем распоряжении копии ревизионного отчета и акта контрольного обмера ремонта городского стадиона и от 22 ноября 2001 года (далее - «отчет о ремонте стадиона»). Поскольку обычные копии, в отличие от заверенных, не имеют доказательной силы, Заявитель обратился к суду первой инстанции с просьбой получить оригиналы. Суд отказал в просьбе, так как Заявитель не представил доказательств собственных попыток получить оригиналы.

9. В течение октября 2002 года Заявитель безуспешно пытался получить оригиналы из Контрольно-ревизионного управления Министерства финансов, Нововоронежской УВД, а также Воронежской областной и Нововоронежской городской прокуратур.

10. Заявитель повторно обратился в суд с ходатайством о принятии определения, обязывавшего соответствующие органы власти представить оригиналы известных документов.

11. 30 октября 2002 года суд первой инстанции отказал и в этом ходатайстве без указания причин в тексте определения. Г-н С. отказался от иска в части, касавшейся абзаца 4 статьи.

12. В тот же день суд первой инстанции вынес свое решение, в котором говорилось о том, что все фрагменты, оспоренные истцами, являются не соответствующими действительности и порочащими их репутацию. В своих выводах суд первой инстанции основывался на следующих принципах:

«По данной категории дел, в силу ст. 152 ГК РФ обязанность доказывать соответствие действительности распространенных сведений лежит на ответчике, а истец обязан доказать лишь сам факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск. На доказательность проверяются не только утвердительные, но и предположительные высказывания. Порочащие предположения, необоснованность которых выявилась в судебном заседании, подлежат опровержению. Ссылки на слухи, толки, молву, мнения безымянных экспертов, компетентные источники и т.п. как на основания порочащих

сведений не освобождают ответчика от доказывания их соответствия действительности...»

13. Суд первой инстанции принял решение о том, что абзацы 93 и 94 рассматриваемой статьи касались предположительной растраты денежных средств г-ном С. и г-ном Ф. Вместе с тем, суд отметил, что в ревизионном отчете общая стоимость проведенных работ оценивалась в 1.850.000 рублей, и что ответчики не представили суду никаких доказательств растраты.

14. Суд первой инстанции принял точку зрения г-на С., в соответствии с которой содержание абзацев 21, 23, 47, 71, 72 и 87 указанной статьи унижало его честь, достоинство и репутацию. По мнению суда первой инстанции, было неверно говорить, что город «потеряет еще двадцать миллионов благодаря мэру», потому что платежи в любом случае были обязательными, и после их временной задержки, суд распорядился об их взыскании в том же размере. Информация о «непостоянном» членстве г-на С. в партии была расценена как ложная, поскольку он представил свидетельство того, что вступил в коммунистическую партию только однажды и ни разу не прерывал в ней своего членства. Суд первой инстанции постановил, что в абзаце 47 автор несправедливо обвинил г-на С. и г-на Б. в прекращении финансирования, потому что структура внебюджетных фондов регулировалась в соответствии с решением правительства. Наконец, в отношении абзаца 87, суд первой инстанции определил, что его содержание создавало впечатление о том, что бесчестные люди, действовавшие под патронажем мэра, наживались на детских садах, но авторы не представили никаких доказательств правдивости этого обвинения.

15. В отношении г-на Б., суд первой инстанции постановил, что содержание абзацев 34, 47 и 67-69 рассматриваемой статьи было недостоверным и порочащим его репутацию, поскольку ответчики не смогли доказать, что г-н Б. являлся исполнительным директором «всех фондов», что его родственник, тем более преступник, прятался в психиатрической больнице или проходил там лечение, и что он и г-н С. растрачивали городской бюджет.

16. Суд первой инстанции согласился с мнением г-на П. о том, что обвинения в нарушениях при отборе студентов и его личное участие в этом (абзацы 57 и 58) были оскорбительны для него.

17. В решении говорилось:

«Таким образом, суд пришел к выводу об обоснованности требований истцов, о том, что автор и редакция позволили опубликовать статью, содержащую оскорбительные, не соответствующие действительности высказывания, утверждения в злоупотреблении служебным положением, нарушении моральных и этических принципов, не утруждая себя проверкой всех фактов, поскольку в соответствии с действующим законодательством именно на ответчике лежит обязанность доказывания соответствия действительности всех сведений и суждений изложенных в публикации и доказательства должны быть до опубликования сведений, а не собирать доказательства после того, как статья была опубликована. Ответчикам разъяснялась обязанность доказывания своих возражений. Вместе с тем, истцы представили суду ответ прокуратуры г. Нововоронежа, постановление Нововоронежского ГОВД об отказе в возбуждении уголовного дела при проверке отдельных вопросов финансово-хозяйственной деятельности комитета по образованию г. Нововоронежа за период 2000-2001 г.г.».

18. Суд первой инстанции предписал Заявителю выплатить 10 000 рублей г-ну С., а также по 5 000 рублей г-ну Б., г-ну П. и г-ну Ф., то есть 25 000 рублей в общей сложности, и опубликовать опровержение.

С. Разбирательство в суде кассационной инстанции

19. 8 января 2003 года Заявитель подал мотивированную кассационную жалобу, утверждая, что статья касалась предмета общественного интереса, и что истцы, будучи «публичными фигурами» и муниципальными служащими, должны были проявить большую терпимость к критике, чем обычные граждане. Статья во многом была основана на ревизионном отчете, а районный суд не предоставил Заявителю возможности доказать правдивость каких-либо утверждений о фактах, отказав в просьбе о получении оригиналов документов. К тому же, суд первой инстанции обязал Заявителя опровергнуть оценочные суждения. В соответствующих частях текста кассационной жалобы говорилось следующее:

«... [суд первой инстанции] сослался в отношении первого документа на то, что нет необходимости его запрашивать, так как в деле было постановление старшего оперуполномоченного Нововоронежского ГОВД в возбуждении уголовного дела по фактам отраженным в справке КРУ ...».

«В отношении второго документа, суд [первой инстанции] ссылаясь на то, что в ответе ГОВД г. Нововоронежа на редакционный запрос предоставить акт контрольного обмера ремонта городского стадиона и тира от 22.11.2001 содержится ответ, что ГОВД не имеет этот документ, он направлен в Прокуратуру г. Нововоронежа, следовательно, незачем запрашивать этот документ в ГОВД».

20. 6 февраля 2003 года Воронежский областной суд оставил в силе решение от 30 октября 2002 года, постановив, что доводы Заявителя о том, что в статье скорее содержались оценочные суждения, нежели утверждения о фактах, было «необоснованы». Суд оперировал следующими аргументами:

«Информация о том, что истцы заинтересованы в опровержении, получила подтверждение в суде [первой инстанции] и не оспаривалась ответчиком. Соответственно, Газета была обязана представить суду [первой инстанции] доказательства соответствия действительности данной информации.

Однако такие доказательства не были представлены суду [первой инстанции]».

D. Последующие события

21. 20 июня 2003 года, выполняя решение от 30 октября 2002 года, Заявитель перевел 25 000 рублей на банковский счет службы судебных приставов.

22. Заявитель опубликовал опровержение сведений, содержащейся в статье, в номере Газеты за 11 – 17 июля 2003 года.

II. Применимое национальное законодательство и практика

23. Статья 29 Конституции Российской Федерации гарантирует свободу мысли и слова, а также свободу массовой информации.

24. В статье 152 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 года сказано, что гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, вправе наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением. Правила настоящей статьи о защите деловой репутации гражданина соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица.

25. В пункте 2 Постановления № 11 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 августа 1992 года, в редакции от 25 апреля 1995 года (действовавшего во время происшедших событий) говорилось, что порочащими являются не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов (о совершении нечестного поступка, неправильном поведении в трудовом коллективе, быту и другие сведения, порочащие производственно-хозяйственную и общественную деятельность, деловую репутацию и т.п.). Под распространением информации понималось опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и в телевидеопрограммах, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в иной, в том числе устной, форме нескольким или хотя бы одному лицу. Пункт 7 Постановления регулировал распределение бремени доказывания в делах об унижении чести и достоинства. Истец был обязан доказать лишь сам факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск. Ответчик же был обязан доказать, что распространенные сведения соответствовали действительности.

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

26. Заявитель подал жалобу по статье 10 Конвенции на вмешательство в осуществление им своего право на свободу слова, которое, с его точки зрения, не было необходимо в демократическом обществе. В имеющей отношение к настоящему делу части статьи 10 сказано:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны органов власти и независимо от государственных границ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями и санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

A. Аргументы сторон

1. Правительство

27. Правительство оспорило доводы Заявителя, считая, что оспоренные утверждения были утверждениями о фактах, а не оценочными суждениями. Национальные суды провели независимую оценку представленных им доказательств и сделали заключение о том, что они имеют отношение к делу. Суд первой инстанции располагал различными доказательствами, представленными сторонами, и мог принять решение по гражданскому спору на основании доказательств, которые он счел достаточными, не прибегая к другим.

28. Отказ суда первой инстанции от получения оригиналов ревизионного отчета и отчета о ремонте стадиона был вполне обоснован. Заявитель был надлежащим образом извещен о его причинах. Заявитель мог обжаловать в суде то обстоятельство, что прокуратура не предоставила оригиналы документов, но не сделала этого. К тому же, если суд первой инстанции не включил ссылку на эти причины в протокол слушания, Заявитель могла потребовать внесения изменений в протокол в соответствии с национальным законодательством.

29. Постановление суда первой инстанции от 30 сентября 2002 года было основано на статье 152 Гражданского кодекса РФ, поскольку Заявитель не доказал соответствие действительности утверждений, сделанных в статье. Вмешательство в осуществление Заявителем свободы слова преследовало законную цель, а именно защиту прав других лиц, и было необходимо в демократическом обществе, поскольку из статьи следовало, что истцы совершали противоправные действия. Правительство заявило в меморандуме, что нарушения статьи 10 Конвенции не было.

2. Заявитель

30. Заявитель привел довод о том, что оспоренные утверждения были подтверждены ревизионным отчетом и отчетом о ремонте стадиона. Однако было невозможно использовать эти документы в качестве доказательств, поскольку автор статьи располагал лишь обычными копиями, а не оригиналами или заверенными копиями. Отказ национальных судов затребовать оригиналы или, по крайней мере, копии этих документов возымел охлаждающий эффект на журналистов, располагавших обычными копиями документов, касавшихся социально значимой темы. Сам по себе отказ от раскрытия характера уголовных разбирательств, касавшихся фактов, изложенных в двух известных документах, не делал информацию, содержащуюся в них, ложной. К тому же, требование доказать оценочное суждение было несовместимо со свободой слова.

31. В тексте кассационной жалобы юрист Заявителя сослался на аргументацию суда первой инстанции в обоснование своего решения об отсутствии необходимости требовать заверенные копии двух документов, переданную ей по неофициальным каналам; в протоколе

слушания не было ссылки на аргументацию суда первой инстанции в этом отношении.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

32. Суд отмечает, что жалоба Заявителя не является явно необоснованной в соответствии с содержанием пункта 3 статьи 35 Конвенции, и не было установлено никаких других оснований, на которых она могла бы быть объявлена неприемлемой, поэтому она должна быть объявлена приемлемой.

2. Существо дела

(а) Общие принципы

33. Для начала Суд напоминает о том, что свобода выражения мнения является одной из основ демократического общества; в соответствии с пунктом 2 статьи 10 распространяется не только к «информации» или «идеям», которые встречаются благоприятно или рассматриваются как безобидные либо нейтральные, но также и тем, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство. Существует и ряд исключительных случаев, позволяющих ограничивать свободу слова, которые, однако, необходимо истолковывать узко, и необходимость в любых ограничениях должна быть убедительно обоснована (см. постановление по делу *Санди Таймз против Великобритании (№ 2)* (*Sunday Times v. the United Kingdom (no. 2)*), от 26 ноября 1991 года, § 50, Серия А № 217).

34. Проверка на необходимость требует от Суда определить, соответствовало ли вмешательство «наущной общественной потребности», было ли оно соразмерно законной преследованной цели, были ли причины, приведенные национальными органами власти в его обоснование, существенными и достаточными (см. постановление по делу *Санди Таймз против Великобритании (№ 1)* (*Sunday Times v. the United Kingdom (no. 1)*), от 26 апреля 1979 года, § 62, Серия А № 30). При оценке наличия такой необходимости и характера мер, которые надлежит принять для противодействия ему, национальным органам власти отводятся определенные рамки усмотрения. Эти полномочия, однако, не являются неограниченными,

но предполагают надзор со стороны Европейского Суда, чья задача заключается в принятии окончательного решения относительно того, совместимо ли ограничение со свободой выражения мнения, находящейся под защитой статьи 10 (см. постановления по делам *Нильсен и Йонсен против Норвегии (Nilsen and Johnsen v. Norway)* [БП], № 23118/93, § 43, ЕСПЧ 1999-VIII, и *Джерусалем против Австрии (Jerusalem v. Austria)*, № 26958/95, § 33, ЕСПЧ 2001-II).

35. Пресса играет чрезвычайно важную роль в демократическом обществе. Хотя она не должна преступать определенные границы, особенно в отношении репутации и прав других, ее долг вместе с тем заключается в передаче – способом, соответствующим ее обязательствам и ответственности – информации и идей по всем вопросам, вызывающим общественный интерес (см. постановление по делу *Де Хаес и Гийсельс против Бельгии (De Haes and Gijssels v. Belgium)*, от 24 февраля 1997 года, § 37, Отчеты о постановлениях и решениях 1997-I). Не только пресса имеет перед собой задачу передачи такой информации и идей, но также и общественность имеет право на их получение. Если бы это было не так, то пресса была бы не в состоянии играть свою жизненно важную роль стража общественных интересов (см. постановления по делам *Торгер Торгерсон против Исландии (Thorgeir Thorgeirson v. Iceland)*, от 25 июня 1992 года, § 63, Серия А № 239, и *Бладет Тромсе и Стенсаас против Норвегии (Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway)*, [БП], № 21980/93, § 62, ЕСПЧ 1999-III).

36. Статья 10 защищает не только содержание выраженных идей и информации, но также и форму, в которой они выражены (см. постановление по делу *Обершлик против Австрии (№ 1) (Oberschlick v. Austria (no. 1))*, от 23 мая 1991 года, § 57, Серия А № 204). Журналистская свобода также предполагает возможность прибегнуть к определенной степени преувеличения или даже провокации (см. постановление по делу *Прагер и Обершлик против Австрии (№ 1) (Prager and Oberschlick v. Austria (no. 1))*, от 26 апреля 1995 года, § 38, Серия А № 313).

37. В своей практике Суд разграничивает утверждения о фактах и оценочные суждения. Тогда как наличие фактов можно продемонстрировать, правдивость оценочных суждений доказыванию не подлежит. Требование доказать правдивость оценочного суждения выполнить невозможно, и оно нарушает сам принцип свободного

выражения мнения, который является основной частью права, закрепленного в статье 10 (см. постановление по делу *Лингенс против Австрии* (*Lingens v. Austria*), от 8 июля 1986 года, § 46, Серия А № 103).

38. Однако, даже если утверждение является лишь оценочным суждением, соразмерность вмешательства может зависеть от того, существует ли достаточное фактическое основание для оспоренного утверждения, поскольку даже оценочное суждение, не подкрепленное фактами, может быть чрезмерным (см. постановление по делу *Джерусалем против Австрии*, упомянутое выше, § 43).

(b) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

39. Суд замечает, что стороны не оспаривали то обстоятельство, что гражданские разбирательства по делу об унижении чести и достоинства в отношении Заявителя являлись вмешательством в осуществление им своей свободы слова, и что это вмешательство было в соответствии с законом и преследовало законную цель защиты репутации истцов. Остается определить, было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе».

40. Суд напоминает о том, что задача Суда при осуществлении его надзорной функции состоит не в том, чтобы заменять собой национальные органы власти, а в рассмотрении, в свете всего дела целиком, принятых ими решений в соответствии со своими рамками усмотрения с точки зрения статьи 10 (см. постановления по делам *Фрессоз и Руар против Франции* (*Fressoz and Roire v. France*) [БП], № 29183/95, § 45, ЕСПЧ 1999-I, и *Эгеланд и Хансейд против Норвегии* (*Egeland and Hanseid v. Norway*), № 34438/04, § 50, от 16 апреля 2009 года).

41. При рассмотрении конкретных обстоятельств дела, Суд принимает во внимание следующие составляющие: позицию Заявителя, позицию истцов, инициировавших разбирательства по делу об унижении чести и достоинства, а также тему дискуссии в национальных судах (см., *mutatis mutandis*, дело *Джерусалем против Австрии*, упомянутое выше, § 35).

42. В отношении позиции Заявителя, Суд замечает, что Заявитель оказалась объектом судебного преследования в качестве редакции

Газеты. В этой связи Суд подчеркивает, что от него требуется наибольшая внимательность когда, как в настоящем деле, меры и санкции, примененные национальным органом власти, способны оттолкнуть прессу от участия в дискуссиях на темы, вызывающие справедливую озабоченность общественности (см. постановление по делу *Йерсильд против Дании (Jersild v. Denmark)*, от 23 сентября 1994 года, § 35, Серия А № 298).

43. Обращаясь к соответствующим позициям истцов, обратившихся в суд с гражданскими исками в отношении заявителя, Суд отмечает следующее.

44. Г-н С. являлся избранным мэром Нововоронежа. Суд напоминает о том, что политик, действующий в своем общественном качестве, неизбежно и осознанно выставляет каждое свое слово и поступок под пристальное внимание как журналистов, так и широкой общественности (см., среди других источников, постановление по делу *Коломбани и другие против Франции (Colombani and Others v. France)*, № 51279/99, § 56, ЕСПЧ 2002-V).

45. Г-н Б. и г-н П. являлись служащими, работавшими в муниципальных органах власти. Суд отмечает, что гражданские служащие, действующие в своем официальном качестве, подобно политикам, хотя и в несколько другой степени, представляют собой категорию лиц, в отношении которых рамки приемлемой критики шире, чем в отношении рядового гражданина (см., *mutatis mutandis*, постановление по делу *Яновский против Польши (Janowski v. Poland)* [БП], № 25716/94, § 33, ЕСПЧ 1999-I).

46. Г-н Ф., в свою очередь, являлся субподрядчиком, который выполнял ремонтные работы в государственных учреждениях и, значит, получал государственные средства. Суд указывает на то, что частные лица делают себя объектами пристального внимания, когда выходят на общественную арену, и полагает, что правильное расходование государственных средств, несомненно, является темой для открытой общественной дискуссии.

47. Таким образом, Суд заключает, что все четыре истца, будучи в определенной степени объектами общественного внимания в отношении своей профессиональной деятельности, были обязаны демонстрировать большую терпимость к критике в рамках

общественной дискуссии, чем рядовые граждане (см., *mutatis mutandis*, дело *Лингенс против Австрии*, упомянутое выше, § 42).

48. Обращаясь к содержанию разбирательств в национальных судах, Суд отмечает, что оспоренная статья главным образом содержала информацию о расходовании государственных средств мэром и гражданскими служащими (см. пункт 6 выше). Это, бесспорно, представляло собой предмет, вызывавший интерес местной обществуности, информацию о котором Заявитель имел право довести до внимания последней, и в отношении которого местное население имело право на получение информации (см., *mutatis mutandis*, постановление по делу *Кумпана и Мазаре против Румынии (Cumpăna și Mazăre v. România)* [БП], № 33348/96, §§ 94 – 95, ЕСПЧ 2004-ХI). Суд напоминает в этой связи о том, что пункт 2 статьи 10 Конвенции предполагает очень узкие возможности применения ограничений в отношении выступлений на политические темы или при обсуждении вопросов, представляющих общественный интерес (см. постановление по делу *Фельдек против Словакии (Feldek v. Slovakia)*, № 29032/95, § 74, ЕСПЧ 2001-VIII).

49. Далее Суд рассмотрит всю газетную статью в целом, уделяя особенное внимание подбору слов в оспоренных частях, а также особенностям ее подготовки и контексту опубликования (см. постановления по делам *Сюрек против Турции (№ 1) (Süretek v. Turkey (no. 1))* [БП], № 26682/95, § 62, ЕСПЧ 1999-IV, и *Тонзбергз Блад А.С. и Хауком против Норвегии (Tønsbergs Blad A.S. and Haukom v. Norway)*, № 510/04, § 90, ЕСПЧ 2007-III).

50. Суд указывает с самого начала на то, что оспоренное утверждение, относившееся к г-ну С., касалось его прерванного членства в коммунистической партии (пункт 23 статьи) и являлось утверждением о факте, а не оценочным суждением. Однако Суду не кажется, что такое утверждение могло нанести ущерб репутации г-на С., учитывая, что ни принадлежность к этой партии, ни уход из нее не являлись нарушением российских законов во время происшедших событий.

51. Далее Суд считает, что остальные оспоренные утверждения в основном отражали восприятие журналистом ситуации вокруг распределения городских бюджетных средств. Некоторые выражения, использованные г-ном И. П., можно расценить как резкие и провокационные, однако не выходящие за рамки допустимой степени

преувеличения. Публикация статьи была направлена на привлечение более пристального внимания к тому, как расходуются бюджетные средства, и призывом к более жесткому контролю над этой сферой во избежание или для прекращения возможных махинаций со стороны местных чиновников. Поэтому Суд полагает, что оспоренные утверждения в настоящем деле отражали комментарии на тему, вызывавшую общественный интерес, и которые, таким образом, следует рассматривать скорее как оценочные суждения, нежели как утверждения о фактах.

52. Однако в данном деле национальные суды расценили все оспоренные отрывки как содержавшие утверждения о фактах, не задавшись вопросом о том, можно ли их рассматривать как оценочные суждения (см. пункты 12 и 20 выше). Причина, по которой этот анализ не был проведен, объяснялась позицией российского законодательства в отношении дел об унижении чести и достоинства во время происходивших событий, в котором, как уже констатировал Суд, не проводилось разграничение между оценочными суждениями и утверждениями о фактах, которые обобщенно назывались сведениями, и исходил из того, что любое такое «утверждение» должно быть доказано в ходе гражданских разбирательств (см. постановления по делам *Гринберг против России* (*Grinberg v. Russia*), № 23472/03, § 29, от 21 июля 2005 года, и *Захаров против России* (*Zakharov v. Russia*), № 14881/03, § 29, от 5 октября 2006 года).

53. Суд также напоминает о том, что, даже если утверждение является лишь оценочным суждением, соразмерность вмешательства может зависеть от того, существует ли достаточное фактическое основание для оспоренного утверждения, поскольку даже оценочное суждение, не подкрепленное фактами, может быть чрезмерным (см. постановления по делам *Де Хаес и Гийсельс против Бельгии*, упомянутое выше, § 47, и *Обершлик против Австрии* (№ 2) (*Oberschlick v. Austria* (no. 2)), от 1 июля 1997 года, § 33, отчеты 1997-IV).

54. В данном деле г-н И. П. опирался на ревизионный отчет, сделанный государственным управлением (см. пункт 5 выше). По мнению Суда, то обстоятельство, что журналист не имел доступа к оригиналу или заверенной копии этого отчета, не лишает текст, оказавшийся в его распоряжении, информационной ценности (см. постановление по делу *Бладет Тромсе и Стенсаас против Норвегии*,

упомянутое выше, § 68). Отсюда следует, что ревизионный отчет мог содержать доказательства (при отсутствии доказательств в пользу противоположного) того, что оценочное суждение, высказанное в статье, опубликованной Заявителем, являлось добросовестным высказыванием (см. дело *Джерусалем против Австрии*, упоминавшееся выше, § 45).

55. Суд указывает на то, что национальные суды отказались предпринимать какие-либо шаги для получения оригинала или заверенной копии ревизионного отчета или отчета о ремонте стадиона. Более того, у Суда вызвало удивление то обстоятельство, что ни суд первой инстанции, ни кассационный суд не только не попытались выяснить, имели ли сведения, изложенные в статье, фактическое основание, но и даже не упомянули о том, что г-н И. П. в своих обвинениях сослался на два официальных документа.

56. Невозможно утверждать, каков был бы исход судебных разбирательств, если бы суд первой инстанции предпринял шаги для проверки доказательств, которые пытался привести Заявитель; но Суд придает решающее значение тому факту, что суд первой инстанции отклонил эти доказательства как не относившиеся к делу (см., *mutatis mutandis*, постановление по делу *Кастеллс против Испании (Castells v. Spain)*, от 23 апреля 1992 года, § 48, Серия А № 236). Он считает, что потребовав от Заявителя доказательств достоверности утверждений, сделанных в статье, одновременно лишив его практической возможности представить доказательства этих утверждений и, таким образом, подтвердить их соответствие действительности, национальные суды переступили отпущенные им рамки усмотрения (см. дело *Джерусалем против Австрии*, упоминавшееся выше, § 46).

57. Правительство возразило, что информация, содержащаяся в оспоренной статье, по сути, означала, что истцы совершили преступления, и, следовательно, возникла насущная общественная потребность в защите истцов и предотвращении безответственного распространения таких серьезных обвинений. Суд может принять этот довод в принципе, так как не раз подчеркивал большую важность сохранения ответственности теми, кто пользуется своим правом на свободное выражение мнения, в особенности, журналистами (см. дело *Йерсилд против Дании*, упомянутое выше, § 31, и дело *Прагер и Обершлик против Австрии*, упомянутое выше, § 37). Однако в обстоятельствах настоящего дела Суд не усматривает признаков

намеренной безответственности со стороны Заявителя. Скорее создается впечатление того, что заявления г-на И. П. не являлись необоснованным личным выпадом, поскольку были сделаны в определенной политической ситуации, где послужили вкладом в обсуждение вопроса, вызывавшего всеобщий интерес, а именно расходования бюджетных средств (см., *mutatis mutandis*, постановление по делу *Unabhängige Initiative Informationsvielfalt v. Austria*, № 28525/95, § 43, ЕСПЧ 2002-I).

58. Следует отметить в этой связи, что Районный суд руководствовался необычно высокими критериями доказанности, сделав заключение о том, что, поскольку уголовные разбирательства в отношении финансовых нарушений не проводились, информация, приведенная в оспоренной статье, не имела под собой фактического основания (см. пункт 17 выше). Суд напоминает в этом отношении, что степень точности при установлении обоснованности уголовного обвинения компетентным судом вряд ли можно сравнить с точностью, которой следует придерживаться журналисту при выражении своего мнения на социально значимую тему, особенно, когда это мнение выражается в форме оценочного суждения (см. постановление по делу *Unabhängige Initiative Informationsvielfalt*, упомянутое выше, § 46). Стандарты, применяемые при оценке деятельности гражданского служащего с точки зрения нравственности, отличаются от стандартов, применяемых для установления факта преступления по уголовному законодательству (см. постановление по делу *Шарсак и Ньюз Верлагсгеселльшафт против Австрии (Scharsach и News Verlagsgesellschaft v. Austria)*, № 39394/98, § 43, ЕСПЧ 2003-XI). Поэтому, Суд не склонен следовать логике аргументации районного суда, в соответствии с которой отсутствие уголовного преследования в отношении истцов означало, что если СМИ идут на публикацию статей, в которых их имена связаны с предполагаемым нецелевым расходованием государственных средств, то они рискуют оказаться проигравшими в судебном процессе по делу об унижении чести и достоинства.

59. В заключение, Суд считает, что стандарты, примененные российскими судами, были несовместимы с принципами, изложенными в статье 10, и что суды не привели «достаточные» причины в обоснование разбираемого вмешательства, а именно взыскания компенсации с Заявителя за опубликование оспоренной статьи. Поэтому, учитывая то обстоятельство, что пункт 2 статьи 10

Конвенция допускает очень незначительные ограничения обсуждения тем, представляющие общественный интерес (см., среди других источников, дело *Сюрек против Турции*, упомянутое выше, § 61, и постановление по делу *Гужа против Молдовы (Guja v. Moldova)* [БП], № 14277/04, § 74, ЕСПЧ 2008-...), Суд полагает, что национальные суды вышли за узкие рамки усмотрения, предоставленные государствам-членам, и что вмешательство было несоразмерно преследованной цели и, следовательно, не было «необходимо в демократическом обществе».

60. Таким образом, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

II. Применение статьи 41 Конвенции

61. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

62. В своем заявлении о выплате справедливой компенсации от 16 ноября 2005 года Заявитель потребовал 882 евро в качестве возмещения финансового ущерба, эквивалент суммы в российских рублях, которые ему пришлось выплатить истцам, с учетом инфляции. Он представил копию квитанции банковского перевода службе судебных приставов, датированной 20 июня 2003 года на сумму 25000 рублей (эквивалент 866 евро по официальному обменному курсу, установленному Центральным банком России на 16 ноября 2005 года).

63. Правительство заявило, что доказательства того, что Заявитель действительно выплатил эту сумму, отсутствовали.

64. Суд констатирует, что Заявитель представил документальные свидетельства того, что он действительно выплатил эту сумму ранее, и назначает ему 866 евро в качестве возмещения материального ущерба. Заявитель не выдвинула других требований.

В. Процентная ставка

65. Суд считает целесообразным принять процентную ставку в соответствии с предельным размером ссудного процента Европейского Центрального Банка, с добавлением трех процентных пунктов.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобу приемлемой;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
3. *Постановляет*,
 - (а) что Государство-ответчик обязано выплатить Заявителю, в течение трех месяцев с момента окончательного вступления данного решения в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции 866 евро (восемьсот шестьдесят шесть евро) в качестве компенсации материального ущерба с последующим их пересчетом в российские рубли по курсу, действующему на момент расчета, плюс сумму любого налога, которым может облагаться сумма, указанная выше;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанных трех месяцев до момента выплаты на суммы, указанные выше, выплачиваются простые проценты в размере предельного ссудного процента Европейского Центрального Банка в течение периода выплаты процентов с добавлением трех процентных пунктов.
4. *Отклоняет* оставшуюся часть жалобы Заявителя о справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке, представлено в письменной форме 21 декабря 2010 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Христос Розакис
Сорен Нильсен

Председатель Суда
Секретарь Секции Суда

© Перевод с английского,
Центр Защиты Прав СМИ, 2011

Краткое изложение дела

ДЕЛО «ТАЙМС НЬЮСПЕЙПЕРЗ» (№ 1 и 2) ПРОТИВ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА» («Times Newspapers Ltd» (№ 1 and 2) v. the United Kingdom)

(жалобы № 3002/03 и 23676/03)

Постановление Суда

Страсбург, 10 марта 2009 года

Суть принятого решения: В отношении заявителя не имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно.

Краткое изложение обстоятельств дела:

8 сентября 1999 года газета «Таймс» опубликовала статью под заголовком «Второй русский канал отмывания денег», в которой рассказывалось о компании «Нордекс» и ее владельце Г.Л., который, по мнению журналиста, принадлежал к российской мафии и участвовал в отмывании денег в США.

14 октября 1999 года газета «Таймс» опубликовала вторую статью под заголовком «Свидетельства жены о связи торговца с боссом мафии», которая являлась продолжением первой. Обе статьи были также размещены в Интернете.

Г.Л. подал иск о защите репутации в связи с газетными публикациями. А позднее Г.Л. подал второй иск в связи с публикацией статей в Интернете.

В марте 2001 года Заявитель обратился в суд с просьбой о внесении изменений в свою защиту по второму иску. Он ссылаясь на существующее в правовой системе Великобритании «правило одной публикации», означающее, что последующая публикация газетной статьи в Интернете не порождает отдельного права на иск о защите репутации.

19 марта 2001 года Высокий Суд отказал в разрешении внести изменения в защиту, опираясь, в частности, на правило общего права, изложенное в деле «Герцог Брауншвейгский против Хармера», которое гласит, что каждая порочащая публикация создает отдельный повод для иска («правило для Интернет-публикаций»). При этом суд пришел к заключению, что после подачи первого иска у Заявителя не было разумных оснований для продолжения публикации спорных статей в Интернете.

27 марта 2001 года суд вынес решение по второму иску не в пользу Г.Л. без оценки объема ущерба. К этому времени Заявитель удалил статьи с сайта в Интернете.

Заявитель обжаловал решение суда, считая, что газеты, поддерживающие Интернет-архив, по сути, несут непрекращающуюся ответственность за повторную публикацию порочащих материалов. Правило об Интернет-публикациях неизбежно оказывает охлаждающий эффект на намерение редакций газет предоставить в пользование свои Интернет-архивы и таким образом ограничивает их свободу выражения мнения.

5 декабря 2001 года, Апелляционный суд отклонил апелляцию в отношении определения по второму иску. 30 апреля 2002 года Палата Лордов отказала в разрешении на повторное обжалование.

Впоследствии стороны урегулировали спор, и Заявитель согласился выплатить Г. Л. суммы возмещения в полном размере, а также покрыть судебные расходы в отношении обоих исков.

Оценка Европейского Суда:

Суд высказался относительно важности поддержания Интернет-архивов как одной из миссий прессы (п. 45):

«... Суд считает, что, хотя основная функция прессы при демократии заключается в охране общественных интересов, она также играет значительную второстепенную роль поддержания и предоставления всем желающим архивов, содержащих новости, которые были переданы ранее».

Однако, по мнению Суда, рамки усмотрения Государств при поиске баланса между конфликтующими правами шире, когда речь идет о новостных архивах, нежели когда дело касается новостных репортажей текущих событий. А, следовательно, в таких случаях на прессе лежит задача публиковать достоверную информацию.

Суд отметил, что с момента подачи первого иска, Заявитель на протяжении года не добавлял к Интернет-публикациям какого-либо комментария о судебных тяжбах.

В этой связи Суд согласился с доводами апелляционного суда о том, что добавление комментария к архивным экземплярам материала, который, как известно, может быть порочащим, «обычно лишает материал всякой остроты». Суд также отметил, что апелляционный суд не рекомендовал полное изъятие потенциально порочащих статей из архива, а, следовательно, такое вмешательство в право Заявителя нельзя признать чрезмерным (п. 47):

«При таких обстоятельствах, Суд, также как апелляционный суд, не считает, что требование опубликовать соответствующую квалификацию статьи в Интернет-архиве, когда газету известили о том, что в отношении той самой статьи, помещенной в печатной версии газеты, подан иск о защите репутации, является несоразмерным вмешательством в осуществление ее права на свободное выражение мнения. Далее Суд отмечает, что короткое вступление, которое в итоге было добавлено к архивным копиям статей, опровергает аргумент Заявителя о том, что было бы трудно сформулировать какой-либо комментарий».

В итоге Суд пришел к выводу, что не имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2011

**ДЕЛО «ТАЙМС НЬЮСПЕЙПЕРЗ» (№ 1 и 2)
ПРОТИВ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА»**

(«Times Newspapers Ltd» (№ 1 and 2) v. the United Kingdom)

(жалобы № 3002/03 и 23676/03)

Постановление Суда
Страсбург, 10 марта 2009 года

По делу «Таймс Ньюспейперз» (№ 1 and 2) против Соединенного Королевства» Европейский Суд по правам человека (Четвертая секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:

Лех Гарлики, *Председатель*,
Николас Братца,
Джованни Бонелло,
Лилиана Мийович,
Пяиви Хирвель,
Леди Бианку,
Небойса Вучинич, *судьи*,

а также Лоренс Эрли, *Секретарь Секции*,

Проведя 17 февраля 2009 года закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, принятое в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было начато после подачи двух жалоб (№ 3002/03 и 23676/03) против Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция») компанией «Таймс Ньюспейперз» (далее – «Заявитель») 28 октября 2002 года и 28 июля 2003 года, соответственно.

2. Интересы Заявителя представляла «Рейнольдз Портер Чэмберлен», юридическая фирма из Лондона. Интересы британского правительства (далее - «Правительство») защищал его уполномоченный г-н Дж. Грейнджер из министерства иностранных дел и дел британского содружества.

3. Заявитель утверждал, что положение законодательства Великобритании, в соответствии с которым каждый раз, когда материал скачивается из Интернета, является новым основанием для возбуждения дела о диффамации (далее - «Правило об Интернет-публикациях»), является необоснованным и несоразмерным ограничением его права на свободу выражения мнения.

4. 11 октября 2005 года Суд объявил неприемлемой часть жалоб и сообщил об оставшейся части жалоб Правительству. Было также решено рассмотреть жалобы по существу в соответствии с положениями пункта 3 статьи 29 Конвенции одновременно с вопросом об их приемлемости.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

5. Заявитель, «Таймс Ньюспейперз», является владельцем и издателем газеты «Таймс». Зарегистрирован в Англии.

A. Две статьи в «Таймс»

6. 8 сентября 1999 года в своей печатной версии газета «Таймс» опубликовала репортаж под заголовком «Второй русский канал отмывания денег». В репортаже говорилось:

«Британские и американские следователи изучают роль предположительно второго лица в российской мафии в возможном участии в отмывании денег через Банк Нью-Йорка.

По имеющимся сведениям, следователи изучают связи с [Г.Л.: в оригинале статьи его имя было названо полностью], чья

компания, «Нордекс» была названа ЦРУ «организацией, связанной с российской преступностью».

Имя [Г.Л.] всплывало ранее в расследованиях отмывания денег, которое могло иметь отношение к Банку Нью-Йорка, в котором предположительно были отмыты миллионы долларов российских денег.

Предприниматель российского происхождения попал в сферу внимания европейских и американских следователей в начале 90-х. Они подозревали «Нордекс» в использовании своей бывшей международной базы в Вене в качестве центра широкомасштабной операции по отмыванию денег. Его имя также фигурировало в отчете британской полиции в 1995 году, названном «Операция Иван», в котором речь шла о степени влияния российских преступников в Лондоне.

[Г.Л.] неоднократно отрицал какую-либо причастность к противоправным деяниям или связи с преступностью.

«Нордекс», которая уже не имеет своего венского офиса, также предположительно участвовала в контрабанде ядерного оружия, и к середине 90-х, как сообщалось, контролировала около 60 предприятий в бывшем Советском Союзе и еще 40 компаний на Западе.

«Таймс» выяснила, что в их числе находились от восьми до десяти оффшорных компании под британской юрисдикцией, включая Нормандские острова и остров Мэн.

Их администрирование из центра Лондона выполнял дипломированный бухгалтер, чьи офисы и дом подверглись проверкам в 1996 году городской полиции Лондона.

Существовали подозрения в том, что эти компании использовались для помощи в отмывании денег из России, которые затем направлялись через европейские банки. Бухгалтеру обвинений предъявлено не было.

Примерно в то же самое время югославский партнер, подставное лицо [Г.Л.] был остановлен и допрошен в аэропорту Лондона. Обвинение ему предъявлено не было.

Британское расследование деятельности «Нордекс», как считается, не увенчалось успехом по причине трудности с установлением, что деньги, пропущенные через оффшорные компании под контролем «Нордекс», имели отношение к преступной деятельности.

[Г.Л.], как предполагается, ранее являлся деловым партнером Виктора Черномырдина, бывшего российского премьер-министра, и в 1995 году его имя попало в заголовки после того, как выяснилось, что он фотографировался с президентом Клинтоном на мероприятии по сбору средств демократической партии США в 1993 году.

Также существуют предположения о существовании его совместных бизнес-предприятий с Семеном Могилевичем, обосновавшейся в Венгрии преступной фигурой, оказавшейся в центре расследования вокруг Банка Нью-Йорка».

7. 14 октября 1999 года «Таймс» опубликовала вторую статью под заголовком «Свидетельства жены о связи торговца с боссом мафии». В этом репортаже говорилось:

«Российский бизнесмен, в отношении которого швейцарские власти проводят расследование в связи с обвинениями в отмывании преступных денег, был в дружеских отношениях с [Г.Л.], предположительно боссом мафии, заявляет жена бизнесмена.

Лев Черной, алюминиевый магнат – объект швейцарского расследования, был обеспечен [Г.Л.] персоналом и личным водителем, когда переехал в Израиль, по словам Людмилы Черной, жены г-на Черной, проживающей отдельно...

Если утверждение г-жи Черной о существовании связи между ее мужем и [Г.Л.] достоверно, то в отношении г-на Черной возникнут новые вопросы. В 1996 году ЦРУ характеризовало «Нордекс», компанию, управляемую [Г.Л.] и

предположительно использованную для отмывания денег и контрабанды ядерного оружия, как «организацию, связанную с российской преступностью».

В 1996 году [Г.Л.] стал причиной скандала в Америке после того, как была опубликована его фотография с президентом Клинтоном, сделанная в 1993 году, [Г.Л.] отрицал любую причастность к преступной деятельности».

8. Обе статьи были выложены на сайте Заявителя в день их опубликования в газете.

В. Начало разбирательства

9. 6 декабря 1999 года Г. Л. подал иск о защите репутации в связи с двумя напечатанными в газете статьями. Иск был подан против Заявителя, редактора газеты и двух журналистов, под чьими именами были помещены эти статьи (далее - «Первый иск»). Ответчики не оспаривали то, что статьи были потенциально порочащими и не пытались доказать достоверность оспариваемых сведений. Вместо этого, они опирались исключительно на защиту, основанную на преимущественном праве³ (*defence of qualified privilege*), утверждая, что информация была такого рода, что они были обязаны опубликовать ее, и общественность имела право на ее получение.

10. Пока первый иск находился на рассмотрении, статьи оставались на сайте Заявителя, где они были доступны пользователям Интернета как часть архива Заявителя. 6 декабря 2000 года, Г. Л. подал второй иск о защите репутации в связи с продолжающейся публикацией статей в Интернете (далее - «Второй иск»). Изначально, единственной формой защиты ответчиков по второму иску также была защита, основанная на преимущественном праве. Эти два иска были объединены в общее производство, и назначено слушание для рассмотрения как вопросов ответственности, так и ее степени.

³ Прим. редактора перевода: *defence of qualified privilege* в системе англосаксонского права означает стратегию защиты, основанную на преимущественном праве, либо является обязанностью, правовой, социальной или моральной, опубликовать обжалуемую информацию в ситуации, когда тема публикации является общественно-значимой, а у читателей есть соответствующее право или законный интерес получить эту информацию.

11. 23 декабря 2000 года, Заявитель добавил следующее вступление к обеим статьям в Интернет-архиве:

«Эта статья является предметом разбирательств в Высоком Суде по иску о защите репутации между [Г.Л.] и «Таймс Ньюспейперз». Ее не следует воспроизводить или использовать как ссылку без упоминания юридического отдела «Таймс Ньюспейперз»».

С. Разбирательства в отношении публикаций в Интернете

12. В марте 2001 году ответчики обратились в суд с просьбой о внесении изменений в свою защиту по второму иску. Они утверждали, что «с юридической точки зрения единственной ситуацией, в которой публикация газетной статьи в Интернете является основанием для иска, это факт первого размещения статьи в Интернете» (правило одной публикации). Они заявили, что, в результате, право на обращение со вторым иском утрачено в связи с истечением срока давности в соответствии с главой 4А Закона о сроках давности 1980 года.

13. 19 марта 2001 года Высокий Суд отказал в разрешении внести изменения в защиту, опираясь, в частности, на правило общего права, изложенное в деле *Герцог Браунсвейгский против Хармера (Duke of Brunswick v Harmer)* (см. пункт 20 ниже), которое гласит, что каждая порочащая публикация создает отдельный повод для иска. Суд постановил, что, в контексте Интернета, это означало, что новым основанием для иска является каждый случай, когда осуществляется доступ к порочащему материалу (правило об Интернет-публикациях).

14. 20 марта 2001 года Высокий Суд пришел к заключению о том, что ответчики не имели разумных оснований для утверждений о том, что после 21 февраля 2000 года (день, когда ответчики представили аргументы в свою защиту в отношении первого иска) они по-прежнему были обязаны публиковать статьи в Интернете. В результате, суд отклонил защиту, основанную на преимущественном праве по второму иску. 27 марта 2001 года суд вынес решение по второму иску не в пользу Г. Л. без оценки объема ущерба. К этому времени Заявитель изъясил статьи с сайта в Интернете.

D. Апелляционный суд

15. Ответчики обжаловали определение Высокого Суда от 19 марта 2001 года, отклоняющего правило одной публикации. По их мнению, правило об Интернет-публикациях нарушало статью 10, т.к. при его применении газеты, поддерживавшие Интернет-архив, несут непрекращающуюся ответственность за повторную публикацию порочащих материалов. Ответчики утверждали, что это неизбежно должно было оказать охлаждающий эффект на намерение редакций газет предоставить в пользование свои Интернет-архивы и таким образом ограничить их свободу выражения мнения.

16. В своем постановлении от 5 декабря 2001 года, Апелляционный суд, в лице судьи Саймона Брауна, отклонил апелляцию в отношении определения по второму иску со следующей мотивировкой:

«Мы не считаем, что правило, сформулированное в деле Герцога Брауншвейгского, накладывает ограничение на готовность предоставить и поддерживать доступ к архивам, которое является несоразмерным ограничением свободы выражения мнения. Мы признаем, что поддержание архивов, будь-то в бумажном виде или в Интернете, полезно для общества, но полагаем, что поддержание архивов представляет собой сравнительно незначительный аспект свободы выражения мнения. Архивный материал содержит устаревшие новости, и его публикация не может сравниться по важности с распространением свежей информации. Мы, однако, не считаем, что нормы права о защите чести и достоинства должны становиться помехой для добросовестного поддержания архивов. Если известно, что архивный материал является или может являться порочащим, сопровождение его предупреждением о том, что его не следует воспринимать как достоверный, обычно лишает материал всякой остроты».

17. 30 апреля 2002 года Палата Лордов отказала в разрешении на повторное обжалование. Впоследствии стороны урегулировали спор, и Заявитель согласился выплатить Г.Л. суммы возмещения в полном размере, а также покрыть судебные расходы в отношении обоих исков.

II. Применимое национальное законодательство и практика

A. Закон о сроках давности 1980 года

18. В главе 2 Закона о сроках давности 1980 года (далее - «Закон 1980 года») устанавливается общий период срока давности в шесть лет по искам о гражданских правонарушениях. В главе 4А Закона 1980 года определяется этот период в отношении исков о защите чести и достоинства и говорится следующее:

«Ограничение срока давности в соответствии с главой 2 настоящего Закона не применяется к искам о:

(a) диффамации или клевете,

(b) злонамеренном и заведомо необоснованном опорочении правового титула, злонамеренном и заведомо необоснованном опорочении товаров или злоумышленном обмане другого рода,

но такие иски не могут возбуждаться по прошествии одного года со дня возникновения основания для иска».

19. В главе 32А Закона 1980 года сказано:

«(1) Если у суда есть основания полагать, что было бы справедливо дать иску ход, учитывая степень, в которой:

(a) действие главы 4А данного Закона создает преимущество в отношении истца или лица, которое он представляет, и

(b) любое решение суда в соответствии с этим положением может создать преимущество в отношении ответчика или другого лица, которое он представляет,

суд может распорядиться о том, что эта глава неприменима по отношению к определенному иску или любому указанному основанию, к которому иск имеет отношение.

(2) Руководствуясь данной главой, суд должен принять во внимание все обстоятельства дела, а, в частности,

(a) продолжительность и причины задержки со стороны истца;

(b) обстоятельства, при которых причина или одна из причин задержки состояла в том, что все или некоторые из фактов применимых к основанию иска стали известны истцу только после окончания периода, упомянутого в главе 4А:

(i) день, в который любые из таких фактов стали ему известны, и

(ii) степень оперативности и разумности, с которой он действовал, узнав, могут ли упомянутые факты создать основание для иска или нет; и

(c) степень, в которой, учитывая задержку, существенные доказательства могут:

(i) быть недоступными, или

(ii) быть менее убедительными, чем, если бы иск был подан в течение периода, указанного в главе 4А».

В. Правило об Интернет-публикациях

20. Дело *Герцога Брауншвейгского против Хармера (Duke of Brunswick v Harmer)* [1849] 14 QB 154 устанавливает правило общего права, имеющее юридическое значение. 19 сентября 1830 года в еженедельнике «Уикли Диспэч» (Weekly Dispatch) была опубликована статья. В то время срок давности в делах о диффамации составлял шесть лет. В статье содержались сведения, порочившие Герцога Брауншвейгского. Через семнадцать лет после ее публикации один из агентов герцога приобрел старый номер газеты со статьей в редакции Weekly Dispatch. Другая копия была получена из Британского музея. Герцог подал в суд на эти две публикации. Ответчик, ссылаясь на дату первой публикации, возразил, что срок исковой давности истек. Суд постановил, что доставка экземпляра газеты агенту истца являлась отдельной публикацией, в отношении которой можно было подать иск.

21. В деле *Годфри против Демон Интернет Лимитед (Godfrey v Demon Internet Limited)* [2001] QB 201 ответчик подал иск о защите чести и достоинства против апеллянтов, которые являлись компаниями, предоставлявшими Интернет-услуги. Они получили и сохранили на своем новостном сервере статью, порочившую ответчика, которая была прислана анонимно с помощью другой компании-провайдера. Судья констатировал:

«По моему разумению, ответчики, каждый раз, когда они передают порочащую информацию, и когда такая информация передается из памяти их новостного сервера, публикуют эту информацию для каждого подписчика их (ответчиков) Интернет-провайдера, получающего доступ к группе новостей, содержащей эту информацию. Таким образом, каждый раз, когда клиент ответчиков заходит на 'soc.culture.thai' и видит эту информацию, порочащую истца, это является новой публикацией для данного клиента».

С. Защита, предполагающая предоставление привилегии при условии соответствия лица установленным требованиям

22. Основным прецедентом, где применялась защита, предполагающая предоставление привилегии при условии соответствия лица установленным требованиям - это дело *Рейнольдс против Таймс Ньюспейперс (Reynolds v Times Newspapers)* [2001] 2 AC 127. При рассмотрении этого дела было установлено, что привилегия или иммунитет при условии соответствия лица установленным требованиям представляет собой абсолютную форму защиты в разбирательствах по искам о защите репутации. В руководящем решении, оглашенном в Палате Лордов, Лорд Николс от Беркенхеда объяснил суть этой защиты следующим образом:

«Основной принцип, условно изложенный словами, сводится к тому, что между лицом, высказывающим утверждение, и лицом, воспринимающим его, должно существовать некое обязательство или заинтересованность в обмене информацией. Часто цитируемое ненормоустановительное высказывание Лорда Аткинсона при рассмотрении дела Эддам против Ворда (Adam v. Ward) [1917] A.C. 309, 334 таково:

привилегированный случай – это ... случай, когда человек, делающий высказывания, заинтересован или обязан его сделать по юридическим, социальным или нравственным причинам, а лицо, которому они адресованы, имеет соответствующий интерес или обязанность в их получении. Взаимность обязательна».

D. Кодекс поведения Комиссии по жалобам на прессу

23. Комиссия по жалобам на прессу приняла Кодекс поведения, который подлежит регулярному пересмотру и изменению по мере возникновения необходимости. В пункте 1 ныне действующего Кодекса поведения говорится следующее:

«1. Точность

i) Пресса обязана следить за тем, чтобы не публиковать неточную, вводящую в заблуждение или искаженную информацию, включая изображения.

ii) Как только обнаружена значительная неточность, вводящее в заблуждение утверждение или искажение, они должны быть исправлены, быстро и с соблюдением соответствующей гласности, и - если уместно – должно быть опубликовано извинение.

iii) Пресса, сохраняя право на собственную позицию, должна ясно разграничивать комментарии, предположения и факты.

iv) СМИ должны предоставлять непредвзятый и точный отчет об исходе слушаний по искам о защите чести и достоинства, в которых она принимала участие в качестве одной из сторон, если не существует соглашения, предполагающего иного, или если не публикуется согласованное сторонами утверждение».

E. Правило одной публикации в законодательстве США

24. В отличие от судов Великобритании, суды США приняли решение о применении «правила одной публикации». В деле *Gregoire v. G.P. Putnam's Sons* (1948) 81 N.E.2d 45 книга, впервые выставленная на

продажу в 1941 году, продолжала продаваться в 1946 году, претерпев несколько переизданий. Апелляционный суд Нью-Йорка принял во внимание применение этого правила в деле *Герцога Браунивейгского против Хармера*, но заключил, что оно было сформулировано «в эпоху, значительно отстоявшую во времени от современного процесса массовой публикации» и поэтому не отвечало современным условиям. Вместо этого, суд постановил, что срок давности начался в 1941 году, когда эта книга впервые была пущена в продажу. Суд подчеркнул, что:

«В соответствии с [правилом в деле Герцога Браунивейгского пр. Хармера] закон об исковой давности не потеряет свою силу до тех пор, пока экземпляры такой книги будут оставаться в наличии, и издатель будет выставлять их на продажу или общественное обозрение. Такое правило противоречило бы назначению законодательства».

25. Правило одной публикации было впоследствии применено к публикации в Интернете материалов дела *Фирт против штата Нью-Йорк (Firth v State of New York)* (2002) NY int 88. В этом деле, репортаж, опубликованный на пресс-конференции 16 декабря 1996 года, был в тот же день размещен в Интернете. Иск был подан более года спустя. Апелляционный суд Нью-Йорка постановил, что срок давности начал течь, когда этот репортаж был впервые размещен на сайте, и не начинался заново каждый раз, когда очередной пользователь открывал его Интернет-версию. Суд заметил, что:

«Подход, обуславливающий первоначальное принятие правила одной публикации, подразумевает его применение к размещению ... этого материала ... на сайте ... Этот подход даже более обоснован, если его рассматривать в связи с экспоненциальным ростом мгновенной и повсеместной возможности обмениваться информацией через Интернет ... Таким образом, правило множественной публикации предполагало бы даже больший потенциал для бесконечного применения закона об исковой давности, умножение количества процессов и постоянное причинение беспокойства ответчикам. Это неизбежно возымело бы сильный сдерживающий эффект на открытое повсеместное распространение информации и идей в Интернете, что, конечно, является его важнейшим достоинством».

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

26. Заявитель утверждает, что правило об Интернет-публикациях является необоснованным и несоразмерным ограничением его права на свободное выражение мнения, гарантированное в статье 10 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе ... защиты репутации или прав других ...».

A. Приемлемость

27. Суд неоднократно подчеркивал, что статья 10 гарантирует не только право на распространение информации, но также и право общественности на ее получение (см. постановления по делам *Обсервер и Гардиан против Великобритании (Observer and Guardian v. the United Kingdom)*, 26 ноября 1991 года, § 59(б), Серия А № 216; *Гуэрра и другие против Италии (Guerra and Others v. Italy)*, 19 февраля 1998 года, § 53, Отчеты о постановлениях и решениях 1998-I). В свете своей доступности и способности хранить и передавать огромные количества информации, Интернет играет важную роль в увеличении доступа общественности к новостям и общего облегчения распространения информации. Поддержание Интернет-архивов

является критически важным аспектом этой роли, и поэтому Суд считает, что такие архивы находятся под защитой статьи 10.

28. Суд приходит к заключению о том, что эта жалоба не является явно необоснованной в соответствии с содержанием пункта 3 статьи 35 Конвенции, и не было установлено никаких других оснований, на которых она могла бы быть объявлена неприемлемой, поэтому она должна быть объявлена приемлемой.

В. Существо дела

1. Позиции сторон

(а) Заявитель

29. Заявитель утверждал, что правило об Интернет-публикациях ограничивало его возможность поддерживать общественно доступный Интернет-архив. Он указал на «охлаждающий эффект», который это правило оказывало на свободное выражение мнения, что, по его мнению, усугублялось тем обстоятельством, что он не предпринимал активных действий по распространению информации, содержащейся в его Интернет-архиве. Заявитель привел довод о том, что статья 10 требовала применения правила одной публикации.

30. Заявитель опротестовал заключение апелляционного суда о том, что поддержание архивов являлось незначительным аспектом свободы выражения мнения. Заявитель указал на важность целостности и доступности исторических записей для открытого и демократического общества.

31. Заявитель утверждал, что поскольку защита, предполагающая предоставление привилегии при условии соответствия лица установленным требованиям, была достаточной защитой при рассмотрении исков о защите репутации, он не был обязан публиковать комментарий к известным статьям до окончания разбирательств. Он подчеркнул, что Кодекс практики Комиссии по жалобам на прессу обязывал газеты помещать извещение или оговорку, если публикация фигурировала в постановлении или соглашении в пользу истца. Любой другой подход потребовал бы снабжение комментариями слишком большого количества статей. Попытки ограничиться добавлением таких комментариев только к

потенциально клеветническим статьям, были бы трудно выполнимы: поскольку клеветнический характер публикации может со временем меняться, Заявителю пришлось бы постоянно пересматривать содержание своего Интернет-архива. Заявитель сообщил, что каждый день в Интернет-архив загружаются приблизительно 500 единиц информации.

32. Заявитель выдвинул аргумент о том, что Суд мог рассмотреть общий принцип, вопрос о котором возник в рамках этого дела, невзирая на его конкретные факты. Хотя Заявитель признал, что права Г.Л. также были затронуты, он полагал, что правило одной публикации не явилось бы чрезмерным ограничением права эффективного доступа к суду.

(b) Правительство

33. Правительство опиралось на выводы, сделанные в ходе национальных разбирательств о том, что журналисты не продемонстрировали требуемый стандарт ответственности в отношении известных двух статей. Оно далее ссылалось на тот факт, что эти статьи на сайте Заявителя не сопровождалась никаким комментарием до 23 декабря 2000 года, в течение более 12 месяцев после начала разбирательств о диффамации.

34. Несмотря на то, что Правительство признавало, что поддержание архивов было полезно для общества, его позиция сводилась к тому, что это не являлось аспектом осуществления свободы выражения мнения, представлявшей собою наибольшую ценность, т.к. архивные материалы содержали «устаревшие новости». В настоящем деле, с точки зрения Правительства, отсутствовали доказательства того, что Заявителю мешали поддерживать свой онлайн архив. К тому же, шаги, требовавшиеся от Заявителя для того, чтобы сгладить остроту архивного материала, не были обременительны.

35. В отношении довода Заявителя о непрекращающейся ответственности, Правительство возразило, что в настоящем деле такой вопрос не возникал. Правительство подчеркнуло, что хронологически второй иск совпадал с первым иском и не содержал устаревшие обвинения по прошествии долгих лет после события. В любом случае, даже в соответствии с правилом одной публикации, (1) в соответствии с английским законодательством, продолжающая

публикация статей, порочащий характер которых известен Заявителю, которые не предварялись никакими комментариями, и чья достоверность не была подтверждена, представляла бы собой отдельное основание для гражданского иска; и (2) если существовали основания применения судебного усмотрения в соответствии с главой 32А Закона 1980 года, Суд вполне мог воспользоваться этим правом усмотрения, чтобы позволить Г.Л. подать второй иск, учитывая обстоятельства.

36. Правительство особо подчеркнуло, что данное дело также затрагивало права Г.Л. по статье 8 и статье 6. При выборе между правилом одной публикации и правилом об Интернет-публикациях необходимо найти баланс между этими конфликтующими интересами. Правительство указало на то обстоятельство, что в других юрисдикциях отсутствовал согласованный подход к разрешению этого вопроса, и заключило, что, по фактам данного дела, применение правила об Интернет-публикациях было допустимым и соразмерным ограничением права Заявителя на свободу выражения мнения, не нарушавшим статью 10.

2. Оценка Суда

37. Суд отмечает, что при рассмотрении второго иска было принято постановление не в пользу Заявителя. К тому же, впоследствии Заявитель согласился выплатить сумму денег для урегулирования исков Г. Л., а также покрытия судебных издержек по обоим искам. Поэтому Суд считает второй иск вмешательством в осуществление Заявителем своего права на свободное выражение мнения. Такое вмешательство нарушает статью 10, если только оно не «предписано законом», не преследовало одну или более законных целей, указанных в пункте 2 статьи 10 и не было «необходимым в демократическом обществе» для достижения такой цели или целей.

(а) «Предписано законом»

38. Заявитель не оспаривает законность вмешательства, т.к. оно было следствием применения правила, сформулированного в деле *Герцога Брауншвейгского против Хармера* и получившего дальнейшее развитие в деле *Годфри против Демон Интернет Лимитед*. Суд не видит причины постановить, что данное вмешательство было незаконным и поэтому делает вывод о том, что вмешательство в

осуществление Заявителем права на свободное выражение мнения было «предписано законом» с точки зрения пункта 2 статьи 10.

(b) Законная цель

39. Правило об Интернет-публикациях направлено на защиту прав и репутации других лиц. Вмешательство имело законную цель, что не оспаривалось, и Суд с этим согласен.

(c) «Необходимо в демократическом обществе»

i. Общие принципы

40. Суд напоминает, что свобода выражения мнения является одним из оснований демократического общества, и в этом смысле защитные механизмы, гарантированные прессе, имеют особую важность. Притом что пресса не должна переступать границы, установленные, *inter alia*, в интересах «защиты репутации или прав других лиц», ее долг, однако, состоит в передаче информации и идей, представляющих общественный интерес. Не только пресса имеет задачу распространения такой информации и идей, но и общественность также имеет право на их получение. Таким образом, пресса играет свою жизненно важную роль стража общественных интересов (см. постановление по делу *Обсервер и Гардиан против Великобритании*, 26 ноября 1991 года, § 59, Серия А № 216).

41. Суд замечает, что в ситуациях, когда в отношении прессы применяются меры или санкции, которые могут отпугнуть прессу от участия в обсуждениях вопросов, представляющих законный общественный интерес, требуется особенно внимательное рассмотрение с точки зрения статьи 10 (см. постановление по делу *Бладет Тромсе и Стенсаас против Норвегии (Bladet Tromsø v. Stensaas v. Norway)* [БП], № 21980/93, § 64, ЕСПЧ 1999-III). Суд далее напоминает, что в обоснование любой меры, ограничивающей доступ к информации, на получение которой общественность имеет право, должны приводиться особенно убедительные доводы (см. постановление по делу *Инфо-магазин Тимпул и Ангхел против Молдовы (Timpul Info-Magazin and Anghel v. Moldova)*, № 42864/05, § 31, 27 ноября 2007 года).

42. Однако Суд намерен повторить, что статья 10 не гарантирует прессе ничем не ограниченную свободу выражения мнения даже в отношении освещения тем, вызывающих сильную озабоченность общественности. Осуществляя свое право на свободное выражение мнения, пресса должна действовать согласно своим обязанностям и ответственности, как того требует пункт 2 статьи 10. Эти обязанности и ответственность приобретают особую значимость, когда, как в данном деле, велика вероятность того, что информация, переданная в прессе, сильно отразится на репутации и правах частных лиц. К тому же, защита, предоставляемая по статье 10 журналистам, предполагает соблюдение условия о том, что они действуют добросовестно для предоставления точной и проверенной информации в соответствии с принципами ответственной журналистики (см. постановления по делам *Фрессоз и Руар против Франции (Fressoz and Roire v. France)* [БП], № 29183/95, § 54, ЕСПЧ 1999-1 и *Бладет Тромсе и Стенсаас против Норвегии*, упомянутое выше, § 65).

43. Наконец, следует вспомнить, что при оценке обоснованности вмешательства, роль Суда состоит не в том, чтобы подменять своими взглядами позицию национальных органов власти, а в том, чтобы рассмотреть дело в целом, в свете статьи 10, и определить, не выходит ли решение, принятое национальными властями за рамки усмотрения, имеющиеся у государств-членов в этом отношении (см. постановление по делу *Хэндисайд против Великобритании (Handyside v. the United Kingdom)*, 7 декабря 1976 года, § 50, Серия А № 24).

ii. Применение этих принципов к настоящему делу

44. Заявители утверждают, что они стали объектом судебного преследования, без ограничения во времени, вследствие применения правила об Интернет-публикациях вместо правила одной публикации.

45. Суд с самого начала соглашается с доводами Заявителя о значительном вкладе Интернет-архивов в сохранение и предоставление новостей и информации. Такие архивы являются важным источником сведений для целей образования и исторических исследований, в особенности, поскольку они легко доступны общественности и обычно бесплатны. Поэтому Суд считает, что, хотя основная функция прессы при демократии заключается в охране общественных интересов, она также играет значительную второстепенную роль поддержания и предоставления всем желающим архивов, содержащих новости,

которые были переданы ранее. Однако рамки усмотрения, предоставленные Государствам при поиске баланса между конфликтующими правами, обычно шире, когда дело касается новостных архивов прошедших событий в отличие от новостных репортажей текущих событий. В частности, долг прессы действовать в соответствии с принципами ответственной журналистики, обеспечивая точность опубликованной исторической, а не сиюминутной, информации должен становится значительнее в отсутствие какой-либо срочности в опубликовании материалов.

46. Далее Суд замечает, что введение сроков давности при рассмотрении исков о защите репутации имеет своей целью гарантировать, что люди, чья честь и достоинство оказались затронутыми, имели бы возможность быстро предпринять действия по защите своей репутации с тем, чтобы газеты, в отношении которых поданы иски о защите репутации, могли бы защититься без помех в виде срока давности или утраты записей, или ослабления памяти, которые неизбежны в результате прохождения времени. При определении продолжительности срока давности, защиту права на свободное выражение мнения, на которую пресса имеет право, следует соизмерять с правами частных лиц на защиту своей репутации и, если необходимо, иметь доступ к суду, чтобы это сделать. В принципе, установление соответствующего срока давности и условий предоставления исключений в определенных случаях, должно быть делом договаривающихся Государств, использующих свои рамки усмотрения (см. постановление по делу *Стаббингз и другие против Великобритании*» (*Stubbings and Others v. the United Kingdom*), 22 октября 1996 года, §§ 54-55, Отчеты о постановлениях и решениях 1996-IV).

47. Относительно фактов данного дела, Суд считает важным, что, хотя разбирательства о диффамации в отношении двух известных статей были начаты в декабре 1999 года., Заявитель не добавлял никакого комментария к этим статьям в своем Интернет-архиве вплоть до декабря 2000 года. Суд вспоминает о заключении апелляционного суда о том, что добавление комментария к архивным экземплярам материала, который, как известно, может быть порочащим, «обычно лишает материал всякой остроты». В отношении утверждения Заявителя о том, что такое обязательство чрезмерно, Суд замечает, что Заявитель сам администрирует упомянутый Интернет-архив. Также следует отметить, что апелляционный суд не рекомендовал полное

изъятие потенциально порочащих статей из архива. При таких обстоятельствах, Суд, также как апелляционный суд, не считает, что требование опубликовать соответствующую квалификацию статьи в Интернет-архиве, когда газету известили о том, что в отношении той самой статьи, помещенной в печатной версии газеты, подан иск о защите репутации, является несоразмерным вмешательством в осуществление ее права на свободное выражение мнения. Далее Суд отмечает, что короткое вступление, которое в итоге было добавлено к архивным копиям статей, опровергает аргумент Заявителя о том, что было бы трудно сформулировать какой-либо комментарий.

48. Имея в виду это заключение, Суду нет необходимости подробно рассматривать охлаждающий эффект в большем масштабе, который, якобы, возымело применение правила об Интернет-публикациях в данном деле. Вместе с тем, Суд замечает, что два иска о защите репутации, поданные в отношении Заявителя, касались тех же самых двух статей. Первый иск был подан по прошествии двух-трех месяцев после публикации статей и, без сомнения, в рамках одногодичного срока давности. Второй иск был подан один год спустя, 14 или 15 месяцев после первой публикации статей. В то время, когда был подан второй иск, процесс в отношении первого иска еще не закончился. Нет оснований полагать, что Заявитель вел себя предвзято, основывая свою защиту на слушании дела о диффамации в Интернет-публикациях на сроке давности. При этих обстоятельствах, проблемы, связанные с непрекращающейся ответственностью, не возникают. Суд, однако, хотел бы подчеркнуть, что, с одной стороны, у пострадавшего заявителя должна быть действительная возможность восстановить свою репутацию, но, с другой стороны, если иск о защите репутации подается в отношении газеты по прошествии значительного времени, то это, при отсутствии исключительных обстоятельств, приводит к несоразмерному вмешательству в осуществление свободы прессы в соответствии со статьей 10.

49. Приведенные выше соображения достаточны для того, чтобы позволить Суду заключить, что в данном деле, решение национальных судов по второму иску о том, что Заявитель оклеветал истца в форме продолжающейся публикации в Интернете двух известных статей, было обоснованным и соразмерным ограничением права Заявителя на свободное выражение мнения.

50. Таким образом, нарушения статьи 10 Конвенции не было.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* оставшуюся часть жалобы приемлемой;
2. *Постановляет*, что нарушения статьи 10 Конвенции не было.

Выполнено на английском языке, представлено в письменной форме 10 марта 2009 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Лех Гарлики
Лоренс Эрли

Председатель Суда
Секретарь Секции Суда

**© Центр Защиты Прав СМИ,
перевод с английского, 2009**

Краткое изложение дела

ДЕЛО «ФАТУЛЛАЕВ ПРОТИВ АЗЕРБАЙДЖАНА» (Fatullayev v. Azerbaijan)

(жалоба № 40984/07)

Постановление Суда
Страсбург, 22 апреля 2010 года

Суть принятого решения: В отношении заявителя имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно.

Краткое изложение обстоятельств дела:

Заявитель являлся учредителем и главным редактором газет «Gündəlik Azərbaycan», выходившей на азербайджанском языке, и «Реальный Азербайджан», выходившей на русском языке. Газеты были широко известны из-за частого опубликования в них статей с жесткой критикой Правительства и различных должностных лиц.

В апреле 2005 года Заявитель опубликовал в газете «Реальный Азербайджан» статью «Карабахский дневник», в которой подробно описывалось время его пребывания в районе Нагорного Карабаха: содержание разговоров с местными армянами, рассказ о судьбах жителей, об увиденных городах, разрушениях, новом строительстве и т.д.

Одной из тем, обсуждавшихся в «Карабахском дневнике», была Ходжалинская резня 26 февраля 1992 года. Во время этого обсуждения Заявитель сообщил определенные сведения, которые могли быть восприняты как идущие вразрез с общепринятой версией событий в Ходжалы, в соответствии с которой армянские военные лишили жизни сотни азербайджанцев из числа мирного населения с помощью, как сообщалось, российского (бывшего советского) 366-ого мотострелкового полка, во время их штурма города Ходжалы в ходе войны в Нагорном Карабахе.

Спустя год в Интернете на форуме появились публикации, посвященные все той же теме. В качестве пользователя их разместившего был указан «Эйнулла Фатуллаев», то есть Заявитель.

23 февраля 2007 года г-жа Т. Чаладзе, глава Центра по защите беженцев и перемещенных лиц, подала гражданский иск в отношении Заявителя, посчитав опубликованные в газете и в Интернете сведения оскорбляющими жертв Ходжалинской трагедии.

Заявитель утверждал, что публикации на форуме на сайте «AzeriTriColor» были написаны не им, и отрицал свое авторство указанных утверждений.

6 апреля 2007 года Ясамальский районный суд удовлетворил иск г-жи Чаладзе и обязал Заявителя опубликовать, в газете «Реальный Азербайджан» и на соответствующих Интернет-сайтах, опровержение своих утверждений и извинение перед беженцами из Ходжалы и читателями газеты. Суд также обязал Заявителя и газету «Реальный Азербайджан» выплатить компенсацию морального вреда. При этом суд признал Заявителя автором сведений, опубликованных в Интернете.

Через некоторое время, группа солдат, чьи интересы представляла г-жа Чаладзе, подали заявление о возбуждении уголовного дела в отношении Заявителя с требованием признать его виновным в оскорблении чести и достоинства и ложном обвинении азербайджанских солдат в совершении особо тяжкого преступления.

20 апреля 2007 года суд признал Заявителя виновным в клевете и клевете, соединенной с обвинением гражданина в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, и приговорил его к двум годам и шести месяцам лишения свободы. Заявитель был взят под стражу в здании суда.

6 июня 2007 года суд кассационной инстанции утвердил вынесенный приговор. 21 августа 2007 года Верховный Суд отклонил кассационную жалобу Заявителя и утвердил судебные акты нижестоящих судов.

30 марта 2007 года, в газете «Реальный Азербайджан» также вышла статья под заголовком «Алиевы идут на войну». Статья была написана

Заявителем, но опубликована под псевдонимом «Ровшан Багиров». Статья была посвящена возможным последствиям поддержки Азербайджаном недавней «анти-иранской» резолюции Совета Безопасности ООН, призывавшей к экономическим санкциям в отношении этой страны. В статье действовавшее азербайджанское правительство называлось «Клан Алиева» и «правящая семья», и выражалась точка зрения о том, что правительство искало поддержки со стороны Соединенных Штатов для того, чтобы президент Ильхам Алиев «остался у власти» в Азербайджане в обмен на поддержку Азербайджаном «агрессии» США в отношении Ирана.

16 мая 2007 года следственный отдел Министерства национальной безопасности начал уголовное расследование в связи с указанной публикацией по статье 214.1 УК (терроризм или создание террористической угрозы). 22 мая 2007 года в квартире Заявителя и редакции газет были проведены обыски, в результате которых были изъяты определенные фотографии и компьютерные диски из квартиры Заявителя, а также двадцать компьютерных жестких дисков из редакции газет.

3 июля 2007 года Заявителю было предъявлено официальное обвинение в совершении уголовного преступления в форме создания террористической угрозы и разжигания национальной вражды.

30 октября 2007 года Заявитель был признан виновным в создании террористической угрозы (восемь лет лишения свободы), разжигании национальной вражды (три года лишения свободы) и уклонении от налогов (четыре месяца лишения свободы). Общий приговор с учетом частичного поглощения наказаний составил восемь лет и четыре месяца лишения свободы.

16 января 2008 года апелляционный суд утвердил постановление суда первой инстанции. А 3 июня 2008 года Верховный Суд утвердил постановления нижестоящих судов.

Оценка Европейского Суда:

Суд согласился, что поднятая Заявителем тема носит очень деликатный характер, поскольку война в Нагорном Карабахе является относительно недавним историческим событием, приведшим к

значительным человеческим жертвам и обострившим обстановку в регионе. Очевидно, что утверждения, сделанные Заявителем, могли быть восприняты как шокирующие или будоражащие общественность. Однако Суд напомнил, что «свобода выражения мнения применима не только к «информации» или «идеям», выраженным в дружелюбной форме или воспринимаемым как нейтральные или бесстрастные, но также и тем, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство» (п. 86).

Суд самым подробным образом проанализировал содержание оспариваемых газетных статей и пришел к выводу, что журналист имел право допустить провокационные и преувеличенные высказывания и умозаключения, обвиняющие азербайджанских военных в неспособности предотвратить убийство некоторых местных жителей и в намеренном уродовании трупов, поскольку эти высказывания носили предположительный характер, журналист высказывал свою точку зрения на происходившие события (п. 92).

Напротив высказывания на Интернет-форуме Суд расценил как утверждения о фактах, не имевшие под собой достаточной фактологической основы.

«Суд подчеркивает, что Заявитель был признан виновным не просто в распространении вышеуказанных утверждений. ... Скорее, обжалованное вмешательство в настоящем деле приняло форму осуждения в уголовном порядке, основанного на заключении о том, что утверждения, распространенные Заявителем, порочили конкретных людей. Поэтому, признавая, что автором утверждений в публикациях на Интернет-форуме был Заявитель, и что они были ложными или непроверенными, необходимо определить, указали ли национальные суды достаточные и существенные причины в обоснование своего вывода о том, что эти утверждения наносили ущерб репутации конкретных людей» (п. 96).

Суд счел, что ни в «Карабахском дневнике», ни в публикациях на Интернет-форуме не содержались утверждения, оскорблявшие достоинство жертв Ходжалы и спасшихся вообще и, более конкретно, четырех частных обвинителей-беженцев из Ходжалы.

Суд также особо отметил, что в настоящем деле не было соблюдено требование соразмерности в отношении характера и суровости примененных санкций – заявитель понес наказание в виде лишения свободы на 2 года и 6 месяцев (п. 102):

«Журналисты, занимающиеся расследованиями, вероятно, воздержатся от сообщений на животрепещущие темы, если в этом случае они подвергаются риску оказаться приговоренными к лишению свободы, что является одной из стандартных санкций за необоснованные нападки на репутацию частных лиц. Страх перед таким наказанием неизбежно вызовет охлаждающий эффект на осуществление журналистской свободы выражения мнения».

В итоге суд пришел к выводу, что при вынесении Заявителю первого приговора в уголовном порядке была нарушена статья 10 Конвенции.

Суд рассмотрел вопрос относительно второго осуждения Заявителя за террористические действия. Суд отметил, что публикация «Алиевы идут на войну» была частью политической дискуссии по вопросу, вызывающему всеобщую обеспокоенность, а, следовательно, ограничение прав Заявителя высказываться на политические темы должно быть убедительно обосновано (п. 117).

Суд не согласился с оценкой национальными судами высказываний Заявителя как угрожающими государству террористическими действиями. Суд счел, что национальные суды произвольно применили уголовные положения о терроризме в настоящем деле (п. 123):

«Заявитель, как журналист и частное лицо, очевидно, не имел возможности повлиять ни на какие гипотетические события, обсуждавшиеся в статье, и никак не мог контролировать какие-либо решения иранских властей о нападении на учреждения на территории Азербайджана. Заявитель также не выразил никакого одобрения возможного нападения и не выдвигал аргументов в его пользу. ... На деле, единственным средством, которым, можно сказать, воспользовался Заявитель для того, чтобы «оказать давление» на государственные органы власти в настоящем деле, было осуществление своей свободы выражения мнения,

в соответствии с границами, установленными в статье 10, и выражение своего несогласия с политическими решениями власти в рамках общественной дискуссии, которая должна проходить свободно в любом демократическом обществе».

Суд также счел назначенной Заявителю наказание в виде 8 и 3 лет лишения свободы крайне суровым (п. 128):

«Суд считает, что этот приговор и крайне суровое наказание Заявителя могли возыметь охлаждающий эффект на осуществление журналистской свободы выражения мнения в Азербайджане и помешать прессе открыто обсуждать социально значимые темы».

В итоге Суд пришел к выводу, что в отношении второго осуждения Заявителя в уголовном порядке имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

В настоящем деле Суд наложил на Азербайджан в порядке статьи 46 Конвенции правовое обязательство, согласно которого государство было обязано обеспечить немедленное освобождение Заявителя из мест лишения свободы:

«176. При таких обстоятельствах, с учетом выявленного выше нарушения статьи 10 Конвенции, продолжение пребывания Заявителя в местах лишения свободы неприемлемо. Таким образом, по своей сути, ситуация, выявленная в настоящем деле, не оставляет никакого выбора в отношении меры необходимой для исправления нарушения прав Заявителя, гарантированных Конвенцией».

177. По сему, принимая во внимание конкретные обстоятельства дела и насущную необходимость положить конец нарушению статьи 10 Конвенции, Суд считает, что, в качестве одного из средств выполнения своих обязательств по статье 46 Конвенции, Государство-ответчик обязано обеспечить немедленное освобождение Заявителя из мест лишения свободы».

© Центр Защиты Прав СМИ, 2011

ДЕЛО «ФАТУЛЛАЕВ ПРОТИВ АЗЕРБАЙДЖАНА»

(*Fatullayev v. Azerbaijan*)

(жалоба № 40984/07)

Постановление Суда
Страсбург, 22 апреля 2010 года

По делу «Фатуллаев против Азербайджана» Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседавая Палатой, в состав которой вошли:

Христос Розакис, *Председатель*,
Нина Вайич,
Дин Шпильманн,
Сверре Эрик Йебенс,
Джиорджио Малинверни
Георг Николау, *судьи*,
Ләтиф Хусейнов, *временный судья*,

а также Сорен Нильсен, *Секретарь Секции*,

Проведя 25 марта 2010 года закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, принятое в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было начато после подачи жалобы (№ 40984/07) против Республики Азербайджан в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция») гражданином Азербайджана г-ном Эйнуллоу Эмин оглы Фатуллаевым (далее - «Заявитель»), 10 сентября 2007 года.
2. Интересы Заявителя представлял г-н Ашуров, адвокат, практикующий в Баку. Азербайджанские власти (далее -

«Правительство») было представлено его уполномоченным г-ном Асгаровым.

3. Заявитель утверждал, в частности, что признание его виновным за высказывание утверждений в его газетных статьях, являлось нарушением его права на свободу выражения мнения, что он был лишен возможности предстать перед независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, и что не было соблюдено его право на презумпцию невиновности.

4. 3 сентября 2008 года председатель Первой секции принял решение сообщить о поданной жалобе Правительству. В соответствии с положениями части 3 статьи 29 Конвенции, было принято решение рассмотреть существо жалобы одновременно с вопросом о ее приемлемости.

5. Г-н Х. Хаджиев, судья, избранный для участия в рассмотрении дела со стороны Азербайджана, вышел из состава Палаты (Правило 28 Регламента Суда). Вместо него Правительство назначило г-на Л. Хусейнова в качестве временного судьи (часть 2 статьи 27 Конвенции и пункта 1 Правила 29 Регламента Суда).

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

6. Заявитель родился в 1976 году и проживает в Баку.

7. Заявитель являлся учредителем и главным редактором газет «Gündəlik Azərbaycan», выходившей на азербайджанском языке, и «Реальный Азербайджан», выходившей на русском языке. Газеты были широко известны из-за частого опубликования статей с жесткой критикой Правительства и различных должностных лиц.

8. Перед событиями, упомянутыми в этой жалобе, в отношении Заявителя различные высокопоставленные правительственные чиновники, включая членов Кабинета министров и депутатов Парламента, неоднократно возбуждали уголовные дела о клевете и подавали гражданские иски о защите чести и достоинства. В результате последнего процесса, 26 сентября 2006 года. Заявитель был

признан виновным в умалении чести и достоинства члена Кабинета министров и приговорен к двум годам лишения свободы условно. Более того, по словам Заявителя, в разное время он и его подчиненные не раз получали телефонные звонки с угрозами и требованиями прекратить написание критических статей о высокопоставленных чиновниках или даже полностью прекратить выпуск газет.

9. В 2007 году в отношении Заявителя были возбуждены два уголовных дела в связи с публикацией помимо прочих двух статей, опубликованных в газете «Реальный Азербайджан».

А. Первый процесс

1. Сведения, распространенные Заявителем

10. В 2005 года Заявитель, в качестве журналиста, побывал в районе Нагорный Карабах и других местах под контролем армянских вооруженных сил. Это было одно из нескольких с большим трудом организованных посещений гражданами Азербайджана тех мест, а также территории Армении в годы, последовавшие за войной в Нагорном Карабахе, так как движение вдоль бывшей линии фронта в Нагорном Карабахе и через армяно-азербайджанскую границу по-прежнему жестко ограничено обеими сторонами. Во время своего посещения он встречался, среди прочих, с несколькими представителями самопровозглашенной и непризнанной «Республики Нагорный Карабах» и некоторыми простыми людьми. После этой поездки, в апреле 2005 года, Заявитель опубликовал статью под названием «Карабахский дневник» в газете «Реальный Азербайджан».

11. В статье, написанной в форме дневника, Заявитель описал свои посещения нескольких городов, включая Лачин, Шуша, Агдам и Ходжалы, в которых ранее проживали преимущественно этнические азербайджанцы, и которые были изгнаны из своих домов во время войны. Он описал увиденные в этих городах и разрушения, и места нового строительства, а также передал содержание своих разговоров с местными армянами.

12. Одной из тем, обсуждавшихся в «Карабахском дневнике», была Ходжалинская резня 26 февраля 1992 года. Во время этого обсуждения Заявитель сообщил определенные сведения, которые могли быть восприняты как идущие вразрез с общепринятой версией событий в

Ходжалы, в соответствии с которой армянские военные лишили жизни сотни азербайджанцев из числа мирного населения с помощью, как сообщалось, российского (бывшего советского) 366-ого мотострелкового полка, во время их штурма города Ходжалы в ходе войны в Нагорном Карабахе. Статья содержала следующие сведения:

«Увидев Ходжалы, я не мог скрыть своего изумления. Этот азербайджанский город, разрушенный до основания, был полностью перестроен и превращен в город под названием Ивановка по фамилии армянского генерала, принимавшего активное участие во взятии Ходжалы. Ходжалинская трагедия и глубокие раны, нанесенные нашей душе армянским экспансионизмом на этой многострадальной азербайджанской земле, стали фоном, на котором проходили мои встречи в Аскеране [городе в Нагорном Карабахе недалеко от Ходжалы]. Как так вышло? Неужели в этих людях не осталось ничего человеческого? Однако, справедливости ради, я должен признать, что несколько лет назад я встретил несколько беженцев из Ходжалы, временно проживавших в Нафталане, которые открыто признались мне, что, накануне широкомасштабного наступления российских и армянских вооруженных сил, город был окружен [этими войсками]. И даже за несколько дней перед штурмом, армяне много раз предупреждали население о готовившейся операции с помощью громкоговорителей, предлагая мирному населению покинуть город и выйти за линию окружения через свободный коридор вдоль реки Кар-Кар. По словам беженцев из Ходжалы, они воспользовались этим коридором и, действительно, армянские солдаты, располагавшиеся за пределами этого коридора, не открыли по ним огонь. Некоторые солдаты из батальонов НФА [Народного фронта Азербайджана, политической партии], по какой-то причине, повели часть [беженцев] в направлении села Нахичеваник, которое в то время находилось под контролем Аскеранского батальона армян. Другая группа беженцев подверглась артиллерийскому огню [когда они приближались] к району Адама.

Когда я был в Аскеране, я разговаривал с заместителем главы администрации Аскерана, Славиком Арушаняном, и сравнивал его рассказ об этих событиях с услышанным от жителей

Ходжалы, которые оказались под огнем азербайджанской стороны.

Я попросил Арушяна показать мне коридор, которым воспользовались жители Ходжалы [чтобы покинуть город]. Ознакомившись с этим районом, я могу сказать с полной уверенностью, что предположения о том, что армянского коридора не было, беспочвенны. Коридор действительно существовал, иначе бы жители Ходжалы, полностью окруженные [вражескими войсками] и отрезанные от внешнего мира, были бы неспособны вырваться из окружения. Однако, оказавшись за рекой Кар-Кар, часть беженцев отделилась и по какой-то причине направилась в направлении Нахичеваника. Видимо, батальоны НФА не столько стремились к спасению мирного населения Ходжалы, сколько к пролитию еще большей крови на пути к свержению А. Муталибова [первого президента Азербайджана] ...».

13. По прошествии более года после публикации упомянутых статей, в период с декабря 2006 по январь 2007 года, человек, зарегистрировавшийся под именем пользователя «Эйнулла Фатуллаев», т.е. под именем Заявителя, разместил в Интернете ряд общедоступных публикаций в рамках форума под названием «AzeriTriColor». Эти публикации были размещены на нитке форума, посвященной вопросам членов другого форума участнику под именем Эйнулла Фатуллаев о содержании «Карабахского дневника». В своих разнообразных ответах на эти вопросы, человек под логином Эйнулла Фатуллаев сообщил, среди прочего, следующее:

«Я побывал в этом городе [Нафталан], где разговаривал с сотнями (я повторяю, сотнями) беженцев, которые настаивали на том, что коридор существовал, и что они остались живы благодаря этому коридору ...

Понимаете, это была война и линия фронта... Конечно, армяне убивали [мирных жителей], но в часть жителей Ходжалы стреляли наши [войска]... Было ли это сделано намеренно или нет, предстоит выяснить следователям ...

[Они были убиты] не [какими-то] таинственными [стрелками], а провокаторами из батальонов НФА ... [Трупы] были изуродованы нашими собственными ...».

2. Гражданский иск в отношении Заявителя

14. 23 февраля 2007 года г-жа Т. Чаладзе, глава Центра по защите беженцев и перемещенных лиц, подала гражданский иск в отношении Заявителя в Ясамальский районный суд. Она утверждала, что Заявитель *«в течение долгого времени оскорблял честь и достоинство жертв Ходжалинской трагедии, людей убитых во время тех трагических событий и их родственников, а также ветеранов Карабахской войны, солдат Национальной Армии Азербайджана и всего азербайджанского народа»*. Она утверждала, что Заявитель сделал это в форме вышеупомянутых утверждений в его статье «Карабахский дневник», а также подобных оскорбительных утверждений на форуме сайта «AzeriTriColor» в Интернете. Г-жа Чаладзе приписывала авторство публикаций на Интернет-форуме человеку, зарегистрировавшемуся на форуме под именем «Эйнулла Фатуллаев», т. е. Заявителю.

15. В своих аргументах в суд, Заявитель утверждал, что публикации на форуме на сайте «AzeriTriColor» были написаны не им, и отрицал свое авторство указанных утверждений. Он также сообщил, что в «Карабахском дневнике» он лишь распространил информацию, полученную от людей, которых он интервьюировал.

16. Ясамальский районный суд, заседаая в составе одного судьи И. Исмаилова, заслушал показания ряда беженцев из Ходжалы, которые все рассказывали о своем бегстве из города и отметили, что азербайджанские солдаты в них не стреляли, и что утверждения Заявителя об этом были ложью. Далее, рассмотрев электронные доказательства и показания свидетелей, суд постановил, что публикации на «AzeriTriColor» действительно были сделаны самим Заявителем, и что они были размещены в ответ на разнообразные вопросы читателей газеты «Реальный Азербайджан». Суд постановил, что Заявитель и его газета распространили ложные и необоснованные сведения, оскорблявшие честь и достоинство выживших в Ходжалинских событиях.

17. В свете вышеприведенных выводов, 6 апреля 2007 года Ясамальский районный суд удовлетворил иск г-жи Чаладзе и обязал Заявителя опубликовать, в газете «Реальный Азербайджан» и на соответствующих Интернет-сайтах, опровержение своих утверждений и извинение перед беженцами из Ходжалы и читателями газеты. Суд также обязал Заявителя и газету «Реальный Азербайджан» выплатить по 10.000 новых азербайджанских манатов (приблизительно 8500 евро) в качестве возмещения морального вреда. Эта компенсация общим размером в 20.000 манатов должна была быть истрачена на улучшение условий жизни беженцев из Ходжалы, временно проживавших в Нафталане.

3. Осуждение в уголовном порядке

18. Через некоторое время, в не установленный в судебном процессе день, группа из четырех спасшихся в Ходжалы и два бывших солдата, участвовавших в Ходжалинском бою, чьи интересы представляла г-жа Чаладзе, подали заявление о возбуждении уголовного дела в отношении Заявителя в Ясамальский районный суд в порядке частного обвинения. Они требовали признания Заявителя виновным в оскорблении чести и достоинства и ложном обвинении азербайджанских солдат в совершении особо тяжкого преступления.

19. На предварительном слушании, проведенном 9 апреля 2007 года, Заявитель заявил отвод в адрес всего состава Ясамальского районного суда. По его мнению, все судьи этого суда были назначены на свои должности в сентябре 2000 года на фиксированный пятилетний срок, и что этот срок закончился в 2005 года. Поэтому он заявил, что состав этого суда не соответствовал требованию «создан на основании закона», предъявляемому к суду. Это возражение было отклонено.

20. Слушание уголовного дела прошло 20 апреля 2007 года под председательством судьи И. Исмаилова, рассматривавшего дело единолично.

21. В своих устных пояснениях суду Заявитель не признавал себя виновным. В частности, он отрицал свое авторство утверждений, опубликованных на форуме Интернет-сайта «AzeriTriColor», утверждая, что эти утверждения были сделаны неизвестным самозванцем, который использовал его имя для этой цели.

22. Суд заслушал заключение эксперта-лингвиста относительно утверждений Заявителя. Эксперт сообщил, помимо прочего, что, учитывая особенность стиля написания «Карабахского дневника», было трудно определить, были ли конкретные утверждения и заключения, касавшиеся Ходжалинских событий, сделаны Заявителем лично или теми людьми, у которых он предположительно брал интервью в Нагорном Карабахе. Он также отметил, что было трудно анализировать отдельно конкретные фразы вне контекста статьи в целом, и что, судя по контексту, были основания полагать, что автор пытался передать позиции обеих сторон конфликта. Суд также заслушал показания нескольких очевидцев Ходжалинских событий и констатировал, что свободного коридора для мирных жителей не было, и что они подвергались обстрелу с вражеских позиций. Суд далее заключил, что Интернет-форум на «AzeriTriColor», в сущности, заменил Интернет-форум сайта газеты «Реальный Азербайджан», который перестал действовать в 2006 года, и что утверждения, сделанные на этом форуме пользователем под именем «Эйнулла Фатуллаев» действительно были сделаны самим Заявителем. И, наконец, суд пришел к выводу, что своими утверждениями в «Карабахском дневнике» и публикациями на Интернет-форуме Заявитель серьезно исказил исторические события в Ходжалы и распространил заведомо ложную информацию подрывавшую репутацию истцов, и обвинил солдат армии Азербайджана (а именно, двоих истцов, участвовавших в бою в Ходжалы) в совершении тяжких преступлений, которые не были совершены. Суд признал Заявителя виновным по части 1 статьи 147 (клевета) и частью 2 статьи 147 УК (клевета соединенная с обвинением гражданина в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления) и приговорил его к двум годам и шести месяцам лишения свободы.

23. Заявитель был взят под стражу в здании суда и препровожден в следственный изолятор № 1 в тот же день (20 апреля 2007 года).

24. 6 июня 2007 года суд кассационной инстанции утвердил приговор Ясамальского районного суда от 20 апреля 2007 года.

25. 21 августа 2007 года Верховный Суд отклонил кассационную жалобу Заявителя и утвердил судебные акты нижестоящих судов.

В. Второй процесс

1. «Алиевы идут на войну»

26. Тем временем, 30 марта 2007 года, в газете «Реальный Азербайджан» вышла статья под заголовком «Алиевы идут на войну». Статья была написана Заявителем, но опубликована под псевдонимом «Ровшан Багиров».

27. Эта аналитическая статья была посвящена возможным последствиям поддержки Азербайджаном недавней «анти-иранской» резолюции Совета Безопасности ООН, призывавшей к экономическим санкциям в отношении этой страны. В статье действовавшее азербайджанское правительство называлось «Клан Алиева» и «правящая семья», и выражалась точка зрения о том, что правительство искало поддержки со стороны Соединенных Штатов для того, чтобы президент Ильхам Алиев «остался у власти» в Азербайджане в обмен на поддержку Азербайджаном «агрессии» США в отношении Ирана.

28. В публикации далее говорилось следующее:

«Также известно, что, незамедлительно после того, как [Совет Безопасности] ООН проголосовал за эту резолюцию, [власти] в Тегеране начали серьезно готовиться к «анти-иранской операции». В течение нескольких лет, военный штаб исламского режима разрабатывал планы по отражению американской агрессии и осуществлению ответных действий в отношении США и их союзников в регионе. После 24 марта 2007 года Азербайджан, открыто поддержав анти-иранскую операцию, должен готовиться к длительной и ужасной войне, которая приведет к широкомасштабным разрушениям и человеческим жертвам. По информации из источников близких к официальному Парижу, Генеральный штаб Ирана уже разработал военные планы в отношении Азербайджана на случай, если Баку примет участие в агрессии в отношении Ирана. Так, иранские ВВС дальнего действия, тысячи безумных камикадзе из ИКСР [Исламский корпус стражей революции] и сотни ракет «Шахаб-2» и «Шахаб-3» нанесут удары по следующим главным целям на территории Азербайджана ...».

29. Статью продолжил длинный и подробный список таких целей, который включал, среди прочего, действующие нефтяные платформы на шельфе Каспийского моря, Сангачалинский нефтяной терминал и другие нефтяные заводы и терминалы, нефтепровод Баку-Тбилиси-Сейхан и газопровод Баку-Тбилиси-Эрзурум, здание президентской администрации, здание посольства США в Азербайджане, здания различных министерств, Бакинский морской порт и аэропорт, и ряд больших бизнес-центров, в которых располагались офисы крупных иностранных компаний, работающих в Азербайджане.

30. Далее, в статье отмечалось, что азербайджанскому правительству следовало соблюдать нейтралитет в отношениях и с США и с Ираном, и что его поддержка позиции США могла привести, в случае войны между этими двумя государствами, к таким тяжелым последствиям, как гибель азербайджанского населения и в Азербайджане, и в Иране. В этой связи автор отметил, что вооруженные силы США уже имели четыре действующих авиабазы на территории Азербайджана, и выразил интерес к контролю над радарной станцией «Габала», которая в то время находилась под контролем России.

31. В статье также обсуждался вопрос возможных волнений в случае конфликта с Ираном в южных районах Азербайджана, населенных представителями талышского национального меньшинства, которые в этническом и языковом отношении близки иранцам. Среди прочего, в статье прослеживался намек на то, что правящая элита, многие члены которой были родом из нахичиванского района, были склонны к местничеству, назначая выходцев из Нахичевани на государственные должности в южных частях страны, включая ленкоранский район. В частности, в статье говорилось:

«Так талыши давно уже выказывали свое недовольство тем обстоятельством, что [центральные органы власти] всегда назначают на административные должности в Ленкоране людей из Нахичевани, которым чужд местный образ мышления и проблемы этого региона.

... Уровень безработицы в регионе ужасающе высок, процветает наркомания, каждое утро сотни безработных

талышей собираются на «рынке рабов» [то есть, дешевой рабочей силы] в Баку. Это ли не пороховая бочка?

Но власти, как будто не осознавая этой нарастающей опасности, отдают предпочтение своим стандартным методам – принимают репрессивные меры и подкупают талышскую элиту. Кажется, что власти намеренно толкают талышей в объятия иранских радикалов».

32. В статье отмечалось, что определенные высокопоставленные иранские чиновники и аятоллы были талышской национальности, и что по ту сторону иранской границы проживают «несколько миллионов» талышей, которые могли бы «поддержать своих соплеменников», живущих в Азербайджане, в случае войны. Наконец, как заключал автор статьи, азербайджанские власти не осознавали всех опасных последствий той геополитической игры, в которую они играли.

2. Осуждение в уголовном порядке

33. 16 мая 2007 года следственный отдел Министерства национальной безопасности (МНБ) начал уголовное расследование в связи с указанной публикацией по статье 214.1 УК (терроризм или создание террористической угрозы).

34. 22 мая 2007 года орган, осуществлявший расследование, провел обыски в квартире Заявителя и редакции газет «Реальный Азербайджан» и «Gündəlik Azərbaycan». Они обнаружили и изъяли определенные фотографии и компьютерные диски из квартиры Заявителя, а также двадцать компьютерных жестких дисков из редакции газет.

35. 29 мая 2007 года Заявитель был переведен в следственный изолятор МНБ.

36. 31 мая 2007 года Генеральная прокуратура сделала заявление для прессы, в котором упоминалось, что статья в газете «Реальный Азербайджан» содержала информацию, представляющую угрозу терроризма, и что в этой связи МНБ начало уголовное расследование. Это заявление было размещено на форуме СМИ, Интернет-портале новостей, в следующем виде:

«Сегодня, Генеральная прокуратура ... представила объяснение, касающееся уголовного дела, возбужденного Министерством национальной безопасности в отношении Эйнуллы Фатуллаева, главного редактора газет «Gündəlik Azərbaycan» и «Реальный Азербайджан», и заявила, что на Интернет-сайте [этих газет] действительно была размещена информация с угрозами актов терроризма. По сообщению «Azadliq Radio», Генеральный прокурор заявил: «на сайте упомянуты конкретные государственные учреждения и адреса, которые предположительно могут подвергнуться бомбовым ударам со стороны Исламской Республики Иран. Эта информация содержит угрозу терроризма». [Он] отметил, что, в связи с этим, МНБ возбудило уголовное дело по статье 214.1 Уголовного Кодекса. Генеральный прокурор сообщил, что МНБ в скором времени сделает заявление относительно результатов проведенного расследования».

37. На другом портале новостей «Day.Az» сообщалось следующее:

«Сообщение на Интернет-сайте газеты «Реальный Азербайджан», автором которого является Эйнулла Фатуллаев, действительно представляет собой угрозу терроризма. Генеральная прокуратура ... обнародовала заявление на этот счет. В соответствии с ним, на Интернет-сайте «Реального Азербайджана» упоминаются конкретные адреса определенных государственных учреждений, и утверждается, что, по имеющейся информации, они подвергнутся бомбовым ударам со стороны Исламской Республики Иран. «Эта информация содержит угрозу терроризма. Поэтому Министерство национальной безопасности (МНБ) возбудило уголовное дело по статье 214.1 УК и предпринимает меры к расследованию». [Генеральная прокуратура] отметила, что МНБ будет держать общественность в курсе проводящегося расследования ...».

38. 3 июля 2007 года, по решению следователя МНБ, Заявителю было предъявлено официальное обвинение в совершении уголовного

преступления в форме создания террористической угрозы (статья 214.1 УК) и разжигания национальной вражды (статья 283.2.2 УК).

39. В тот же день, 3 июля 2007 года, по требованию Генеральной прокуратуры, Сабаильский районный суд вынес решение о заключении Заявителя под стражу еще на три месяца в связи с предъявленным в рамках данного уголовного дела обвинением. Заявитель обжаловал данное постановление. 11 июля 2007 года апелляционный суд утвердил постановление Сабаильского районного суда.

40. 4 сентября 2007 года Заявителю было также предъявлено обвинение в уклонении от налогов по статье 213.2 УК на основании его сообщения о том, что он не декларировал должным образом свои личные доходы в качестве редактора газеты.

41. Во время судебного слушания, среди прочих доказательств, сторона обвинения представила доказательства того, что в мае 2007 года полная электронная версия статьи «Алиевы идут на войну» была отправлена по электронной почте в офисы ряда иностранных и местных компаний в Баку. В общей сложности восемь сотрудников этих компаний показали во время слушания, что, после прочтения этой статьи, они чувствовали обеспокоенность, тревогу и страх. Суд пришел к выводу, что публикация этой статьи преследовала цель посеять панику среди населения. Далее суд заключил, что в своей статье Заявитель угрожал правительству разрушением государственной собственности и действиями, угрожавшими жизни людей, с целью принудить правительство отказаться от принятия политических решений, продиктованных национальными интересами.

42. 30 октября 2007 года выездная судебная сессия признала Заявителя виновным по всем пунктам и осудила его за создание террористической угрозы (восемь лет лишения свободы), разжигание национальной вражды (три года лишения свободы) и уклонение от налогов (четыре месяца лишения свободы). Общий приговор с учетом частичного поглощения наказаний составил восемь лет и четыре месяца лишения свободы. Наконец, суд частично объединил этот приговор с приговором к двум годам и шести месяцам лишения свободы, вынесенным Заявителю в предыдущем уголовном деле, так что итоговый приговор составил восемь лет и шесть месяцев лишения свободы. При вынесении окончательного приговора, суд констатировал, что, с учетом предыдущих судимостей, Заявитель

являлся рецидивистом, и квалифицировал это как отягчающее обстоятельство. Суд также распорядился, что 23 компьютера и несколько компакт-дисков, изъятых в качестве вещественных доказательств из редакции газет, должны быть конфискованы в пользу государства. Наконец, суд распорядился о взыскании с Заявителя 242.522 манатов (на покрытие неуплаченных налогов) и 17.800 манатов (на покрытие несделанных налоговых отчислений на нужды социального обеспечения).

43. 16 января 2008 года апелляционный суд утвердил постановление выездной сессии суда от 30 октября 2007 года.

44. 3 июня 2008 года Верховный Суд утвердил постановления нижестоящих судов.

45. В своей защитной речи на суде и в своих жалобах в вышестоящие суды, Заявитель, ссылаясь непосредственно на пункт 2 статьи 6 Конвенции, утверждал, среди прочего, что в отношении него был нарушен принцип презумпции невиновности, когда Генеральная прокуратура сделала заявление для прессы. Аргументы Заявителя о нарушении норм Конвенции были в порядке упрощенного производства отклонены судом.

46. По имеющимся сведениям, в день четко не установленный в ходе разбирательства, в рамках вышеупомянутого уголовного процесса, публикация и распространение газет «Gündəlik Azərbaycan» и «Реальный Азербайджан» были остановлены, при обстоятельствах не вполне ясных из материалов этого дела.

II. Применимое национальное законодательство

A. Уголовный кодекс 2000 года

47. В статье 147 Уголовного кодекса (далее – «УК»), действовавшего во время происходивших событий данного дела, говорилось следующее:

«Статья 147. Клевета

1. Клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или

подрывающих его репутацию в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или в средствах массовой информации,

- наказывается штрафом в размере от ста до пятисот минимальных размеров оплаты труда, либо общественными работами на срок до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до шести месяцев.

2. Клевета, соединенная с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, -

- наказывается исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до трех лет».

48. В статье 214 УК говорится следующее:

«Терроризм, то есть, осуществление взрыва, поджога или других действий, влекущих за собой опасность для человеческой жизни или значительный материальный ущерб или другие серьезные последствия, если такие действия осуществляются с целью подрыва государственной безопасности, устрашения населения или оказания давления на государственные органы власти или международные организации для принятия определенных решений, равно как и угроза осуществления вышеупомянутых действий с теми же целями,

наказывается лишением свободы от восьми до двенадцати лет с конфискацией имущества».

49. Статья 283 УК предписывает следующее:

«283.1. Действия, направленные на разжигание национальной, расовой или религиозной вражды или унижение национального достоинства, а также действия, направленные на ограничение прав граждан или установление превосходства граждан на основании их национальной или

расовой принадлежности, совершенные открыто или через СМИ,

- наказываются штрафом в размере от одной до двух тысяч условных финансовых единиц, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на срок от двух до четырех лет».

283.2. такие же действия, если они совершены:

283.2.1. с применением насилия или угрозой применения насилия;

283.2.2. лицом, пользующимся своим служебным положением;

283.2.3. организованной группой;

наказываются лишением свободы на срок от трех до пяти лет».

В. Уголовно-процессуальный кодекс от 2000 года

50. В соответствии со статьей 449 Уголовно-процессуального кодекса (далее – «УПК»), либо обвиняемое или подозреваемое в совершении преступления может подать жалобу в отношении процессуальных действий или решений органов прокуратуры (лица, проводящее предварительное расследование, следователя, надзирающего прокурора и т.д.) в суд, наблюдающий за ходом досудебного расследования. В статье 449.3 УПК сказано, что такая жалоба может быть подана, в том числе и в случае нарушения прав задержанного.

51. Статьи 450 и 451 УПК регламентируют процедуру рассмотрения таких жалоб и очерчивают полномочия суда, осуществляющего контроль за законностью принимаемых в ходе следствия решений. В частности, в соответствии со статьей 451.1 УПК, суд может принять одно из двух следующих решений относительно жалобы по статье 449 УПК: (а) объявить оспоренное процессуальное действие или решение законным; или (б) объявить оспоренное процессуальное действие или решение незаконным и отменить его. Статья 451.3 УПК предполагает, что в случае признания оспоренного действия или решения незаконным, прокурор, надзирающий за ходом расследования, или

вышестоящий прокурор обязан незамедлительно предпринять меры, направленные на прекращение нарушения прав заявителя.

С. Гражданско-процессуальный кодекс 2000 года

52. Глава 27 Гражданско-процессуального кодекса (далее – «ГПК»), состоящая из статей 296-300, регламентирует процедуру рассмотрения гражданских исков, касающихся решений и действий (или фактов бездействия) «соответствующих органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, других органов власти и организаций и их чиновников». В частности, в соответствии со статьей 297.1 ГПК, решения и действия (или бездействия), оказывающиеся в рамках этой процедуры, включают такие, которые нарушают права или свободы человека, препятствуют осуществлению гражданином прав или свобод, или налагают на него незаконные обязательства или ответственность.

Д. Назначение и срок пребывания в должности судей

53. Применимые положения Закона о судах и судьях от 10 июня 1997 года, действовавшего до принятия поправок 28 декабря 2004 года, и соответствующий национальный закон, касавшийся статуса и состава Судебно-правового совета, действовавшего до введения в действие Закона о Судебно-правовом совете 28 декабря 2004 года, кратко изложены в деле *Асадов и другие против Азербайджана (Asadov and Others v. Azerbaijan)* ((реш.), № 138/03, 12 января 2006 года).

54. Закон № 817-ПQD об изменениях и дополнениях к Закону о судах и судьях от 28 декабря 2004 года (Закон № 817-ПQD), действующий с 30 января 2005 года, ввел ряд поправок, касавшихся, помимо прочего, процедуры отбора и назначения кандидатов на должности судей, срока пребывания в должности судьи, кодекса судебной этики, дисциплинарных мер в отношении судей и неприкосновенности судей. А именно, в статьях с 93.1 до 93.4 Закона о судах и судьях, исправленного законом № 817-ПQD, сказано, что кандидаты на судебные должности отбираются Комитетом по отбору судей, учрежденным Судебно-правовым советом, в соответствии с процедурой, предполагающей прохождение письменного и устного экзамена и долговременного курса обучения, в ходе которого оценки знания кандидата отслеживаются Комитетом по отбору судей. В соответствии со статьей 96 Закона о судах и судьях с поправками в

виде закона № 817-ПQD, судьи изначально назначаются на пятилетний срок, и во время этого периода обязаны пройти курс судебного обучения по крайней мере один раз. Если по истечению начального пятилетнего периода в работе судьи не было обнаружено профессиональных недостатков, он или она назначаются на свою должность повторно и на неопределенный срок (заканчивающийся по достижении судьей 65 лет или, в исключительных случаях, 70 лет) по рекомендации Судебно-правового совета. Перед внесением последней поправки, судьи назначались на свои должности на фиксированные сроки в пять или десять лет, в зависимости от суда, в котором они служили.

55. В пункте 1 переходных положений Закона № 817-ПQD было сказано следующее:

«Срок пребывания в должности в судах республики Азербайджан для судей, назначенных до 1 января 2005 года, истекает в день назначения на эти должности новых судей ...».

56. Закон о Судебно-правовом совете от 28 декабря 2004 года предписывает, что Судебно-правовой совет состоит из 15 членов (включая представителей исполнительной и законодательной власти, судей различных судов, и представителей органов прокуратуры и ассоциации адвокатов) и представляет собой орган, в чьи полномочия входит организация процедуры отбора кандидатов на судебные должности и предоставление рекомендаций Президенту относительно судебных назначений, и выполнение других задач, включая организацию курсов обучения для судей, предоставление организационной поддержки судам и принятие дисциплинарных мер в отношении судей.

III. Документы Совета Европы

57. Ниже приводятся выдержки из Резолюции 1614 (2008) Парламентской ассамблеи Совета Европы «О функционировании демократических институтов в Азербайджане»:

«19. В отношении свободы выражения мнения, азербайджанским органам власти следует:

19.1. начать проведение правовой реформы, направленной на декриминализацию диффамации и пересмотреть соответствующие положения гражданского законодательства для обеспечения соблюдения принципа соразмерности, как рекомендовано в Резолюции 1545 (2007); одновременно, следует вновь ввести в действие политический мораторий, с тем, чтобы положить конец использованию уголовной ответственности за умаление чести и достоинства как средства устрашения журналистов ...».

58. Далее приведены выдержки из отчета Специального уполномоченного по правам человека Совета Европы, г-на Томаса Хаммарберга после его посещения Азербайджана, с 3 по 7 сентября 2007 года (CommDH(2008)2, 20 февраля 2008 года):

«В. Безотлагательный вопрос: декриминализация диффамации

69. Как сообщалось, во время визита Специального уполномоченного, в заключении находилось семь журналистов, четверо из которых отбывали наказание за клевету или оскорбление по статьям 147 и 148 Уголовного Кодекса. Как международные наблюдательные органы, так и местные НПО заявляли, что обвинения в ущемлении чести и достоинства использовались как способ избежать распространения новостей, которые могли нанести вред высокопоставленным чиновникам или другим влиятельным людям. По отчетам представителей Парламентской ассамблеи Совета Европы количество подобных обвинений выросло за последние несколько лет. Журналисты вынуждены прибегать к самоцензуре из страха потерять свободу. В 2005 году, Президент г-н Ильхам Алиев призвал к прекращению использования уголовной ответственности в делах о клевете, но ему не вняли. Некоторые дела, о которых стало известно Специальному уполномоченному, свидетельствуют о несоразмерном или несправедливом лишении свободы журналистов.

70. ... Действительно, многие журналисты остаются в местах лишения свободы. Г-н Эйнулла Фатуллаев, который содержался в следственном изоляторе Министерства

национальной безопасности, все еще не вышел на свободу. Этот журналист подверг критике действия властей и вооруженных сил во время осады Ходжалы. Его критический анализ того, какие действия были предприняты во время кризиса, вылился ему в приговор в два с половиной года лишения свободы за клевету. Далее, после предъявления ему череды новых обвинений, 30 октября 2007 года ему был вынесен приговор еще на восемь с половиной лет, в этот раз за терроризм и разжигание расовой ненависти. На встрече со Специальным уполномоченным журналист сказал, что факт его пребывания в тюрьме был свидетельством политического давления на него как на журналиста. После вынесения второго приговора, он повторил этот свой комментарий. Специальный уполномоченный упомянул о лишении его свободы за клевету на встрече с представителями власти и призвал их к его немедленному освобождению. Специальный уполномоченный вновь обращается к властям с призывом освободить г-на Эйнуллу Фатуллаева.

71. Реакция властей по этому вопросу свелась к тому, что действия в отношении журналистов вызваны их собственным непрофессионализмом, который позволяет им писать в безответственной манере, игнорируя права других и этические нормы. Действительно, следует должным образом обучать журналистов, на которых лежит ответственность, связанная с исполнением их профессионального долга, и которым следует придерживаться кодекса этики в соответствии с европейскими стандартами. В то же время, чиновникам следует предоставлять легкий доступ к информации и мириться с критикой, учитывая свое положение, предполагающее подотчетность обществу.

72. Однако главным является вопрос о том, следует ли лишать людей, в частности, но не только журналистов, свободы и подвергать другим преследованиям в соответствии с уголовным законодательством за выражение мнения. Дополнительно возникает вопрос, уже встречавшийся на практике, о том, не приводит ли судебное преследование за умаление чести и достоинства, в таких

странах как Азербайджан, где это по-прежнему является уголовным преступлением, к чрезмерному наказанию и слишком суровым приговорам. В Европе сегодня существует ярко выраженное стремление к декриминализации клеветы (диффамации). Международные стандарты позволяют наказание за клевету и оскорбление чести и достоинства по уголовным законам, но только в случаях, когда высказывания на языке ненависти направлены непосредственно на подстрекание к насилию. Для выяснения того, что такой умысел действительно был, необходимо установить прямую причинно-следственную связь между таким умыслом и вероятностью насилия. ... В большинстве стран, путь к уголовному наказанию не используется: действует мораторий на применение таких законов. Криминализация оскорбления чести и достоинства оказывает охлаждающий эффект на свободу выражения мнения. Правовая система в Азербайджане предоставляет широкие возможности для криминализации, в частности «ущерба чести и репутации». Работа над проектом закона диффамации продолжается в течение более года. Она осуществляется рабочей группой парламентариев и экспертов в области СМИ с поддержкой со стороны ОБСЕ. Акцент будет смещен с уголовного на гражданское законодательство.

73. Переговоры Специального уполномоченного с министром юстиции по этому вопросу были обнадеживающими. Он рекомендует начать открытую общественную дискуссию, которая помогла бы определить соответствующий правовой подход, чтобы изъять умаление чести и достоинства из списка уголовно наказуемых преступлений и предложить альтернативную защиту правам и интересам других людей. Эксперты Совета Европы могли бы оказать в этом содействие. Для оказания поддержки проведению такой дискуссии президент мог бы подтвердить свою приверженность мораторию 2005 г. на применение уголовного наказания. Специальный уполномоченный рекомендует, в качестве первого шага, выпустить на свободу всех, кто подвергся уголовному наказанию по соответствующим положениям Уголовного Кодекса».

IV. Информационная заметка о ходжалинских событиях

59. Азербайджанская и армянская сторона оспаривают большинство сообщенных фактов относительно бойни азербайджанского мирного населения в Ходжалы. Что касается независимых источников, ниже приводятся выдержки из отчетов международных организаций и правозащитных НПО об этих событиях.

60. Во вспомогательном материале, подготовленном Генеральным директором по политическим вопросам Совета Европы, приложенном к отчету Комитета по политическим вопросам Парламентской ассамблеи о конфликте в районе Нагорного Карабаха, обсуждавшемуся на конференции ОБСЕ в Минске (докладчик г-н Д. Атkinson, 29 ноября 2004 года, док. 10364), говорится:

«В феврале 1992, почти день в день спустя четыре года после событий в Сумгаите, национальные вооруженные силы Армении атаковали единственный аэропорт в [Нагорном Карабахе] в Ходжалы, к северу от местной столицы. В то время, население Ходжалы составляло 7000 человек. В соответствии с азербайджанской точкой зрения, за взятием Ходжалы, в ходе которого погибли 150 защитников аэропорта, последовали невиданные зверства в отношении гражданского населения. По сообщениям, за один день были зверски убиты 613 безоружных людей и захвачены около 1300 – многие из которых пытались спастись бегством через предположительно существовавший гуманитарный коридор. Армянская сторона не согласна с этой точкой зрения и числом жертв.

Ходжалинская бойня вызвала массовый исход азербайджанцев и привела к политическому кризису в Баку. Через пять лет, в 1997, президент Алиев выпустил указ, в котором эта трагедия была названа «Ходжалинским геноцидом».

61. Ниже приводятся выдержки из доклада о положении дел в мире НПО «Защита прав человека» за 1993 г. по странам бывшего СССР:

«Зимой 1992 г., армянские вооруженные силы начали наступление, принуждая почти все азербайджанское

население анклава к бегству и совершая немыслимые акты насилия в отношении спасавшихся мирных жителей. Наиболее страшным из них была атака 25 февраля на село Ходжалы. Большая группа жителей в сопровождении нескольких десятков отступающих бойцов бежали из города, захваченного армянскими вооруженными силами. На подходе к границе с Азербайджаном они натолкнулись на армянский военный пост и были беспощадно расстреляны. Известно, по крайней мере, о 161 мирном жителе, убитом в этом столкновении, хотя азербайджанские власти оценивают это число в 800 человек. Армянские военные убивали безоружных мирных жителей и вышедших из строя солдат, мародерствовали и иногда жгли дома».

62. Правозащитный центр «Мемориал» со штаб-квартирой в Москве направлял своих наблюдателей в Нагорный Карабах во время войны. Далее приводятся выдержки из отчета правозащитного центра «Мемориал» «О массовых нарушениях прав человека, связанных с занятием населенного пункта Ходжалы в ночь с 25 на 26 февраля 1992 года вооруженными формированиями»:

«По утверждению практически всех беженцев из Ходжалы, в штурме города принимали участие военнослужащие 366 полка, причем некоторые из них входили в город. По сведениям, полученным от армянской стороны, в штурме города принимали участие боевые машины 366 полка с экипажами, обстреливавшие Ходжалы, но не входившие непосредственно в город. По утверждению армянской стороны, участие военнослужащих в боевых действиях не было санкционировано письменным приказом командования полка...

Часть населения вскоре после начала штурма стала покидать Ходжалы, пытаясь уйти в сторону Агдама. В некоторых группах бегущих находились вооруженные люди из гарнизона города. Люди уходили по двум направлениям: 1) с восточной окраины города на северо-восток вдоль русла реки, оставляя Аскеран слева (именно этот путь, как указывали армянские официальные лица, был оставлен в качестве «свободного коридора»); 2) с северной окраины города на северо-восток, оставляя Аскеран справа (по-видимому, по

этому пути ушла меньшая часть беженцев). Таким образом, Ходжалы покинуло большинство мирных жителей, а примерно 200-300 человек оставались в Ходжалы, спрятавшись в своих домах и подвалах. В результате обстрела города неустановленное количество мирных жителей погибло на территории Ходжалы во время штурма. Армянская сторона практически отказалась предоставить информацию о количестве погибших таким образом людей. ...

По утверждению официальных лиц НКР [самопровозглашенной Республики Нагорный Карабах], для выхода мирного населения из Ходжалы был оставлен «свободный коридор», который начинался у восточной окраины города, проходил вдоль русла реки и шел на северо-восток, ведя в сторону Агдама и оставляя Аскеран слева... По словам официальных должностных лиц НКР и участников штурма, население Ходжалы в начале штурма было извещено о наличии такого «коридора» при помощи громкоговорителей, установленных на бронетранспортерах ... Должностные лица НКР сообщили также, что за несколько дней до штурма с вертолетов над Ходжалы разбрасывались листовки, обращенные к населению Ходжалы с призывом воспользоваться «свободным коридором». Однако в подтверждение этого наблюдателям «Мемориала» не было предоставлено ни одного экземпляра такой листовки. В Ходжалы наблюдателями «Мемориала» также не было обнаружено никаких следов подобных листовок. Опрошенные беженцы из Ходжалы сообщили, что о таких листовках ничего не слышали. В Агдаме и Баку наблюдателями «Мемориала» было опрошено 60 человек, бежавших из Ходжалы во время штурма города. Лишь один человек из опрошенных сообщил, что он знал о существовании «свободного коридора» (ему сообщил об этом «военный» из ходжалинского гарнизона)... За несколько дней до штурма представители армянской стороны неоднократно, используя радиосвязь, сообщали властям Ходжалы о предстоящем штурме и призывали их немедленно полностью вывезти население из города. То, что эта информация была получена азербайджанской стороной и передана в Баку, подтверждено в публикациях бакинских газет («Бакинский рабочий»)...

Большой поток жителей [Ходжалы] устремился из города вдоль русла реки (путь 1 —[см. выше]). В некоторых группах беженцев находились вооруженные люди из гарнизона города. Эти беженцы, идущие по «свободному коридору»...были обстреляны, в результате чего много людей погибло. Оставшиеся в живых беженцы рассеялись. Бегущие натыкались на армянские заставы и подвергались обстрелам. Часть беженцев все же сумела пройти в Агдам; часть, в основном женщины и дети (точное количество установить невозможно), замерзла во время скитаний по горам; часть...была пленена...Место массовой гибели беженцев, а также тела убитых были засняты на видеопленку, когда азербайджанские подразделения проводили операцию по вывозу тел на вертолетах в Агдам...Среди тел, заснятых в месте массовой гибели, большую часть составляли тела женщин и людей пожилого возраста, среди убитых были также и дети. Вместе с тем, среди убитых были также люди в форме. ...В течение четырех дней в Агдам было вывезено около 200 тел. Несколько десятков трупов имели следы глумления. ...

Официальные представители НКР и члены армянских вооруженных отрядов объясняли гибель мирных жителей в зоне «свободного коридора» тем, что вместе с беженцами уходили вооруженные люди, которые стреляли по армянским заставам, вызывая ответный огонь, а также попыткой прорыва со стороны основных азербайджанских сил. По словам членов армянских вооруженных отрядов, азербайджанскими формированиями со стороны Агдама была предпринята попытка вооруженного прорыва по направлению «свободного коридора». В момент, когда армянские заставы отбивали атаку, к ним в тыл подошли первые группы беженцев из Ходжалы. Вооруженные люди, находящиеся среди беженцев, открыли огонь по армянским заставам. Во время боя был уничтожен один пост... однако бойцы другого поста, о существовании которого не подозревали азербайджанцы, с близкого расстояния открыли огонь по людям, идущим из Ходжалы. По показаниям беженцев из Ходжалы (в том числе и опубликованным в прессе) вооруженные люди, идущие в потоке беженцев,

вступали в перестрелки с армянскими заставами, но каждый раз стрельбу начинала первой армянская сторона.

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

63. Заявитель подал жалобы по статьям 6, 10 и 13 Конвенции, утверждая, что каждое из предъявленных ему уголовных обвинений в отношении утверждений, сделанных в газетных статьях и на Интернет-форумах являлось необоснованным вмешательством в осуществление им своего права на свободное выражение мнения, и что, в этой связи, в соответствующих уголовных процессах также было нарушено его право на справедливый суд и эффективную судебную защиту. Учитывая обстоятельства дела, Суд считает, что все эти жалобы относятся исключительно к сфере статье 10 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

А. Приемлемость

64. Суд отмечает, что эти жалобы не являются явно необоснованными в соответствии с содержанием пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он далее отмечает, что они не являются неприемлемыми ни на каких других основаниях, и поэтому должны быть объявлены приемлемыми.

В. Существо дела

65. Суд отмечает, что Заявитель был осужден и приговорен к лишению свободы в ходе двух несвязанных между собой уголовных процессов, касавшихся отдельных наборов утверждений, сделанных в разных публикациях. Поэтому, Суд рассмотрит, было ли нарушение статьи 10, в каждом из случаев отдельно.

1. Первое осуждение в уголовном порядке

(а) Аргументы сторон

66. Правительство выдвинуло довод о том, что приговор Заявителю в результате первого уголовного процесса был предписан законом и был направлен на защиту репутации и прав заинтересованных лиц.

67. Что касается необходимости вмешательства, Правительство ответило, что признание Заявителя виновным был оправдано характером сделанных им утверждений относительно Ходжалинских событий, очень деликатной темы для всего азербайджанского народа в целом, и в частности для тех, кто жил и воевал в этом районе. Во время этих событий были убиты, по крайней мере, 339 жителей Ходжалы, включая 43 ребенка и 109 женщин. 371 человек был захвачен в плен, 200 – пропали без вести, и 421 человек был ранен. В своих публикациях Заявитель утверждал, что некоторые из погибших были убиты азербайджанскими военными, и что, более того, трупы жертв были изуродованы азербайджанцами. Эти утверждения противоречили многочисленным свидетельствам, указывавшим на то, что эти действия были совершены армянскими военными, которым помогали солдаты бывшего советского 366-ого мотострелкового полка, расквартированного в Нагорном Карабахе. Утверждения Заявителя как таковые наносили ущерб репутации истцов, бывших жителей Ходжалы, а также содержали обвинения в адрес сражавшихся в совершении тяжких преступлений против человечности.

Правительство утверждало, что, сделав эти утверждения, Заявитель поступил недобросовестно и нарушил журналистскую этику.

68. С точки зрения Правительства, осуждение Заявителя служило цели защиты права на уважение частной жизни истцов, гарантированное в статье 8 Конвенции. Статья 17 Конвенции запрещает человеку использовать свои права, вытекающие из Конвенции (в настоящем деле статьи 10), с тем чтобы заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на умаление прав и свобод, признанных настоящей Конвенцией. В этой связи, Правительство сослалось на дело *Д. И. против Германии (D.I. v. Germany)* (№ 26551/95, решение Комиссии от 26 июня 1996 года), в котором вмешательство в осуществление Заявителем свободы выражения мнения было признано не противоречащим Конвенции в связи с содержанием его замечаний, в которых он отрицал существование газовых камер в Аушвице. Учитывая это, Правительство заключило, что, подобным же образом, решения национальных судов в данном деле были основаны на равновесии между правом, предоставляемым в статье 8 Конвенции, и правом по статье 10 Конвенции, и что оно было вправе считать, что репутация спасшихся в Ходжалинских событиях перевешивала свободу Заявителя на распространение информации ревизионистского толка.

69. Заявитель утверждал, что национальные суды не представили никакого разумного обоснования вмешательства в осуществление им свободы выражения мнения.

70. Заявитель согласился с Правительством в том, что тема Ходжалинской резни действительно была очень деликатной. Однако, по мнению Заявителя, определенные стороны этих событий не были полностью расследованы. Например, он указал на то, что цифры, названные Правительством в данном деле относительно общего числа жертв в Ходжалы, не совпадали с данными из других официальных правительственных источников, по которым общее количество убитых составляло 613 человек, включая 106 женщин и 23 ребенка, а число раненых и пропавших без вести - 487 и 1257. В некоторых частных публикациях приводились другие оценки. Заявитель также отметил, что бывший президент Муталибов, которого самого обвиняли в неспособности защитить Ходжалы, намекал на то, что некоторые азербайджанские военные формирования несли ответственность за то,

что число погибших было выше, чем могло бы быть. Части азербайджанского командования, включая бывшего командующего внутренними войсками Ф. Хаджиева, были предъявлены обвинения или даже вынесены приговоры за неспособность организовать защиту Ходжалы должным образом и таким образом предотвратить или сократить потери среди гражданского населения. По словам Заявителя, главная причина, по которой разные источники предоставляли разную информацию о точном количестве жертв и ходе событий во время падения Ходжалы, была в том, что тщательное и полное расследование этого события с фактической и исторической точек зрения еще не было завершено. Таким образом, по мнению Заявителя, именно деликатность и важность этого вопроса требовали проведения общественной дискуссии для установления правды и ответственности всех повинных в этой бойне. Кроме этого, данные события обуславливали необходимость в общественном обсуждении еще и в контексте внутренней политики в Азербайджане, т.к. тема Ходжалинской резни была использована бывшим президентом Муталибовым, партией «Народный фронт Азербайджана» и другими политическими силами в их борьбе за власть.

71. Заявитель отметил, что «Карабахский дневник» был статьей, написанной в стиле репортажа, в которой он лишь передал то, что видел сам и слышал от людей, которых встречал во время своей поездки, и которая содержала только очень краткие заключения его самого, сделанные на основании увиденного и услышанного от других. Заявитель утверждал, что, в статье, он лишь передал утверждения Славика Арушаняна, который во время интервью рассказал Заявителю свою версию событий. В статье не содержались прямые обвинения в адрес кого-либо из истцов или любых других конкретных граждан Азербайджана в совершении каких-либо преступлений. В ней также не было никаких клеветнических или уничижительных замечаний в отношении какого-либо конкретного человека и людей из Ходжалы в целом.

72. Заявитель отметил, что, в его статье отсутствовали утверждения о том, что кто-либо из погибших в Ходжалы был убит или изуродован азербайджанскими военными. Эти конкретные утверждения были сделаны неизвестным на форумах Интернет-сайта «AzeriTriColor». Заявитель настаивал на том, что не делал этих утверждений сам, и что, невзирая на эти аргументы в национальных судах, он был признан виновным главным образом на основании этих утверждений,

сделанных кем-то еще. В любом случае, в этих утверждениях не отрицался факт «Ходжалинской трагедии»; в них просто высказывались предположения относительно того, что могло послужить ее причиной. Даже если, что эти предположения могли не иметь достаточного фактографического основания, их следовало расценивать как некоторое преувеличение, дозволенное в рамках свободы выражения мнения.

73. Заявитель подчеркнул, что, помимо того, что он был признан виновным в искажении представления хода Ходжалинских событий, в азербайджанских законах отсутствовало положение, предполагающее какого-либо рода ответственность за наличие подозрений о бойне в Ходжалы или даже отрицание ее. Поэтому он не может нести ответственность в этом отношении. Однако суд постановил, что его утверждения предположительно опорочили шесть истцов в его уголовном деле, несмотря на то, что ни в «Карабахском дневнике» ни в постах на Интернет-форумах эти люди не были упомянуты ни по имени, ни как-либо еще.

74. Заявитель полагал, что проведение аналогий между настоящим делом и делом *Д. И. против Германиш* (упомянутым выше) было неуместно и неэтично. Он заявил, что поскольку события в Ходжалы еще не получили окончательную правовую оценку, было некорректно приравнивать их к Холокосту. Существует различие между государственной политикой целенаправленного убийства заключенных в лагерях смерти и потерями среди мирных жителей, ставших жертвами военных действий во время одного сражения. В последнем деле, можно было бы заявить, что власти Азербайджана несут часть ответственности за жертвы среди мирных жителей, т.к. они не предотвратили эту бойню. Заявитель подчеркнул, что, в «Карабахском дневнике», он был далек от отрицания факта бойни и не пытался обелить ответственных за нее. Он просто пытался сообщить азербайджанским читателям о взглядах армянского населения Нагорного Карабаха на этот вопрос. Написание статьи было актом доброй волей и попыткой смягчить отношения между сторонами конфликта.

75. Наконец, Заявитель сообщил, что вынесенные ему приговоры за совершение уголовных преступлений следует рассматривать в контексте «агрессивной политики» правительства, направленной на подавление свободы слова. Он отметил, что в последние годы ситуация

в области свободы выражения мнения серьезно ухудшилась, и что все большее число журналистов подвергается нападениям, арестам и судебному преследованию. Этот факт был отражен в ряде отчетов разнообразных международных организаций. Эти гонения привели к самоцензуре среди многих критиков правительства. Заявитель далее утверждал, что, признавая его виновным, власти были в первую очередь движимы намерением подавить его журналистскую активность вообще, т.к. он постоянно публиковал критические оценки политики правительства и обличал коррумпированность чиновников и их причастность к нарушениям гражданских и политических прав. Его незаконченное журналистское расследование дело И. Хусейнова (журналиста, убитого в 2005 году) затронуло некоторых высокопоставленных государственных чиновников, и, как следствие, перед событиями настоящего дела, он получил угрозы ареста и заключения.

(b) Предварительные замечания Суда

76. Обсуждение в рамках настоящего постановления утверждений Заявителя о Ходжалинских событиях предназначено исключительно для целей данного дела и проведено в контексте пересмотра Судом ограничений дискуссий на темы, вызывающие общественный интерес, в объеме необходимом для определения того, вышли ли национальные суды Государства-ответчика за отпущенные им рамки усмотрения, вмешавшись в осуществление Заявителем свободы выражения мнения. Это постановление не следует понимать как содержащее фактическую или правовую оценку Ходжалинских событий или суждение об их исторической значимости.

77. Далее, Суд отмечает, что, в связи с его утверждениями в «Карабахском дневнике» и сходными утверждениями, сделанными на Интернет-форумах, Заявитель был признан виновным в результате гражданских разбирательств, и затем, на основании тех же утверждений, - в уголовном процессе. Суд отмечает, однако, что Заявитель не высказывал конкретных претензий по статье 10 относительно гражданского иска в отношении него. Поэтому, Суд рассмотрит лишь вопрос о совместимости со статьей 10 факта вынесения Заявителю приговора в уголовном порядке; однако, для такого рассмотрения, он, при необходимости, проанализирует всю совокупность фактических обстоятельств, на фоне которых произошло

предполагаемое вмешательство в осуществление Заявителем своих прав.

(с) Оценка Суда

78. Суд считает, и Правительство не оспаривает, что приговор Заявителю национальными судами являлся «вмешательством» в осуществление его права на свободу выражения мнения. Такое вмешательство нарушает Конвенцию, если не удовлетворяет требованиям пункта 2 статьи 10. Поэтому необходимо определить, было ли оно «предписано законом», преследовало ли оно одну или более законных целей, изложенных в этом пункте, и было ли оно «необходимо в демократическом обществе» для достижения этих целей.

79. Приговор Заявителю был, бесспорно, основан на статьях 147.1 и 147.2 УК и преследовал цель защиты «репутации или прав других лиц», а именно уцелевшей в Ходжалинских событиях группы солдат и гражданских людей, которые подали уголовную жалобу в отношении Заявителя. Таким образом, Суд признает, что вмешательство был «предписано законом» и имело законную цель в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции.

80. Следовательно, Суду остается определить, было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе».

81. Вначале, Суд отмечает, что не может признать аргументы Правительства о возможности опереться на статью 17 Конвенции или их доводы о том, что данное дело имеет сходство с делом *Д. И. против Германии* (упомянутом выше). Ситуация в настоящем деле отличается от ситуаций, в которых защита по статье 10 снимается положениями статьи 17 по причине отрицания или попытки пересмотра четко установленных исторических фактов, таких как Холокост (см., *mutatis mutandis*, постановление по делу *Леидье и Изорни против Франции (Lehideux and Isorni v. France)*, от 23 сентября 1998 года, § 47, Отчеты о постановлениях и решениях 1998-VII). В настоящем деле, конкретные вопросы, обсуждавшиеся в «Карабахском дневнике», были предметом незаконченной дискуссии (см. пункт 87 ниже). В соответствии с выводами Суда ниже, нет оснований полагать, что Заявитель пытался отрицать факт массовых убийств мирных жителей в Ходжалы, или что он выражал презрение к жертвам этих событий. Скорее, Заявитель

поддержал одну из соперничавших точек зрения в дискуссии относительно существования свободного коридора для беженцев и, на этом основании, выразил мнение о том, что некоторые азербайджанские военные могли нести часть ответственности за бойню. Делая это, он, однако, не пытался выгородить тех, кто уже всеми признан виновниками этой бойни, снизить их ответственность или как-либо еще оправдать их действия. Суд считает, что утверждения, названные основанием приговора Заявителю, не являлись действиями, попиравшими ценности Конвенции или нацеленными на отрицание или ограничение прав и свобод, гарантированных в ней. Отсюда следует, что в настоящем деле свобода выражения мнения Заявителя не может быть лишена защиты статьи 10 положениями статьи 17 Конвенции.

82. Суд напоминает, что в соответствии с общим принципом «необходимость» любого ограничения свободы выражения мнения должна быть убедительно доказана. В первую очередь именно национальные судебные органы должны оценить факт существования «насущной общественной потребности» в применении ограничения, и, проводя свою оценку, они имеют определенные рамки усмотрения. В делах (подобных данному), касающихся прессы, национальные рамки усмотрения ограничены заинтересованностью демократического общества в обеспечении и сохранении свободной прессы. Таким же образом, эта заинтересованность будет иметь большой вес при определении, обязательном в соответствии с пунктом 2 статьи 10, соразмерности ограничения преследуемой законной цели (см. постановление по делу *Фресоз и Руар против Франции (Fressoz and Roire v. France)* [БП], № 29183/95, § 45, ЕСПЧ 1999-I).

83. Задача Суда при осуществлении его надзорной функции состоит не в том, чтобы подменять собой национальные органы власти, а в анализе принятых ими решений на соответствие требованиям статьи 10. Это не означает, что надзор ограничивается определением того, насколько разумно, аккуратно и добросовестно Государства-ответчики использовали свои полномочия; Суд должен рассмотреть обжалованное вмешательство в свете всего дела в целом, включая содержание замечаний, вменяемых в вину заявителю, и контекст, в котором они были сделаны (см. постановление по делу *Кумпана и Мадзаре против Румынии (Cumpăna and Mazăre v. Romania)* [БП], № 33348/96, § 89, ЕСПЧ 2004-XI).

84. В частности, Суд должен определить, были ли причины, приведенные национальными судебными властями в обоснование вмешательства «существенными и достаточными», и были ли предпринятые меры «соразмерны преследованным законным целям». Выполняя это, Суд должен убедиться в том, что национальные органы власти применили стандарты в соответствии с принципами, изложенными в статье 10 и, кроме этого, что они основывались в своей оценке на соответствующих фактах (см., среди многих других источников, постановление по делу *Шови и другие против Франции* (*Chauvy and Others v. France*), № 64915/01, § 70, ЕСПЧ 2004-VI).

85. В настоящем деле, утверждения, приписываемые Заявителю, касались резни в Ходжалы, произошедшей в ходе войны в Нагорном Карабахе. Конкретно, он обвинялся в беспочвенных утверждениях о том, что азербайджанские военные убили некоторых погибших в Ходжалы и изуродовали их трупы, что нанесло ущерб репутации конкретных людей, которые пожаловались на возбуждении уголовного дела в отношении него.

86. Учитывая, что война в Нагорном Карабахе является относительно недавним историческим событием, приведшим к значительным человеческим жертвам и обострившим обстановку в регионе, и что, невзирая на прекращение огня, конфликт еще по-прежнему не исчерпан, Суд осознает очень деликатный характер темы, обсуждавшейся в статье Заявителя. Суд понимает, с каким трепетом относятся к памяти о жертвах в Ходжалы в азербайджанском обществе, и что утрата сотен безвинных жизней гражданских людей во время Ходжалинских событий является источником глубокого национального горя и воспринимается большинством общества как один из наиболее трагических моментов в истории нации. При таких обстоятельствах, понятно, что утверждения, сделанные Заявителем могли быть восприняты как шокирующие или будоражающие общественность. Однако Суд напоминает, что, в соответствии с пунктом 2 статьи 10, свобода выражения мнения применима не только к «информации» или «идеям», выраженным в дружелюбной форме или воспринимаемым как нейтральные или бесстрастные, но также и тем, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство. Таковы требования плюрализма, терпимости и либерального мышления, без которых нет «демократического общества» (см. постановление по делу *Хэндисайд против Великобритании* (*Handyside v. The United Kingdom*), от 7 декабря 1976 года, § 49, Серия № 24).

87. Более того, Суд отмечает, что поиск исторической правды является неотъемлемой частью свободы выражения мнения. В то же время, в функции Суда не входит оценка исторических событий, обсуждение которых историками еще продолжается, что и формирует точку зрения на события и толкования (см. дело *Шови и другие против Франции*, упомянутое выше, § 69). Суд, таким образом, считает, что устранение разногласий во мнениях относительно исторических фактов, касающихся Ходжалинских событий, не является его задачей. Поэтому, не пытаясь вывести окончательного заключения в этом отношении, Суд ограничится следующими замечаниями, важными для анализа настоящего дела. По видимому, отчеты независимых источников указывают на то, что во время захвата Ходжалы в ночь с 25 на 26 февраля 1992 года сотни мирных жителей азербайджанской национальности были убиты, ранены или взяты в плен, во время своей попытки спастись из захваченного города, армянскими военными, атаковавшими город при поддержке, по имеющимся сообщениям, 366-ого мотострелкового полка (см. пункты 60-62 выше). Однако, помимо этого аспекта, налицо отсутствие как ясности, так и согласия относительно некоторых других сторон и подробностей Ходжалинских событий. Например, существуют противоречащие точки зрения относительно того, был ли в действительности предоставлен свободный коридор для выхода мирных жителей из города (см., например, выдержки из отчета «Мемориала» в пункт 62 выше). Так же, существуют разные мнения о роли и ответственности азербайджанских властей и вооруженных сил в этих событиях, причем в некоторых отчетах говорится о том, что они могли сделать больше для защиты мирных жителей, а в некоторых делаются предположения о том, что своими действиями они способствовали усугублению ситуации. Возникли вопросы о том, насколько правильно была организована защита города, и если нет, то не было ли это результатом национально-политической борьбы в Азербайджане. Учитывая сказанное выше, Суд считает, что различные вопросы, связанные с Ходжалинскими событиями, по-прежнему остаются открытыми для дискуссии среди историков, и должно быть вызывают всеобщий интерес в современном азербайджанском обществе. В этой связи, Суд также напоминает о важности для демократического общества беспрепятственного обсуждения причин событий имевших особое значение, которые можно расценивать как военные преступления или преступления против человечности (см., *mutatis mutandis*, дело *Леудье и Изорни против Франции*, упомянутое выше, §§ 54-55).

88. Другим особо важным фактором при рассмотрении Судом данного дела является насущная роль «стража общественных интересов», которую играет пресса в демократическом обществе (см. постановление по делу *Гудвин против Великобритании (Goodwin v. The United Kingdom)*, от 27 марта 1996 года, § 39, Отчеты 1996-II). Притом, что она не должна переступать определенные границы, в частности в отношении репутации и прав других, ее обязанность вместе с тем состоит в распространении – в манере, соответствующей ее обязательствам и ответственности – информацию и идеи по политическим и другим вопросам, представляющим всеобщий интерес (см., среди многих других источников, постановления по делам *Де Хаес и Гийсельс против Бельгии (De Haes and Gijssels v. Belgium)*, от 24 февраля 1997 года, § 37, Отчеты 1997-I, и *Коломбани и другие против Франции (Colombani and Others v. France)*, № 51279/99, § 55, ЕСПЧ 2002-V).

89. Сначала Суд рассмотрит утверждения, сделанные Заявителем в «Карабахском дневнике», а затем перейдет к оценке публикаций на Интернет-форумах, авторство которых приписывают Заявителю. В том, что касается «Карабахского дневника», необходимо для начала ознакомиться с общим контекстом и целью этой газетной статьи. Изучив статью, Суд считает, что в целом она написана в описательном стиле и предназначена для информирования азербайджанских читателей о происходящем в определенном районе. Сама по себе, она касалась предмета, вызывающего всеобщий интерес, и рядовые члены общественности не имели много информации такого рода в своем распоряжении в условиях незаконченного конфликта, и общественность была вправе получать информацию о том, что происходило в местах, над которыми их страна потеряла контроль в результате войны. Статья также производит впечатление того, что автор пытался передать, в непредвзятой манере, различные идеи и взгляды обеих сторон конфликта. Таков контекст, в котором были сделаны утверждения, вменяемые Заявителю в вину.

90. Рассматривая выдержки, содержащие утверждения, в которых обвиняют Заявителя (см. пункт 12 выше), в целом не легко разграничить высказывания, приписываемые другим людям, и замечания, непосредственно отражающие точку зрения автора. Конкретно, Заявитель утверждал, что вооруженные силы, атаковавшие Ходжалы, оставили коридор, по которому могли уйти мирные жители.

Он далее сообщал, что когда они воспользовались коридором для этой цели, азербайджанские солдаты повели некоторых из них в другом направлении, где находились армянские формирования. Он также заявил, что оставшиеся беженцы были обстреляны артиллерией с азербайджанской стороны. Создается впечатление, что эти утверждения не отражали собственных взглядов Заявителя, а лишь были передачей того, что он услышал от других людей (некоторых неназванных беженцев из Ходжалы, с которыми он предположительно встретился ранее, и представителя армян Нагорного Карабаха). Тот факт, что он передал утверждения этих людей, у которых взял интервью, необязательно означает, что он сделал это с целью доказать их достоверность; скорее, он просто передал мнения других людей. Однако, могут возразить, что по мере развития этой темы автор начал смешивать собственные взгляды с взглядами своих источников, что очевидно из такой фразы, как «Я могу сказать с полной уверенностью, что ...». Здесь, он признавал, что коридор действительно существовал и выдвигал новое предположение о том, что «видимо, батальоны НФА не столько стремились к спасению мирного населения Ходжалы, сколько к пролитию еще большей крови на пути к свержению А. Муталибова». Однако это утверждение, взятое без контекста или вместе с более ранними утверждениями, оставляло большое пространство для домысливания относительно того, что конкретно сделали «батальоны НФА», чтобы способствовать пролитию «еще большей крови», и не содержало никаких конкретных обвинений в том, что они осуществили какие-то действия.

91. В этом контексте необходимо отметить, что может создаться впечатление, что повествование в оспоренной части статьи было довольно нестройным, вследствие чего многие утверждения кажутся незаконченными, неполными или даже не имеющими между собой четкой логической связи. Порой трудно уследить за развитием мысли автора и понять, что именно он имеет в виду, особенно для читателя не слишком осведомленного о тонкостях обсуждаемой темы. Например, после утверждения о том, что азербайджанские солдаты повели часть беженцев в направлении Нахичевани, повествование немедленно перескакивает к обсуждению другой группы беженцев, так что остается неясно, что произошло с первой группой дальше. Автор мог иметь в виду, что, из-за того, что их (намеренно или нет) увели в другом направлении, беженцы не смогли спастись через предназначенный для этого коридор, но попали под вражеский огонь, приблизившись к другим вражеским формированиям,

располагавшимся рядом с Нахичеванью, тогда как другая группа попала под обстрел своих (случайно или нет). Но ничего из сказанного выше не было однозначным, и другие толкования также возможны. Как видно на этом примере, утверждения и заключения, сделанные в этой статье, были довольно немногочисленны, расплывчаты, нечетко сформулированы и могли быть поняты по-разному. Суд отмечает, что «Карабахский дневник» не является журналистским расследованием, сосредоточенным непосредственно на Ходжалинских событиях, и считает, что утверждения Заявителя об этих событиях были сделаны мимоходом, параллельно основной теме статьи. Таким образом, опираясь на весьма ограниченный объем информации, Заявитель довольно расплывчато выразил мысль о том, что некоторые азербайджанские военные формирования несли часть ответственности за участь погибших в Ходжалы.

92. Таким образом, хотя в статье содержались замечания о том, что некоторые азербайджанские военные формирования (упоминаемые как «батальоны НФА») в определенной степени, несли ответственность за совершенные массовые убийства, в ней не было прямых обвинений азербайджанских военных или конкретных людей в совершении этой бойни и намеренном убийстве мирных жителей. Поскольку роль и ответственность азербайджанских властей за неспособность предотвратить или, напротив, провоцирование Ходжалинских событий составляют предмет незаконченной дискуссии (см. пункт 87 выше), Заявитель как журналист имеет право в соответствии со Статьей 10 на распространение идей, касающихся этой темы. Суд отмечает в этой связи, что журналистская свобода также предполагает возможность прибегнуть к определенной степени преувеличения, или даже провокации (см., среди других источников, постановление по делу *Бладет Тромсе и Стенсаас против Норвегии (Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway)* [БП], № 21980/93, § 59, ЕСПЧ 1999-III). Даже если предположить, что по причине возможной скудности или сомнительного характера информации из источников Заявителя его замечания в «Карабахском дневнике» относительно ответственности некоторых азербайджанских защитников Ходжалы были преувеличены, они вместе с тем не содержали прямых и конкретных обвинений последних в совершении каких-либо военных преступлений.

93. Что касается замечаний, сделанных в публикациях на Интернет-форуме сайта «AzeriTriColor», приписываемых Заявителю, Суд

отмечает, что Заявитель отрицал свою причастность к ним. Вместе с тем, рассматривая совокупность свидетельств, имевшихся в распоряжении национальных судов для определения того, был ли Заявитель автором этих публикаций, Суд отмечает, что указанные свидетельства выглядят вполне убедительно. При таких обстоятельствах, Суд признает, что авторство Заявителя этих утверждений было доказано вне всяких сомнений.

94. Следующие конкретные утверждения были сделаны в рамках публикации на форуме: «...в часть жителей Ходжалы стреляли наши [войска]... Было ли это сделано намеренно или нет, предстоит выяснить следователям... [Они были убиты] не [какими-то] таинственными [стрелками], а провокаторами из батальонов НФА... [Трупы] были изуродованы нашими собственными...»... Суд считает эти утверждения вполне конкретными в том смысле, что они содержали обвинения неназванных «провокаторов» из «батальонов НФА» в стрельбе по собственным мирным жителям и уродовании их тел. Суд отмечает, что автор не подкрепил эти утверждения никакими доказательствами и не сослался на какие-либо конкретные источники. Эти утверждения отличались от тех, которые содержались в «Карабахском дневнике» в том, что они представляли собой обвинения азербайджанских военных в убийстве некоторых местных жителей (хотя возможно и ненамеренно), и в намеренном уродовании трупов. По своей сути эти утверждения не были простыми предположениями, как в «Карабахском дневнике», о возможной ответственности азербайджанских военных за неспособность предотвратить ширококомасштабное кровопролитие, основанными на сообщениях из различных источников о том, что свободный коридор действительно существовал, и что беженцам не позволили им воспользоваться. Что касается этих публикаций на Интернет-форуме, Заявитель не утверждал, что беженцы из Ходжалы или армянские должностные лица, у которых он брал интервью и которые являлись основными источниками информации, помещенной в «Карабахский дневник», когда-либо конкретно обвиняли азербайджанских военных в глумлении над трупами своих мирных жителей. В такой ситуации можно возразить, что утверждения, сделанные в постах Интернет-форума, могут расцениваться как пример «определенной степени преувеличения» или «провокации» допустимой при осуществлении журналистской свободы.

95. В этой связи Суд напоминает о том, что осуществление свободы выражения мнения налагает обязанности и ответственность, а защитный механизм, заложенный в статье 10, предполагает соблюдение условия того, что журналист действует добросовестно для предоставления точной и надежной информации в соответствии с журналистской этикой (см., среди других источников, постановление по делу *Радио Франс и другие против Франции (Radio France and Others v. France)*, № 53984/00, § 37, ЕСПЧ 2004-II, и дело *Коломбани против Франции*, упомянутое выше, § 65). В настоящем деле, неясно, был ли Заявитель намерен опубликовать эти утверждения в качестве журналиста, информирующего общественность, либо он просто выразил свое личное мнение рядового гражданина в ходе Интернет-дискуссии. Вместе с тем, очевидно, что, зарегистрировавшись под именем «Эйнулла Фатуллаев», Заявитель, будучи известным журналистом, не скрывал своей личности, и что он публично распространил свои утверждения, разместив их на легко доступном и популярном Интернет-форуме, в среде, которая в наши дни оказывает не меньшее воздействие на людей, чем печатные СМИ. Распространенные утверждения не являлись оценочными суждениями, а имели очевидный фактологический характер. Притом, что достоверность оценочных суждений не подлежат доказыванию, существование фактов можно доказать (см. дело *Де Хаеса и Гийсельса против Бельгии*, упомянутое выше, § 42). Более того, прямое обвинение конкретных людей в конкретных поступках требует достаточного фактологического основания (см., *mutatis mutandis*, постановление по делу *Махмудов и Агазадэ против Азербайджана (Mahmudov and Agazade v. Azerbaijan)*, № 35877/04, § 45, от 18 декабря 2008 года).

96. Однако, Суд считает, что, в обстоятельствах данного дела, нет необходимости стремиться к принятию окончательного заключения о наличии или отсутствии достаточного фактологического основания для вышеуказанных утверждений, или об их объективной достоверности или ложности по следующим причинам. Суд подчеркивает, что Заявитель был признан виновным не просто в распространении вышеуказанных утверждений. Он был осужден не за сам акт распространения предположительно ревизионистских утверждений, касавшихся исторических событий. Скорее, обжалованное вмешательство в настоящем деле приняло форму осуждения в уголовном порядке, основанного на заключении о том, что утверждения, распространенные Заявителем, порочили конкретных

людей. Поэтому, признавая, что автором утверждений в публикациях на Интернет-форуме был Заявитель, и что они были ложными или непроверенными, необходимо определить, указали ли национальные суды достаточные и существенные причины в обоснование своего вывода о том, что эти утверждения наносили ущерб репутации конкретных людей.

97. Этими людьми были четверо беженцев из Ходжалы и два бывших солдата, принимавших участие в уголовном процессе в качестве частных обвинителей. Они утверждали, что утверждения Заявителя были клеветническими и оскорбительными для их чести и достоинства. Более того, с точки зрения двух бывших солдат, заявив, что азербайджанские солдаты убивали мирных жителей и уродовали их трупы, Заявитель прямо и ложно обвинил их лично в совершении тяжких преступлений.

98. В отношении предполагаемого оскорбления чести и достоинства беженцев из Ходжалы, Суд считает, что ни в «Карабахском дневнике», ни в публикациях на Интернет-форуме не было ничего, что позволило бы сказать, что Заявитель отрицал сам факт массовых убийств мирных жителей или оправдывал кого-либо из подозреваемых действительных виновников, будь то армянские военные, военнослужащие 366-ого мотострелкового полка или кто-либо еще. Ни одно из оспоренных утверждений нельзя истолковать как сомнение в серьезности страданий, выпавших на долю жертв Ходжалы. Притом, что автор действительно обвинял «батальоны НФА» в стрельбе по некоторым беженцам и глумлении над трупами жертв, нельзя сказать, что это было утверждение, рассчитанное на умаление достоинства жертв Ходжалинских событий или намек на то, что случившееся с ними было менее трагично, чем представляется. Напротив, Заявитель выразил глубокую печаль по поводу участи жертв и уцелевших в событии, которое он назвал «трагедией в Ходжалы». По этим причинам, Суд не может согласиться с выводом национальных судов о том, что в статье содержались утверждения, оскорблявшие достоинство жертв Ходжалы и спасшихся вообще и, более конкретно, четырех частных обвинителей-беженцев из Ходжалы.

99. Что касается предполагаемого ложного обвинения в том, что оставшиеся два частных обвинителя совершили тяжкие преступления, Суд отмечает, что Заявитель действительно сделал обвинительные утверждения в отношении неназванных «провокаторов» из

«батальонов НФА». Даже если предположить, что эти утверждения не были достаточно обоснованы, Суд отмечает, во-первых, что эти утверждения, очевидно, не подразумевали всей азербайджанской армии или все азербайджанские военные формирования, принимавшие участие в боевых действиях в этом районе, или даже всех защитников Ходжалы, участвовавших в бою ночью с 25 на 26 февраля 1992 года. Утверждения относились только к части защитников города, упоминавшихся как «батальоны НФА». Во-вторых, Суд отмечает, что эти утверждения не содержали обвинений в адрес конкретных людей – не было указаний имен или какой-либо другой уточняющей информации. В частности, ни один из двух частных обвинителей, которые, по их словам, воевали в Ходжалы, не были названы по имени или упомянуты иным образом ни в «Карабахском дневнике», ни в постах на Интернет-форуме. Ни истцы, ни национальные суды не выдвинули никаких доводов в пользу того, что этих двух человек можно было узнать как, или считать как-либо причастными к «провокациям», фигурировавшим в утверждениях Заявителя. При таких обстоятельствах, Суд считает, что не было убедительно установлено, что своими утверждениями Заявитель прямо обвинил двоих истцов в том, что они лично совершили тяжкие преступления.

100. Учитывая сказанное выше, Суд считает, что, хотя «Карабахский дневник» возможно, содержал определенные преувеличенные или провокационные утверждения, автор не переступил границы журналистской свободы, выполняя свой долг по распространению информации на темы, вызывающие всеобщий интерес. С другой стороны, учитывая, что определенные утверждения в публикациях на Интернет-форуме, приписываемые Заявителю, возможно, не имели под собой достаточного фактического основания, не было убедительно доказано, что они порочили конкретных людей, выступавших в роли частных обвинителей в деле Заявителя. При таком положении вещей Суд делает вывод, что причины, приведенные национальными судами в обоснование приговора Заявителю нельзя считать соответствующими и достаточными, и что, поэтому признание его виновным в оскорблении чести и достоинства не отвечало «насушной общественности потребности».

101. Более того, в любом случае, даже если исходить из того, что вмешательство отвечало «насушной общественности потребности», Суд считает, что в настоящем деле не было соблюдено требование соразмерности.

102. Суд напоминает, что характер и суровость примененных санкций являются факторами, которые следует принимать во внимание при оценке соразмерности вмешательства в осуществление свободы выражения мнения, гарантированной в статье 10 (см., например, постановление по делам *Сейлан против Турции (Ceylan v. Turkey)* [БП], № 23556/94, § 37, ЕСПЧ 1999-IV; *Скалка против Польши (Skalka v. Poland)*, № 43425/98, §§ 41-42, от 27 мая 2003 года; и *Педерсен и Баадзгаард против Дании (Pedersen and Baadsgaard v. Denmark)* [БП], № 49017/99, § 93, ЕСПЧ 2004-XI). Суд должен также проявлять крайнюю осторожность в случаях, когда меры, предпринятые национальными властями, и примененные санкции таковы, что они отталкивают прессу от участия в обсуждениях тем, вызывающих законную обеспокоенность общественности (см. дело *Кумпана и Мадзаре против Румынии*, упомянутое выше, §111). Хотя Договаривающиеся государства вправе или даже обязаны, в соответствии с позитивными обязательствами, возложенными на них статьей 8 Конвенции, регулировать осуществление свободного выражения мнения для обеспечения адекватной правовой защиты репутации людей (см. постановление по делу *Пфайфер против Австрии (Pfeifer v. Austria)*, № 12556/03, § 35, ЕСПЧ 2007-XII), они не должны делать это таким образом, чтобы отпугивать СМИ от выполнения своей задачи по информированию общественности по вопросам, представляющим общественный интерес. Журналисты, занимающиеся расследованиями, вероятно, воздержатся от сообщений на животрепещущие темы, если в этом случае они подвергаются риску оказаться приговоренными к лишению свободы, что является одной из стандартных санкций за необоснованные нападки на репутацию частных лиц. Страх перед таким наказанием неизбежно возымеет охлаждающий эффект на осуществление журналистской свободы выражения мнения (см. постановление по делу *Махмудова и Агазадэ против Азербайджана*, упомянутое выше, § 49).

103. В настоящем деле, Заявитель был приговорен к двум годам и шести месяцам лишения свободы. Это, несомненно, было очень суровое наказание, особенно с учетом того, что Заявитель уже подвергся судебному преследованию за те же самые утверждения в рамках гражданского процесса, в итоге которого ему пришлось выплатить значительное возмещение ущерба. Суд напоминает, что, хотя вынесение приговора в принципе является делом национальных судов, выбор лишения свободы в качестве наказания за

правонарушение в сфере СМИ совместимо с журналистской свободой выражения мнения, гарантированной в статье 10 Конвенции, только при исключительных обстоятельствах, в частности, когда серьезно ущемлены другие основные права, как, например, в делах, связанных с разжиганием ненависти и подстрекательством к насилию (*ibid.*, § 50; см. также дело *Кумпана и Мадзаре против Румынии*, упомянутое выше, §115). Суд считает, что обстоятельства данного дела не дают оснований для вынесения Заявителю приговора в виде лишения свободы.

104. Учитывая сказанное выше, Суд приходит к заключению о том, что вмешательство в осуществление Заявителем своего права на свободу выражения мнения нельзя считать «необходимым в демократическом обществе».

105. При вынесении Заявителю первого приговора в уголовном порядке была нарушена статья 10 Конвенции.

2. Второе осуждение в уголовном порядке

(а) Аргументы сторон

106. Правительство утверждало, что приговор, вынесенный Заявителю в итоге второго уголовного процесса, также был предписан законом и оправдан «интересами общественной безопасности».

107. Правительство согласилось с оценкой, данной национальными судами сведениям, с распространенным Заявителем в статье «Алиевы идут на войну». Его представитель отметил, что это статья, в которой говорилось о возможных атаках на разнообразные учреждения в Азербайджане, вышла в период возрастающего напряжения между Ираном и рядом других членов международного сообщества, что породило многочисленные сообщения о возможных военных операциях в отношении Ирана, соседней с Азербайджаном страной. В этой ситуации, Заявитель опубликовал ряд непроверенных и неточных утверждений о фактах. Его действия не соответствовали обязанностям и ответственности, являющимся оборотной стороной журналистской свободы, были недобросовестны и нарушали журналистскую этику. Информация, опубликованная Заявителем, была получена из разнообразных иногда неназванных источников, которые Заявитель не подверг независимой проверке.

108. По указанным выше причинам, Правительство заключило, что решения национальных судов были основаны на сбалансированном учете интересов общественной безопасности и права Заявителя, гарантированного в статье 10.

109. Заявитель заметил, что аргументы Правительства, касавшиеся этой части жалобы, были «поверхностными и формальными», учитывая серьезность нарушений, в которых он был признан виновным, лишь в результате опубликования аналитической статьи.

110. Заявитель привел аргумент о том, что, действительно, во время опубликования статьи в регионе выросло напряжение вследствие ухудшения американо-иранских отношений. Ухудшение отношений между Ираном и США и вероятность войны между этими государствами не были плодами воображения Заявителя, эти факты следовали из многочисленных утверждений высокопоставленных лиц и политиков США и Ирана, включая президентов обоих государств. В своих интервью в тот период, иранские должностные лица недвусмысленно заявляли, что, в случае нападения США на Иран, контрударам подвергнутся различные учреждения на территории Азербайджана.

111. Статья «Алиевы идут на войну» была аналитическим материалом, информация для которого была взята из многих других статей на эту тему, опубликованных в различных СМИ. Заявитель отметил, что предмет статьи явно вызывал общественную обеспокоенность. То обстоятельство, что Азербайджан был активным членом «антитеррористической» коалиции, возглавляемой США и уже направил своих миротворцев в Ирак и Афганистан, усиливало вероятность того, что Азербайджан окажется вовлеченным в войну США и Ирана, если она начнется. Заявитель отметил, что «сотни подобных статей», отражавших мнения и заключения относительно возможности ударов по Азербайджану, были опубликованы как до, так и после публикации его статьи. В подтверждение этого, Заявитель представил несколько статей, помещенных в местных и иностранных печатных СМИ и на новостных Интернет-сайтах в 2006 и 2007 годах (включая «Зеркало», «Наш век», «Российский Ньюзвик», «Моску Ньюз» и «Кавказский узел»). Во всех этих статьях обсуждалась геополитическая роль Азербайджана в контексте американо-иранских отношений и, на основании некоторых комментариев иранских

правительственных чиновников, высказывались предположения, что, в случае американо-иранской войны, было вероятно, что Азербайджан также окажется втянутым в нее и что Иран может даже атаковать определенные стратегические учреждения на территории Азербайджана, такие как нефте- и газопроводы и аэропорты.

112. Более того, Заявитель отметил, что в своей статье он лишь критиковал политические решения правительства, включая кадровую политику в органах власти в южном регионе страны, и предположил, что, назначая чиновников из другого региона на руководящие должности, центральные органы власти порождали недовольство местного населения, состоящего главным образом из талышского меньшинства. В статье затрагивалась сложная социально-экономическая ситуация в этом регионе, которая, вкупе с потенциальными сепаратистскими тенденциями, была актуальной темой в контексте возможной войны с соседним Ираном. Заявитель утверждал, что необходимость публикации этой статьи была продиктована его обязанностью предоставлять читателям газеты полную информацию о событиях в стране и регионе.

113. Заявитель отметил, что он был признан виновным по статьям 214.1 и 283 УК, невзирая на то, что не совершал действия, запрещенные этими положениями. Он не был вовлечен в какую-либо террористическую деятельность, и не разжигал национальной вражды. Он не преследовал цель посеять страх среди населения или оказать давление на государственные органы власти совершением или угрозами совершения террористических действий. Он лишь опубликовал анализ возможного развития событий в будущем, основываясь на информации, которую он получил из других многочисленных источников. Заявитель также отметил, что обвинения в отношении него в уклонении от налогов были сфабрикованы, и что эти нападки также следует расценивать как вмешательство в осуществление им свободы выражения мнения.

114. Заявитель повторил, что настоящей причиной вынесения приговора была его журналистская деятельность в целом, поскольку он был жестким критиком политики правительства, коррупции и нарушений гражданских и политических прав людей.

(b) Оценка Суда

115. Вынесение Заявителю приговора за публикацию второй статьи, бесспорно, явилось вмешательством в осуществление его право на свободное выражение мнения. Суд признает, что это вмешательство было предписано законом; в частности, статьями 214.1 и 283.2.2 УК. При проведении дальнейшего анализа, Суд также принимает аргумент Правительства о том, что вмешательство преследовало законную цель сохранения общественной безопасности. Таким образом, остается определить, было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе».

116. В этой связи, Суд напоминает об общих принципах, касающихся необходимости ограничений свободы выражения мнения и собственной задаче осуществления надзорных функций в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции (см. пункты 82-84 выше), а также об общих принципах, определяющих роль прессы в демократическом обществе (см. пункт 88 выше). А именно, Суд вновь подчеркивает, что в соответствии с пунктом 2 статьи 10 рамки возможного ограничения выступлений на политические темы или дискуссий по вопросам, представляющим общественный интерес, довольно узки. Суд также напоминает, что границы допустимой критики шире в отношении Правительства, чем в отношении рядовых граждан или даже политиков. При демократии действия или бездействие Правительства должны становиться объектом пристального внимания не только со стороны законодательных и судебных органов власти, но также и общественности. Более того, доминирующее положение, которое занимает Правительство, обязывает его к сдержанности при возбуждении уголовных дел, даже когда ему приходится иметь дело с необоснованными нападками и критикой со стороны оппонентов, особенно когда существуют другие средства ответа (см. постановление по делу *Инкал против Турции (Incal v. Turkey)*, от 9 июня 1998 года, § 54, Отчеты 1998-IV). Далее, если публикацию нельзя рассматривать как подстрекательство к насилию или разжигание национальной ненависти, Договаривающиеся государства не могут, ссылаясь на поддержание общественного порядка и безопасности, ограничивать право общественности на получение информации на темы, вызывающие всеобщий интерес, подвергая СМИ давлению со стороны уголовного законодательства (см. постановления по делам *Сюрек и Оздемир против Турции (Sürek and Özdemir v. Turkey)* [БП], № 23927/94

и 24277/94, § 63, от 8 июля 1999 года, и *Эрдогду против Турции* (*Erdogdu v. Turkey*), № 25723/94, § 71, ЕСПЧ 2000-VI).

117. Суд отмечает, что публикация «Алиевы идут на войну» была аналитической статьей, сосредоточенной на конкретной роли Азербайджана в событиях на арене международной политики, касавшихся американо-иранских отношений, актуальных во время написания статьи. Сама по себе, эта публикация была частью политической дискуссии по вопросу, вызывающему всеобщую обеспокоенность. Суд отмечает в этой связи, что всегда придерживался подхода, требовавшего наличия действительно убедительных причин для обоснования ограничений высказываний на политические темы, поскольку применение широких ограничений в отдельных делах, несомненно, сказалось бы на свободе выражения мнения в целом в конкретном государстве (см. постановления по делам *Фельдек против Словакии* (*Feldek v. Slovakia*), № 29032/95, § 83, ЕСПЧ 2001-VIII, и *Карман против России* (*Karman v. Russia*), № 29372/02, § 36, 14 декабря 2006 года).

118. Суд отмечает, более конкретно, что Заявитель критиковал внешне- и внутреннеполитические шаги, сделанные азербайджанским правительством, обращая внимание на то, что продолжавшийся тесный союз с США мог ввергнуть Азербайджан в возможную американо-иранскую войну, которая во время публикации была злободневной темой, серьезно обсуждавшейся различными аналитиками как вероятный сценарий развития противостояния США и Ирана. Далее автор предложил гипотетический сценарий такой войны, в соответствии с которым Иран отреагирует бомбовыми ударами по ряду учреждений на территории Азербайджана, которого Иран предположительно считал одним из союзников США в регионе. Суд отмечает, что, действительно, Заявитель был не единственным, кто комментировал вероятность такого развития событий, поскольку ряд других СМИ также высказывали в этот период предположения о том, что в случае войны, Азербайджан может также оказаться втянутым в нее, и, ссылаясь на определенные утверждения иранских представителей, строили предположения о возможных конкретных мишенях для иранских атак, включая трубопровод Баку-Тбилиси-Сейхан и различные правительственные учреждения.

119. Возможно, список таких «мишеней», составленный Заявителем, был длиннее и подробнее других. Однако, по мнению Суда, даже если

предположить, что источники информации Заявителя, касавшейся предполагаемого существования такого списка мишеней, не была полностью проверена, сам по себе факт того, что Заявитель опубликовал этот список, не увеличивал и не сокращал шансы гипотетической агрессии со стороны Ирана. Более того, национальные органы власти никогда не делали заявлений о том, что, опубликовав этот список, Заявитель раскрыл какие-либо государственные тайны или помешал национальному военному руководству. В контексте этой статьи в целом, упоминание этого «списка мишеней» могло быть воспринято только как попытка нарисовать перед читателями драматическую картину конкретных последствий возможной вовлеченности страны в будущую войну.

120. В этой связи, Суд не может принять довод Правительства о том, что Заявитель не подкрепил своего «утверждения о факте» ссылками на надежный источник. Во-первых, как упоминалось выше, подобные утверждения были сделаны в других многочисленных публикациях. Во-вторых, статья Заявителя содержала мнение Заявителя о гипотетических сценариях возможных событий в будущем, и, как таковое, это мнение не подлежало доказыванию. Любые мнения о будущих событиях, по своей сути, предполагают высокую степень домысливания. Осуществимость или неосуществимость сценариев, предложенных Заявителем, были предметом для общественного обсуждения, и от каждого разумного читателя можно было ожидать понимания, что замечания Заявителя о возможном ходе будущей войны носят гипотетический характер.

121. Суд отмечает, что вмешательство в настоящем деле распространилось на публикацию во всей ее полноте. В частности, национальные суды пришли к выводу о том, что помимо прочего, своей критикой поддержки Азербайджаном «анти-иранской» резолюции ООН и написанием статьи о возможности иранских бомбовых ударов по определенным мишеням в Азербайджане, Заявитель совершил преступление в форме создания террористической угрозы по статье 214.1 УК. Суд отмечает, что в его компетенцию не входит оценка составляющих элементов правонарушений в национальном законе о терроризме и угрозе терроризма с целью усмотреть состав преступления в действиях Заявителя. В первую очередь, национальные судебные органы власти, а именно суды, должны истолковывать и применять национальные законы (см., среди многих других источников, дело *Леидье и Изорни против Франции*,

упомянутое выше, § 50). Задача Суда состоит лишь в рассмотрении с точки зрения статьи 10 вынесенных ими решений в отпущенных им пределах усмотрения. Выполняя это, Суд должен убедиться в том, что национальные суды основывали свои решения на приемлемой оценке соответствующих фактов (см. пункт 84 выше; см. также дело *Инкал против Турции*, упомянутое выше, § 48).

122. Принимая во внимание оценку фактов национальными судами, Суд отмечает, что, основываясь на свидетельствах нескольких человек (которых нет оснований считать подобранными специально), они пришли к выводу о том, что утверждения Заявителя были направлены на «устрашение населения» и сеяли панику среди населения. В этом отношении Суд напоминает, что свобода выражения мнения применима не только к «информации» или «идеям», принимаемым благожелательно или воспринимаемым как нейтральные или бесстрастные, но также и тем, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство государству или любой части населения (см. пункт 86 выше). В обязанности Заявителя, как журналиста, входило распространение информации и идей, касающихся насущных политических вопросов, и выражение мнения о возможных будущих последствиях конкретных решений, принятых правительством. Суд считает, что, поступив так, он не вышел за рамки, установленные в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции.

123. Далее, Суд отмечает, что национальные суды характеризовали утверждения Заявителя как угрожавшее правительству разрушением государственной собственности и действиями, угрожавшими человеческой жизни, с целью оказания влияния на правительство воздержаться от принятия политических решений необходимых для соблюдения национальных интересов. Однако, принимая во внимание обстоятельства дела, Суд не может не прийти к выводу, что оценка национальных судов о том, что Заявитель угрожал государству террористическими действиями, был совершенно необоснованной. Заявитель, как журналист и частное лицо, очевидно, не имел возможности повлиять ни на какие гипотетические события, обсуждавшиеся в статье, и никак не мог контролировать какие-либо решения иранских властей о нападении на учреждения на территории Азербайджана. Заявитель также не выразил никакого одобрения возможного нападения и не выдвигал аргументов в его пользу. Как отмечалось выше, Суд считает, что написание статьи преследовало цель информирования общественности о возможных последствиях

(незвизрая на степень их вероятности) внешней политики правительства и, более конкретно, критики последнего за принятие определенных решений, таких как поддержка «анти-иранской» резолюции Совета Безопасности ООН. Однако в статье нет ничего, что заставляло бы думать, что утверждения Заявителя были направлены на устрашение или «оказание давления» на правительство незаконными методами. На деле, единственным средством, которым, можно сказать, воспользовался Заявитель для того, чтобы «оказать давление» на государственные органы власти в настоящем деле, было осуществление своей свободы выражения мнения, в соответствии с границами, установленными в статье 10, и выражение своего несогласия с политическими решениями власти в рамках общественной дискуссии, которая должна проходить свободно в любом демократическом обществе.

124. В свете сказанного выше, Суд считает, что национальные суды произвольно применили уголовные положения о терроризме в настоящем деле. Такое неоправданное вмешательство в осуществление свободы выражения мнения, которая является одним из оснований демократического общества, не должно происходить в правовом государстве.

125. Суд также не удовлетворен причинами, приведенными национальными судами в обоснование приговора Заявителю по статье 283.2.2 УК. Он отмечает, что, в контекст обсуждения политики правительства, касавшейся отношений с США и Ираном, Заявитель выразил мнение о том, что эта политика, вкуне с предполагаемыми ошибками центральных органов власти, могла привести к политическим беспорядкам среди жителей южных регионов страны. Автор упомянул, что эти регионы столкнулись с рядом таких социально-экономических проблем, как безработица и усиливающаяся наркомания. Он также отметил, что местное население выражало недовольство тенденцией центральных органов власти назначать выходцев из других частей страны на официальные должности в региональную администрацию.

126. По мнению Суда, вышеупомянутые вопросы, поднятые в соответствующих частях статьи Заявителя можно рассматривать как вызывавшие законную общественную обеспокоенность, которые Заявитель был вправе донести до общественности через прессу. Простой факт того, что он обсуждал социальную и экономическую

ситуацию в регионах, населенных национальными меньшинствами, и выразил мнение о возможности политического напряжения в этих регионах, нельзя расценивать как разжигание национальной вражды. Хотя соответствующие части могли содержать определенные категорично и резко выраженные мнения, а также определенную степень преувеличения в критике действий, предположительно предпринимавшихся центральными органами власти в отношении талышского меньшинства, Суд считает вместе с тем, что они не были выражены языком вражды и не могут восприниматься как подстрекавшие к межнациональным столкновениям или унижавшие достоинство какой-либо национальной группы в какой-либо форме.

127. Учитывая сказанное выше, Суд делает вывод о том, что национальные суды не представили существенного обоснования для вынесения Заявителю приговора по обвинению в создании террористической угрозы и разжигании национальной розни.

128. Суд также считает, что серьезность вмешательства в настоящем деле усугубляется крайней суровостью наказания, примененного в отношении Заявителя, которого приговорили к восьми годам лишения свободы по обвинению в создании террористической угрозы и трем годам лишения свободы по обвинению в разжигании национальной вражды. Итоговый приговор равнялся восьми годам и шести месяцам лишения свободы. Обстоятельства дела свидетельствуют об отсутствии оснований для вынесения Заявителю приговора в виде лишения свободы. Суд считает, что этот приговор и крайне суровое наказание Заявителя могли возыметь охлаждающий эффект на осуществление журналистской свободы выражения мнения в Азербайджане и помешать прессе открыто обсуждать социально значимые темы.

129. В конечном итоге, Суд считает, что национальные суды вышли за отпущенные им рамки усмотрения при применении ограничений в отношении дискуссий на темы, вызывающие общественный интерес. Вынесение приговора Заявителю не отвечало «насушной общественной потребности» и было вопиюще несоразмерно выдвинутым законным целям. Отсюда следует, что вмешательство не было «необходимо в демократическом обществе».

130. Учитывая это заключение, Суд не считает необходимым рассмотрение вопроса о том, был ли приговор Заявителю за уклонение

от налогов также связан с вмешательством в осуществление им свободы выражения мнения.

131. Таким образом, в отношении второго осуждения Заявителя в уголовном порядке имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

II. Предполагаемое нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции

132. Во-первых, Заявитель утверждал, что в ходе первого уголовного процесса не было соблюдено условие слушания беспристрастным судом, потому что судья И. Исмаилов, проводивший заседание суда, был тем же судьей, который ранее рассматривал гражданский иск в отношении него. Во-вторых, он утверждал, что этот суд не был «создан на основании закона», потому что срок пребывания в должности судьи Ясамальского районного суда истек до слушания его дела, и что в обоих уголовных разбирательствах, национальные суды не были независимы от исполнительной власти. В пункте 1 статьи 6 Конвенции говорится следующее:

«Каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое ... разбирательство дела беспристрастным судом, созданным на основании закона».

A. «Беспристрастный суд»

1. Аргументы сторон

133. Правительство заявило, что факт того, что один и тот же судья рассматривал гражданский иск в отношении гражданина, а позднее - уголовное дело в отношении того же человека, само по себе не вело к заключению о том, что судья не был независимым и беспристрастным.

134. Заявитель привел довод о том, что судья, который уже рассматривал конкретные обвинения в отношении него в контексте гражданского иска, не мог занимать беспристрастную позицию при рассмотрении тех же обвинений в последующих уголовных разбирательствах. Заявитель утверждал, что, в ходе уголовного процесса, судья Исмаилов неизменно отклонял его «законные требования» и «всеми возможными способами» защищал позицию частных обвинителей.

2. Оценка Суда

135. Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной в соответствии с содержанием пункта 3 статьи 35 Конвенции, и не было установлено никаких других оснований, на которых она могла бы быть объявлена неприемлемой, поэтому она должна быть объявлена приемлемой.

136. Суд далее напоминает, что наличие беспристрастности в целях пункта 1 статьи 6 Конвенции должно быть определено на основании субъективного теста, то есть на основании приговора, лично вынесенного определенным судьей в конкретно взятом деле, а также на основании объективного теста, то есть путем проверки, предоставил ли этот судья гарантии, достаточные для исключения любых законных сомнений в этом отношении (см. постановление по делу *Фей против Австрии (Fej v. Austria)*, от 24 февраля 1993 года, § 28, Серия № 255-А). Что касается субъективного теста, необходимо исходить из личной беспристрастности судьи до тех пор, пока не доказано обратное (см. постановление по делу *Хаушильдт против Дании (Hauschildt v. Denmark)*, от 24 мая 1989 года, § 47, Серия № 154). Одно лишь то, что судья отклонил все или большинство требований Заявителя не является таким доказательством. Таким образом, в настоящем деле необходимо применить объективный тест.

137. Выполняя объективный тест, необходимо определить, существуют ли, помимо личного поведения судьи, подлежащие установлению факты, которые могут породить сомнения в его беспристрастности. В этой связи даже внешние проявления имеют определенную значимость. В данном случае на карту поставлено то доверие, которое в демократическом обществе должны вызывать суды у общественности, и, прежде всего, в случае уголовных разбирательств, у обвиняемых. Это предполагает, что при определении того, существует ли в рассматриваемом деле обоснованное основание для опасения, что конкретному судье не хватает беспристрастности, мнение обвиняемого играет важную, но не определяющую роль. Решающим здесь является то, насколько данное опасение может быть объективно оправданно (см. дело *Фей против Австрии*, упомянутое выше, § 30).

138. Суд отмечает, *inter alia*, что характер ответственности по гражданскому законодательству отличается от ответственности по уголовным законам, что в гражданских и уголовных делах применяются разные стандарты доказывания, что осуждение в уголовном порядке не исключает установление гражданской ответственности на основании тех же фактов, и что, напротив, наличие гражданской ответственности не обязательно влечет за собой установление вины по уголовным законам в отношении тех же действий ответчика. По этим причинам, Суд считает, что ситуация, в которой один и тот же судья рассматривает вопросы как гражданской, так и уголовной ответственности, связанной с одними и теми же фактами, не обязательно влияет на беспристрастность судьи. Вместе с тем, Суд отмечает, что ответ на вопрос о том, следует ли считать опасения обвиняемого в предвзятости суда объективно оправданными, зависит от особенностей каждого конкретного дела (см. дело *Хаушильдт против Дании*, упомянутое выше, § 49).

139. Суд считает, что, в оценке особенностей данного дела, следует придавать значение тому факту, что разбирательства касались предполагаемого ущемления чести и достоинства частных лиц. Учитывая конкретный предмет разбирательств, данное дело необязательно сравнимо с другими ситуациями, где уголовная и гражданская ответственность может быть связана с теми же фактами. Суд далее отмечает, что опасения Заявителя в предвзятости суда были основаны на том факте, что судья Исмаилов рассматривал вопросы его гражданской и уголовной ответственности не одновременно, а в рамках двух отдельных процессов, первым из которых был гражданский процесс. Суд отмечает, что обе серии разбирательств касались совершенно одних и тех же предположительно порочащих утверждений, сделанных Заявителем. Г-жа Чаладзе была истцом первом процессе, тогда как во втором она представляла интересы нескольких беженцев из Ходжалы, выступавших частными обвинителями. В обоих случаях она приводила практически одинаковые доводы. В каждом процессе для определения того, какую ответственность, гражданскую или уголовную по законодательству об ущемлении чести и достоинства должен нести Заявитель, судье предстояло установить, в числе прочего, что утверждения, сделанные Заявителем, были ложными (или недоказанными), и что, по сути, они умаляли достоинство спасшихся в Ходжалинских событиях. Делая это, судье было необходимо рассмотреть практически тот же самый доказательственный материал. Насколько известно, в рамках

уголовного процесса о диффамации (клевете), судья должен был дополнительно выявить наличие преступного умысла, определив, «намеренно» ли Заявитель распространил порочащие утверждения (см. пункт 47 выше). Вместе с тем, Суд считает, что, вынося решение по гражданскому делу в отношении Заявителя, судья уже дал оценку утверждениям Заявителя и пришел к заключению о том, что они являлись недостоверными, умалявшими достоинство спасшихся в Ходжалы. При таких обстоятельствах, учитывая, что в последствии Заявитель был осужден в рамках уголовного процесса за клевету, могут возникнуть сомнения в беспристрастности судьи, уже высказавшего свое мнение о тех же предположительно порочащих утверждениях Заявителя. Таким образом, Суд считает, что, учитывая особенности данного дела, опасения Заявителя в предвзятости судьи можно расценивать как объективно оправданные.

140. Таким образом, в этом отношении имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

В. «Независимый ... суд, созданный на основании закона»

1. Аргументы сторон

141. Правительство отметило, что судья Исмаилов действительно был назначен 2 сентября 2000 года на пятилетний срок. По Закону о судах и судьях, действовавшему в то время, срок его пребывания в должности истек 3 сентября 2005 года. Однако, в законе № 817-ПQD от 28 декабря 2004 года, который вступил в силу 30 января 2005 года, содержалась поправка к Закону о судах и судьях, которая касалась, в числе прочего, новых положений, регламентирующих процедуру отбора и назначения судей и срока их пребывания в должности. В соответствии с переходными положениями Закона № 817-ПQD, срок пребывания в должности всех судей, назначенных до 1 января 2005 года, был продлен до дня назначения новых судей в соответствующие суды на основании новой поправки к Закону о судах и судьях. Новые судьи были назначены в Ясамальский районный суд 28 июля 2007 года. До этого дня в соответствии с Законом № 817-ПQD свои судебные функции выполняли старые судьи, включая Исмаилова. Таким образом, дело Заявителя слушал суд, «созданный на основании закона».

142. Помимо этого, Правительство сообщило о том, что обвинения Заявителя об отсутствии независимости национальных судов были необоснованны.

143. Заявитель поддержал свою жалобу в данной части. Он также подверг сомнению «качество» Закона № 817-ПQD. Он отметил, что, наряду с введением нового Закона о Судебно-правовом совете, дававшего Судебно-правовому совету значительные полномочия при отборе судей, переходные положения закона Закона № 817-ПQD сделали судей «полностью зависимыми от Судебно-правового совета», потому что от него зависело их последующее переназначение.

2. Оценка Суда

144. Суд напоминает, что цель формулировки «созданный на основании закона» в статье 6 Конвенции состоит в обеспечении того, что судебная власть в демократическом обществе не зависит от исполнительной власти, а регулируется законом, исходящим из парламента (см. постановление по делу *Гуров против Молдовы (Gurov v. Moldova)*, № 36455/02, § 34, от 11 июля 2006 года). Фраза «созданный на основании закона» определяет не только правовую основу самого существования «суда», но также и его состав в каждом деле (см. постановление по делу *Посохов против России (Posokhov v. Russia)*, № 63486/00, § 39, ЕСПЧ 2003-IV).

145. Суд отмечает, что в настоящем деле Законом № 817-ПQD были введены в действие поправки к национальному закону, устанавливавшему помимо прочего процедуру назначения и срок пребывания судей в должности. Во время периода перехода к новой системе и окончательного оформления новой процедуры назначения, срок пребывания в должности всех судей, назначенных до 1 января 2005 года был продлен в соответствии с переходными положениями Закона № 817-ПQD, по видимости, с целью обеспечения непрерывной работы судебной системы. Таким образом, срок пребывания в должности судьи Исмаилова был продлен постановлением парламента до того дня, когда он должен был истечь в соответствии с Законом, действовавшим перед внесением в него изменений, и, вопреки утверждениям Заявителя, истек лишь 28 июля 2007 года, гораздо позднее окончания рассмотрения дела Заявителя в Ясамальском районном суде. Таким образом, учитывая то обстоятельство, что продление срока пребывания в должности судьи Исмаилова было

продиктовано необходимостью перехода к новым правилам, касавшимся назначения и срока пребывания в должности судей, что изначально он был назначен в соответствии со всеми требованиями Закона о судах и судьях (для контраста дело *Посохов против России*, упомянутое выше, § 43, и постановление по делу *Федотова против России (Fedotova v. Russia)*, № 73225/01, §§ 41-42, 13 апреля 2006 года), и что продление его срока пребывания в должности было санкционировано законом, принятым парламентом (для контраста дело *Гуров против Молдовы*, упомянутое выше, § 37), Суд считает, что Заявитель предстал перед судом, «созданным на основании закона».

146. Относительно довода Заявителя о том, что продление срока пребывания судей в их должностях на неопределенный «переходный» период делало их зависимыми от органов исполнительной власти (чьи представители сформировали часть Судебно-правового совета, призванного выполнять задачу отбора кандидатов на должность судьи) в течение этого периода, Суд отмечает, что Заявитель, по-видимому, имел в виду то, что определенные органы исполнительной власти (которых Заявитель точно не назвал) были как-то заинтересованы в его осуждении и, поэтому незаконно оказывали давление на судью Исмаилова, чья независимость была предположительно поставлена под угрозу принятием закона № 817-ПQD. Однако Суд отмечает, что первое уголовное дело в отношении Заявителя было возбуждено не государством, а частными лицами на основании частного обвинения. В любом случае, Суд отмечает, что материалы, имеющиеся в его распоряжении, не содержат достаточных доказательств, подтверждающих обвинения Заявителя в незаконном давлении на национальные суды со стороны исполнительной власти. Аналогичным образом, не существует достаточных доказательств предполагаемой предвзятости национальных судов во втором уголовном процессе.

147. Отсюда следует, что эта часть жалобы является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с пунктами 3, 4 статьи 35 Конвенции.

III. Предполагаемое нарушение пункта 2 статьи 6 Конвенции

148. По мнению Заявителя, утверждения, сделанные Генеральной прокуратурой для прессы 31 мая 2007 года (см. пункты 36 и 37 выше) были равносильны нарушению его права на презумпцию

невиновности, закрепленного пунктом 2 статьи 6 Конвенции, где говорится:

«Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, пока виновность его не будет установлена законным порядком».

А. Приемлемость

1. Аргументы сторон

149. Правительство выдвинуло довод о том, что Заявитель не исчерпал все имеющиеся средства судебной защиты в отношении этой жалобы. Во-первых, они отметили, что, в соответствии со статьями 449-451 УПК, Заявитель мог бы подать жалобу в вышестоящий суд, касающуюся «процессуальных действий или решений прокуратуры», в которой он мог бы оспорить утверждения Генеральной прокуратуры, сделанные для прессы. Во-вторых, Заявитель мог бы оспорить нарушение принципа презумпции невиновности в отношении себя, подав отдельный иск по статье 147 УК или главе 27 ГПК.

150. Заявитель привел довод о том, что средства судебной защиты, упомянутые Правительством, были недействительны.

2. Оценка Суда

151. Суд напоминает, что назначением правила о национальных средствах судебной защиты в пункте 1 статьи 35 Конвенции является намерение предоставить Договаривающимся государствам возможность предотвращения или исправления предполагаемого нарушения до обращения в Европейский Суд. Однако единственные средства судебной защиты, которые должны быть исчерпаны, это те, которые касаются предполагаемых нарушений, и которые в то же время доступны и достаточны. Существование таких средств судебной защиты должно быть убедительно установлено не только в теории, но также на практике, т.к. иначе они не удовлетворяют требованиям доступности и эффективности; Государства-ответчики обязаны убедиться в том, что эти несколько условий удовлетворены (см. постановление по делу *Вернилло против Франции (Vernillo v. France)*, от 20 февраля 1991 года, § 27, Серия № 198). Правило об исчерпании национальных средств судебной защиты должно применяться с

некоторой гибкостью и без излишнего формализма. Это правило не является абсолютным и не может применяться автоматически. При определении того, были ли соблюдены условия его применения, необходимо рассматривать обстоятельства конкретного дела. Это означает, помимо прочего, что Суд должен иметь реалистичное представление не только о существовании формальных средств судебной защиты в правовой системе затронутых Договаривающихся сторон, но также и об общем контексте, в котором они работают, равно как и личных обстоятельствах Заявителя (см. постановление по делу *Акдивар и другие против Турции (Akdivar and Others v. Turkey)*, от 16 сентября 1996 года, § 69, Отчеты 1996-IV).

152. Что касается довода Правительства о том, что Заявитель не воспользовался процедурой, предусмотренной в статьях 449-451 УПК, Суд отмечает, что эти положения касались возможности подачи жалобы в отношении «процессуальных действий или решений» органов прокуратуры. В настоящем деле, оспоренные утверждения были сделаны Генеральной прокуратурой не в контексте самих уголовных разбирательств, а в виде заявления для прессы. Поэтому, Суд не считает это заявление для прессы «процессуальным действием» или «процессуальным решением», принятым в контексте соответствующих уголовных разбирательств, а Правительство не представило никаких свидетельств (таких как судебные решения в подобных делах) того, что оно могло быть квалифицировано как таковое с точки зрения статей 449-451 УПК.

153. Аналогичным образом, Суд не удовлетворен доводом Правительства о том, что Заявитель не пытался инициировать уголовное дело по клевете по статье 147 УК в связи с распространением Генеральной прокуратурой недостоверных и порочащих сведений, или обратиться с отдельным гражданским иском в связи с нарушением своих прав. Суд отмечает, что в настоящем деле Заявитель подавал жалобы и в суд первой инстанции, и в вышестоящий суд в связи с заявлением Генеральной прокуратуры и предполагаемое нарушение своего права по пункту 2 статьи 6 Конвенции. Его жалобы о нарушении положений Конвенции были отклонены в порядке упрощенного судопроизводства. В этой связи, Суд напоминает о том, что гражданин не обязан пытаться прибегать к более, чем одному имеющемуся способу судебной защиты при существовании нескольких доступных. Право выбора средства судебной защиты, наиболее подходящего в обстоятельствах его дела,

предоставляется Заявителю (см., среди других источников, постановления по делам *Айри против Ирландии (Airey v. Ireland)*, от 9 октября 1979 года, § 23, Серия № 32, и *Бойченко против Молдовы (Boicenco v. Moldova)*, № 41088/05, § 80, 11 июля 2006 года). Правительство не оспорило действенность способа судебной защиты, который избрал Заявитель в настоящем деле, подняв вопрос о несоблюдении принципа презумпции невиновности судами, рассматривавшими уголовные обвинения в отношении него. Даже если предположить, что средства судебной защиты, упоминавшиеся Правительством, могли обеспечить ему адекватное возмещение ущерба, Суд считает, что после подачи жалобы на несоблюдение принципа презумпции невиновности в контексте известных уголовных разбирательств Заявитель не обязан предпринимать другие попытки получить возмещение и возбуждать отдельное уголовное производство по клевете или гражданский иск о компенсации ущерба (см., *mutatis mutandis*, постановление по делу *Хаджибейли против Азербайджана (Hajibeyli v. Azerbaijan)*, № 16528/05, § 43, 10 июля 2008 года).

154. По этим причинам, Суд отклоняет возражения Правительства относительно правила исчерпания национальных средств судебной защиты.

155. Более того, Суд отмечает, что пункт 2 статьи 6 применяется к лицам, которым «предъявлено уголовное обвинение». К тому времени, когда представитель Генеральной прокуратуры давал интервью прессе (31 мая 2007 года), уголовное дело по статье 214.1 УК уже было возбуждено МНБ 16 мая 2007 года, и Заявитель был переведен в следственный изолятор МНБ 29 мая 2007 года на период до вынесения Сабаильским районным судом своего решения о возвращении его под стражу. Хотя Заявителю не было предъявлено формального обвинения до 3 июля 2007 года, его перевод в следственный изолятор МНБ был частью расследования, начатого 16 мая 2007 года отделом расследований МНБ, таким образом, переводя его в категорию лиц, которым «предъявлено уголовное обвинение» в терминах пункта 2 статьи 6. Комментарии Генерального прокурора, сделанные одновременно с проведением МНБ расследования, объяснялись фактом проведения этого расследования и были непосредственно связаны с ним (срав. Постановление по делу *Аленэ де Рибемон против Франции (Allenet de Ribemont v. France)*, от 10 февраля 1995 года, § 37,

Серия № 308). Следовательно, пункт 2 статьи 6 Конвенции применим в этом деле.

156. Суд далее отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной с точки зрения пункта 3 статьи 35 Конвенции, и не было установлено никаких других оснований, на которых она была бы неприемлемой, поэтому она должна быть объявлена приемлемой.

В. Существо дела

1. Аргументы сторон

157. Правительство отметило, что пункт 2 статьи 6 Конвенции не запрещала властям информировать общественность, с соблюдением всей необходимой осмотрительности, о ходе проводимых следственных действий. Оно привело аргумент о том, что право Заявителя на презумпцию невиновности не было нарушено в настоящем деле, т.к. в своих комментариях Генеральная прокуратура не изображала Заявителя преступником. Генеральная прокуратура лишь прокомментировала причины возбуждения уголовного дела и сообщила общественности о проведении расследования.

158. Заявитель поддержал свою жалобу в этой части.

2. Оценка Суда

159. Суд напоминает о том, что пункт 2 статьи 6, в ее соответствующем толковании, направлена на предотвращение дискредитации справедливого уголовного процесса в форме компрометирующих утверждений, сделанных в непосредственной связи с этим процессом. Презумпция невиновности, закрепленная в пункте 2 статьи 6, является одним из элементов справедливого уголовного суда, и требование ее соблюдения указано в пункте 1 (см. дело *Аленэ де Рибемон против Франции*, упомянутое выше, § 35). Этот принцип не только воспрещает самому суду делать поспешные выводы о том, что человек, которому «предъявлено уголовное обвинение», виновен до того, как его вина была установлена в законном порядке (см. постановление по делу *Минелли против Швейцарии (Minelli v. Switzerland)*, от 25 марта 1983 года, § 38, Серия № 62), но также распространяется на утверждения, сделанные другими должностными лицами, о предстоящих уголовных расследованиях,

которые дают общественности основания считать подозреваемых виновными и содержат оценку фактов дела до рассмотрения их компетентной судебной инстанцией (см. дело *Аленэ де Рибемон против Франции*, упомянутое выше, § 41, и постановление по делу *Дактарас против Литвы (Daktaras v. Lithuania)*, № 42095/98, §§ 41-43, ЕСПЧ 2000-Х). Суд подчеркивает, что пункт 2 статьи 6 не запрещает властям информировать общественность об осуществляемых уголовных расследованиях, но требует делать это с максимальной осторожностью и осмотрительностью необходимыми для соблюдения принципа презумпции невиновности (см. дело *Аленэ де Рибемон против Франции*, упомянутое выше, §38).

160. Суд последовательно придерживается подхода, в соответствии с которым, принцип презумпции невиновности нарушается, если судебное решение или утверждение официального лица относительно человека, обвиняемого в совершении уголовного преступления, отражает мнение о том, что он виновен до того, как его вина была установлена в законном порядке. Достаточно, даже в отсутствие формального заключения, чтобы существовали некоторые аргументы в пользу того, что суд или некое должностное лицо заранее считают обвиняемого виновным. Необходимо проводить принципиальное разграничение между утверждением о том, что кто-то является только подозреваемым в совершении преступления и однозначным заявлением, в отсутствие окончательного приговора, о том, что человек совершил определенное преступление. Суд последовательно подчеркивает важность выбора выражений должностными лицами в их утверждениях до того, как человек не предстанет перед судом, и ему не будет вынесен приговор за совершение конкретного преступления (см. постановление по делу *Хужин и другие против России (Khuzhin and Others v. Russia)*, № 13470/02, § 94, 23 октября 2008 г., с дальнейшими ссылками). Вопрос о том, противоречит ли утверждение должностного лица принципу презумпции невиновности, должен быть дан с учетом конкретных обстоятельств, при которых было сделано оспоренное утверждение (см. постановление по делу *Буткевичус против Литвы (Butkevičius v. Lithuania)*, № 48297/99, § 49, ЕСПЧ 2002-II).

161. Суд отмечает, что в настоящем деле оспоренное утверждение было сделано представителем Генеральной прокуратуры в интервью для прессы в другом контексте, не связанном с данным уголовным делом. Суд признает, что статус Заявителя, бывшего известным журналистом, обязывал государственных служащих, включая

представителей Генеральной прокуратуры, постоянно информировать общественность о предполагаемом нарушении закона и последовавшем уголовном процессе. Однако это обстоятельство не может оправдать неосторожность должностных лиц в подборе слов для своих заявлений. Более того, в настоящем деле, рассматриваемое заявление было сделано по прошествии всего нескольких дней после возбуждения уголовного дела. На этой ранней стадии, пока Заявителю еще даже не было предъявлено официальное обвинение, было особенно важно не высказывать публично никаких обвинений, которые могли быть истолкованы как подтверждение вины Заявителя из уст высокопоставленного должностного лица.

162. Заявление Генеральной прокуратуры было передано, с почти дословными цитатами, по крайней мере, двумя популярными новостными СМИ. Действительно, заявление было очень кратким и, по видимости, было нацелено на информирование общественности о факте возбуждения уголовного дела в отношении Заявителя и его причинах. Вместе с тем, в заявлении недвусмысленно говорилось, что в статье, опубликованной Заявителем в своей газете, «содержалась настоящая террористическая угроза». Более того, в последующем кратком объяснении в отношении содержания публикации, Генеральная прокуратура сделала новое заявление о том, что «это информация представляет собой террористическую угрозу». Принимая во внимание высокое положение Генеральной прокуратуры, было необходимо соблюдать особую осторожность при выборе слов для информирования об идущем расследовании. Суд считает, что эти конкретные заявления, не снабженные никакими уточнениями и оговорками, были равносильны утверждению о том, что Заявитель совершил уголовное преступление в форме создания террористической угрозы. Таким образом, эти комментарии содержали оценку фактов дела до рассмотрения их компетентной судебной инстанцией и не могли не дать общественности основания считать Заявителя виновным до того, как его вина была установлена в законном порядке.

163. Таким образом, имело место нарушение пункта 2 статьи 6 Конвенции.

IV. Другие предполагаемые нарушения Конвенции

A. Статья 3 Конвенции

164. Заявитель высказал претензии в отношении условий своего предварительного заключения. В частности, он утверждал, что, во время его пребывания в следственном изоляторе № 1, ему не было разрешено получать газеты и журналы. Его держали в наручниках и обыскивали каждый раз перед тем, как вывести из камеры для допроса или с другой целью. В отношении условий своего содержания после перевода в следственный изолятор МНБ, он утверждал, что ему были запрещены свидания, и содержали его в плохо вентилируемой одиночной камере площадью 8 кв. метров, где днем и ночью горел свет. Ему разрешалось принимать горячий душ один раз в неделю, а нижнее белье он стирал сам в своей камере в холодной воде.

165. Даже если предположить, что имелись действенные средства судебной защиты доступные для Заявителя в отношении условий его заключения, и что он их исчерпал, Суд считает, что описание Заявителем условий его заключения не свидетельствует о жестоком обращении, соответствующем минимальному уровню суровости, требующегося для защиты по статье 3 Конвенции. Отсюда следует, что эта жалоба явно не обоснована и должна быть отклонена в соответствии с пунктами 3, 4 статьи 35 Конвенции.

B. Статья 5 Конвенции

166. Заявитель подал жалобы по подпункту (с) пункта 1 и пунктам 3 и 4 статьи 5 Конвенции в связи с решением Сабаильского районного суда от 3 июля 2007 года вернуть его под стражу, вынесенным в рамках второй серии уголовных преследований. В частности, он утверждал, что отсутствовали разумные сомнения в том, что он совершил преступление, и что национальные суды не указали достаточных причин для его предварительного заключения.

167. Суд отмечает, что до вынесения Сабаильским районным судом решения от 3 июля 2007 года, Заявитель уже был осужден и приговорен к лишению свободы 20 апреля 2007 года в итоге первого уголовного процесса. Суд кассационной инстанции утвердил этот приговор 6 июня 2007 года, и к моменту вынесения постановления от 3 июля 2007 года в рамках второго уголовного процесса, кассационная

жалоба в отношении этого приговора ожидала рассмотрения в Верховном Суде. В этой связи, Суд отмечает, что при определении периода досудебного заключения, период, который необходимо принимать в расчет, начинается в день взятия обвиняемого под стражу и заканчивается в день предъявления ему обвинения, даже если это сделано только судом первой инстанции (см., например, постановление по делу *Хумматов против Азербайджана (Hummatov v. Azerbaijan)* (реш.), № 9852/03 и 13413/04, 18 мая 2006 года). В настоящем деле, уголовное обвинение в первом уголовном процессе в отношении Заявителя было предъявлено 20 апреля 2007 года и с этого дня он находился в заключении, будучи «осужденным компетентным судом» в терминах подпункта (а) пункта 1 статьи 5 Конвенции. Несмотря на то, что по каким-то причинам распоряжение о «содержании под стражей до суда» в отношении Заявителя было сделано во втором процессе после вынесения ему приговора по первому уголовному делу, это не противоречит подпункту (с) пункта 1 и пункту 3 статьи 5 Конвенции в отношении заключения Заявителя после этого дня, т.к. на этот период уже существовало другое «законное» основание для его заключения. Суд считает, что пункт 4 статьи 5 в настоящем деле также не был нарушен.

168. Отсюда следует, что эта жалоба явно не обоснована и должна быть отклонена в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

С. Другие жалобы

169. Заявитель обратился с жалобой по подпункту (а) пункта 3 статьи 6 Конвенции, утверждая, что он не был своевременно проинформирован о характере и основании обвинения в отношении него в рамках второго уголовного дела. Другая жалоба была подана по статье 7 на то, что в обоих уголовных процессах, действия, в совершение которых он был признан виновным, не являлись уголовными преступлениями. Наконец, он также подал жалобу по статье 8 Конвенции на то, что обыски, проведенные 22 мая 2007 года в его квартире и редакции газет, нарушали его право на уважение его жилища.

170. Учитывая все имеющиеся в распоряжении материалы, и в той степени, в которой обжалованные действия находятся в его компетенции, Суд делает вывод о том, что содержание этих жалоб не имеет никаких признаков нарушения прав и свобод, изложенных в Конвенции или ее Протоколах. Отсюда следует, что эти жалобы явно

не обоснованы и должны быть отклонены в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

V. Применение статей 46 и 41 Конвенции

A. Статья 46 Конвенции

171. В статье 46 Конвенции говорится:

«1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами.

2. Окончательное постановление Суда направляется Комитету министров, который осуществляет надзор за его исполнением».

172. контексте исполнения постановлений в соответствии со статьей 46 Конвенции, постановление в котором Суд усматривает нарушение Конвенции, накладывает на Государство-ответчика правовое обязательство в соответствии с этой статьей положить конец этому нарушению и устранить его последствия таким образом, чтобы восстановить, насколько это возможно, ситуацию, существовавшую до нарушения. Если, с другой стороны, национальные законы не позволяют – или позволяют лишь частично – осуществить такое устранение последствий нарушений, статья 41 дает Суду полномочия назначить пострадавшей стороне такую компенсацию, которая представляется уместной. Отсюда следует, в числе прочего, что постановление, в котором Суд выявляет нарушение Конвенции или ее Протоколов, накладывает на Государство-ответчика правовое обязательство не просто выплатить пострадавшей стороне суммы, назначенные в качестве возмещения ущерба, но также избрать, под наблюдением Комитета министров, общие и/или, если это применимо в конкретном случае, индивидуальные меры, которые следует принять в отношении национальной правовой системы во избежание повторения такого нарушения и сделать все возможное для устранения его последствий таким образом, чтобы восстановить, насколько это возможно, ситуацию, существовавшую до нарушения права (см. постановления по делам *Маэстри против Италии (Maestri v. Italy)* [БП], № 39748/98, § 47, ЕСПЧ 2004-I; *Ассанидзе против Грузии (Assanidze v. Georgia)* [БП], № 71503/01, § 198, ЕСПЧ 2004-II; и *Илашку*

и другие против Молдовы и России (Ilaşcu and Others v. Moldova and Russia) [БП], № 48787/99, § 487, ЕСПЧ 2004-VII).

173. Суд напоминает о том, что его постановления главным образом устанавливают факт нарушения, и что именно заинтересованные государства в первую очередь должны избрать, под надзором Комитета министров Совета Европы, средства для применения их в национальной правовой системе для исполнения своих обязательств по статье 46 Конвенции, при условии, что эти средства совместимы с выводами, изложенными в постановлении Суда (см., среди других источников, постановления по делам *Окал против Турции (Öcal v. Turkey)* [БП], № 46221/99, § 210, ЕСПЧ 2005-IV; *Скодзари и Джюнта против Италии (Scozzari and Giunta v. Italy)* [БП], № 39221/98 и 41963/98, § 249, ЕСПЧ 2000-VIII); и *Брумареску против Румынии (Brumărescu v. Romania)* (справедливое возмещение) [БП], № 28342/95, § 20, ЕСПЧ 2001-I). Эта свобода выбора способа исполнения постановлений отражает свободу выбора, неотъемлемо связанную с основным обязательством Договаривающихся государств обеспечить права и свободы, гарантированные в Конвенции (статья 1) (см. постановление по делу *Панамичалопулос и другие против Греции (Panamichalopoulos and Others v. Greece)* (статья 50), 31 октября 1995 года, § 34, Серия № 330-B).

174. Однако, в виде исключения, стремясь оказать содействие Государству-ответчику в исполнении его обязательств по статье 46, Суд может предложить меру определенного рода, которая могла бы быть применена для того, чтобы положить конец выявленному нарушению. В таком положении, Суд может предложить разнообразные варианты, оставляя выбор меры и способа ее воплощения на усмотрение заинтересованного государства (см., например, постановление по делу *Броневский против Польши (Broniowski v. Poland)* [БП], № 31443/96, § 194, ЕСПЧ 2004-V). В определенных случаях, характер выявленного нарушения может не оставлять никакого выбора мер необходимых для его исправления, и Суд может принять решение указать лишь на одну такую меру (см., например, дело *Ассанидзе против Грузии*, упомянутое выше, § 202).

175. Суд подтверждает сделанные им выводы о том, что в обоих случаях вмешательство в осуществление Заявителем свободы выражения мнения не было оправдано по пункту 2 статьи 10 Конвенции. В частности, в обоих случаях, отсутствовало основание

для вынесения ему приговоров к лишению свободы. Суд отмечает, что поскольку Заявитель был также осужден (на первый взгляд безо всякой связи с прочими обвинениями) за уклонение от налогов, ко дню вынесения данного постановления он уже отбыл часть общего приговора, соответствующего этому преступлению (четыре месяца лишения свободы), и тот срок, который он отбывает сейчас, относится к большей части совокупного приговора, касающегося преступлений в сфере СМИ, в отношении которых были выявлены соответствующие нарушения прав, гарантированных Конвенцией.

176. При таких обстоятельствах, с учетом выявленного выше нарушения статьи 10 Конвенции, продолжение пребывания Заявителя в местах лишения свободы неприемлемо. Таким образом, по своей сути, ситуация, выявленная в настоящем деле, не оставляет никакого выбора в отношении меры необходимой для исправления нарушения прав Заявителя, гарантированных Конвенцией.

177. По сему, принимая во внимание конкретные обстоятельства дела и насущную необходимость положить конец нарушению статьи 10 Конвенции, Суд считает, что, в качестве одного из средств выполнения своих обязательств по статье 46 Конвенции, Государство-ответчик обязано обеспечить немедленное освобождение Заявителя из мест лишения свободы.

В. Статья 41 Конвенции

178. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

1. Ущерб

(а) Материальный ущерб

179. Заявитель утверждал, что, в результате вынесения ему приговора, он был вынужден закрыть несколько СМИ, которые принадлежали ему лично: две газеты, два Интернет-сайта и один журнал. Он оценил их совокупную стоимость в 203.652 евро, исходя из капиталовложений использованных для начала этих предприятий. Он также заявил, что, будучи единственным владельцем газет «Реальный Азербайджан» и «Gündəlik Azərbaycan», он лично понес убытки в виде упущенной прибыли, которую оценил в 230.136 евро в год, за каждый год, в который не выходили газеты. Далее он потребовал 16.568 евро в качестве возмещения арендных платежей, сделанных авансом за пользование помещением редакции, использовать которое он был не в состоянии по причине вынесения ему приговора.

180. Он далее потребовал компенсацию материального ущерба в виде некоторого имущества, предположительно «конфискованного» властями во время обысков в его квартире и помещении редакции, включая: (а) несколько «фотоархивов» и других «материалов журналистских расследований», которые он оценил в 27.098 евро; (б) компьютерное оборудование стоимостью 23.000 долларов США; и (в) некоторую мебель из редакции газет, оцененную в 7.287 евро.

181. Наконец, Заявитель потребовал 8.146 евро на покрытие расходов, которые предположительно понесли его родители, совершая поездки, чтобы навестить его в тюрьме, подготавливая ему передачи, чтобы разнообразить его тюремный рацион, и разговаривая с ним по телефону.

182. Правительство ответило, что Заявитель не представил ни достаточных документальных доказательств в подтверждение вышеприведенных требований, ни объяснений метода расчета стоимости его редакций СМИ и других заявленных расходов. Оно также привело довод о том, что Заявитель не представил никаких доказательств того, что у него было конфисковано какое-либо имущество; единственное, что он представил, была запись обыска и запись, подтверждавшая, что один из его сотрудников передал властям два компьютера для проведения расследования.

183. Суд указывает на то, что в соответствии с правилом 60 Регламента Суда, любое требование справедливого возмещения должно содержать подробный перечень утраченного имущества, представляемый в письменном виде вместе со всеми подтверждающими документами или расписками, в отсутствие которых Суд может отклонить такое требование целиком или частично.

184. Что касается требований Заявителя в отношении стоимости СМИ, которые ему пришлось закрыть и упущенной им прибыли, Суд отмечает, что Заявитель не подавал Суду жалобу, касавшуюся прекращения деятельности его газет и других форм СМИ. В любом случае, он не представил никаких документов или других свидетельств в подтверждение своих требований, касавшихся финансовых средств, вложенных в развитие этих СМИ, а также в отношении его будущей прибыли от их работы как владельца и главного редактора. В частности, не было представлено никаких документов о размере прибылей в прошлом. Аналогичным образом, Заявитель не представил достаточных доказательств в отношении потерянных авансовых платежей за аренду помещений редакций.

185. Что касается требования в отношении предположительно конфискованного имущества, Суд отмечает, что, помимо 23 компьютеров, изъятых из редакции газет и конфискованных по постановлению выездной судебной сессии суда, Суд, исходя из представленных ему материалов, не может определить, какое другое предпологаемое имущество действительно было конфисковано, и что все оно принадлежало лично Заявителю. Касательно требования в отношении конфискованного компьютерного оборудования, Суд отмечает, что Заявитель не представил никаких свидетельств, подтверждавших его стоимость.

186. В отношении остальных требований, Суд не усматривает причинно-следственной связи между выявленными нарушениями и предпологаемым материальным ущербом.

187. По вышеизложенным причинам, Суд отклоняет требование Заявителя в отношении возмещения материального ущерба.

(b) Моральный ущерб

188. Заявитель потребовал 70.000 евро в качестве возмещения морального вреда.

189. Правительство заявило, что само по себе выявление нарушения было бы достаточным возмещением нанесенного Заявителю морального вреда.

190. В свете конкретных обстоятельств данного дела, конкретной серьезности нарушения свободы выражения мнения Заявителя, и учитывая факт осуждения на долгий срок лишения свободы за преступления в сфере массовой информации без представления достаточного обоснования, и имея в виду, что ко времени рассмотрения данной жалобы он провел в тюрьме более двух лет, Суд считает, что Заявитель, несомненно, должен был испытывать сильные моральные страдания, которые не могут быть компенсированы одной только констатацией факта нарушения прав, гарантированных Конвенцией. Более того, хотя выше упомянутый вывод Суда о том, что предполагаемый материальный ущерб не был подтвержден совсем или частично соответствующими доказательствами, Суд не находит неразумным предположить, что Заявитель понес другие формы ущерба, непосредственно связанного с выявленными нарушениями (для сравнения дело *Илашку против Румынии*, упомянутое выше, § 489). Суд считает, что в этом деле, при назначении суммы возмещения ущерба вышеупомянутое обстоятельство также следует принимать в расчет.

191. Проведя оценку на справедливой основе, как требуется в статье 41 Конвенции, он назначает Заявителю 25.000 евро в качестве возмещения морального вреда плюс сумму любого налога, которым может облагаться эта сумма.

2. Судебные расходы и издержки

192. Заявитель также потребовал 602 евро на покрытие расходов в национальных судах и 2.200 евро – в Европейском Суде. Он также потребовал 520 евро на возмещение оплаты услуг переводчика. В качестве подтверждения этих требований, он представил финансовые документы из юридической фирмы, чьи сотрудники представляли его интересы в национальных разбирательствах, копию контракта на

оказание юридических услуг на слушании в Страсбурге, и копии счетов компании, оказывающей услуги перевода.

193. Правительство привело довод о том, что свидетельства, представленные Заявителем были недостаточны для того, чтобы прийти к выводу о том, что заявленные расходы действительно имели место.

194. В соответствии с практикой Суда, заявитель имеет право на возмещение своих судебных издержек, только в той степени, в которой, как было установлено, они действительно были взысканы, обязательны и имели разумный размер. В настоящем деле, учитывая имеющуюся в его распоряжении информацию и вышеупомянутые критерии, Суд считает разумным назначить сумму в 2.822 евро на покрытие всех судебных издержек плюс сумму любого налога, которым может облагаться эта сумма.

3. Процентная ставка

195. Суд считает целесообразным принять процентную ставку в соответствии с предельным размером ссудного процента Европейского Центрального Банка, к которому должны быть добавлены три процентных пункта.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* единогласно жалобы по статье 10, пункту 1 статьи 6 (касающиеся предполагаемого отсутствия беспристрастности) и пункту 2 статьи 6 Конвенции приемлемыми, а оставшуюся часть жалобы - неприемлемой;
2. *Постановляет* единогласно, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции в отношении первого осуждения Заявителя в уголовном порядке;
3. *Постановляет* единогласно, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции в отношении второго осуждения Заявителя в уголовном порядке;
4. *Постановляет* единогласно, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции;
5. *Постановляет* единогласно, что имело место нарушение пункта 2 статьи 6 Конвенции;

6. *Постановляет* шестью голосами против одного, что Государство-ответчик обязано обеспечить немедленное освобождение Заявителя;

7. *Постановляет* единогласно,

(а) что Государство-ответчик обязано выплатить Заявителю, в течение трех месяцев с момента окончательного вступления данного решения в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции 25.000 (двадцать пять тысяч) евро плюс сумму любого налога, которым может облагаться эта сумма в качестве возмещения морального ущерба, и 2.822 (две тысячи восемьсот двадцать два) евро плюс сумму любого налога, которым может облагаться эта сумма в качестве возмещения судебных издержек с пересчетом в новые азербайджанские манаты по курсу, действующему на момент расчета;

(б) что с момента истечения вышеуказанных трех месяцев до момента выплаты на суммы, указанные выше, выплачиваются простые проценты в размере предельного ссудного процента Европейского Центрального Банка в течение периода выплаты процентов с добавлением трех процентных пунктов;

8. *Отклоняет* единогласно оставшуюся часть жалобы Заявителя о справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке, представлено в письменной форме 22 апреля 2010 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Христос Розакис
Сорен Нильсен

Председатель Суда
Секретарь Секции Суда

© Перевод с английского,
Центр Защиты Прав СМИ, 2011

Краткое изложение дела

ДЕЛО «ФЕДЧЕНКО ПРОТИВ РОССИИ» (Fedchenko v. Russian Federation)

(жалобы № 33333/04)

Постановление Суда

Страсбург, 11 февраля 2010 года

Суть принятого решения: В отношении заявителя имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно.

Краткое изложение обстоятельств дела:

В 2003 году на территории Брянской области была распространена листовка, в которой шла речь о депутате Государственной Думы Василии Шандыбине. В листовке сообщалось о том, что состояние депутата оценивается в 13 миллионов долларов. По мнению автора листовки, такая ошеломительная сумма складывалась из следующих доходов депутата: *«1 000 долларов за письма на бланке депутата Государственной Думы, и 5 000 долларов за запрос депутата Госдумы по деликатному делу!!! Лоббирование интересов Владимира Брынцалова в Государственной Думе – 300 000 долларов в год. Прибыль от торговли медикаментами и продажи лекарств по завышенным ценам в Брянской области – 600 000 долларов в год».*

Содержание листовки было распространено (цитировалось либо пересказывалось) в ряде газет Брянской области, а также на различных Интернет-сайтах.

Заявитель, будучи редактором еженедельной газеты «Брянские будни» 9 октября 2003 года в выпуске «Брянских будней» № 206 (№ 41) опубликовал статью под заголовком «Вася и Израиль», пересказав содержание листовки со своими комментариями.

15 октября 2003 года Избирательная комиссия Брянской области вынесла постановление, которым признала опубликованную статью

агитационным материалом, призванным сформировать отрицательное отношение к Василию Шандыбину.

26 ноября 2003 года Брянский областной суд, рассмотрев жалобу Заявителя, признал это постановление незаконным. 18 февраля 2004 года Верховный Суд РФ утвердил решение суда.

20 октября 2003 года г-н Шандыбин подал иск о защите чести и достоинства с требованием выплаты компенсации морального вреда в размере 500 000 рублей

31 мая 2004 года Брянский районный суд принял решение в пользу истца, посчитав, что спорные высказывания оскорбительными и клеветническими. Суд обязал Заявителя выплатить 5 000 рублей в качестве компенсации морального вреда и предоставить возможность г-ну Шандыбину опубликовать свой ответ в «Брянских Буднях».

1 июля 2004 года Брянский областной суд, рассмотрев жалобу Заявителя, отменил это решение в части, касающейся публикации ответа истца в «Брянских Буднях» и утвердил в оставшейся части.

Оценка Европейского Суда:

Прежде всего, Суд напомнил, что истец являлся депутатом парламента, а, следовательно, должен был выказать большую терпимость в сложившейся обстановке, нежели чем частное лицо.

Публикация, по мнению Суда, явилась частью политической дискуссии на тему, вызывавшую общественный интерес, что требовало выдвижения очень веских доводов для обоснования введения ограничений со стороны государства.

Суд подробным образом проанализировал содержание спорных фрагментов публикации, отметив, что национальные суды не уделили должного внимания разграничению суждений и утверждений о фактах. Так, по мнению Суда, слово «смерд» очевидно использовалось в переносном смысле и предназначалось для предания замечаниям Заявителя довольно провокационного оттенка. Однако, как и в случае с оборотами речи в двух других оспариваемых

отрывках, Суд не счел, что и в этом случае Заявитель вышел за допустимые рамки в соответствии со статьей 10 (п. 41).

Суд также напомнил, что статья 10 защищает не только сущность выраженных идей и информации, но также и формы их выражения (п. 40):

«По мнению Суда, использование Заявителем определенных речевых оборотов, разговорных выражений или жаргона в рассматриваемых отрывках не выходило за рамки преувеличения или провокации допускаемых статьей 10 (см. пункт 32 выше) и поэтому не заслуживало наложения ограничений на его право свободно выразить свое мнение».

Суд резюмировал, что национальные суды не смогли найти баланс, поставив интересы политика выше прав Заявителя и общего интереса в укреплении свободы прессы в случае, касающегося общественных интересов (п. 42):

«То обстоятельство, что судебные разбирательства имели гражданский, а не уголовный характер, и относительно небольшой размер наложенного взыскания компенсации морального вреда не умаляют того факта, что стандарты, на которые ориентировались национальные суды, несовместимы с принципами, закрепленными в статье 10, поскольку не были приведены «достаточные» причины для обоснования рассматриваемого вмешательства».

В итоге Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2011

ДЕЛО «ФЕДЧЕНКО ПРОТИВ РОССИИ»

(Fedchenko v. Russian Federation)

(жалоба № 33333/04)

Постановление Суда

Страсбург, 11 февраля 2010 года

По делу «Федченко против России» Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:

Христос Розакис, *Председатель*,
Нина Вайич,
Анатолий Ковлер,
Ханлар Гаджиев,
Дин Шпильманн,
Сверре Эрик Йебенс,
г-н Георг Николау, *судьи*,

а также Сорен Нильсен, *Секретарь Секции*,

Проведя 21 января 2010 года закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, принятое в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано подачей жалобы (№ 33333/04) против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав и основных свобод человека (далее - «Конвенция») гражданином России г-ном Олегом Дмитриевичем Федченко (далее - «Заявитель») 26 июля 2004 года.
2. Интересы Заявителя представляла г-жа А. К. Соболева, адвокат, практикующий в Москве. Интересы российского правительства (далее - «Правительство») защищала г-жа В. Милинчук, бывший

представитель Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека.

3. 24 ноября 2006 года председатель Первой секции принял решение поставить в известность о жалобе Правительство. В соответствии с пунктом 3 статьи 29 Конвенции, было также решено рассмотреть жалобу по существу одновременно с вопросом о ее приемлемости.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

A. Публикация статьи

4. Заявитель родился в 1968 году и проживает в деревне Супонево в Брянской области.

5. Заявитель является редактором еженедельной газеты «Брянские будни» с тех пор, когда учредил ее в 1999 году.

6. В 2003 г. в Брянске и области была распространена листовка, в которой шла речь о депутате Государственной Думы (Госдумы), г-не Шандыбине, который собирался принять участие в предстоящих выборах. В листовке говорилось следующее:

«Хватит сказок!!! Обратимся к фактам! Почитайте израильский еженедельник «Беседер». Состояние депутата Государственной Думы Василия Шандыбина оценивается газетой в 13 123 400 долларов!! Не верите? Откуда деньги??? Василий Шандыбин берет 1 000 долларов за письма на бланке депутата Государственной Думы, и 5 000 долларов за запрос депутата Госдумы по деликатному делу!!! Лоббирование интересов Владимира Брынцалова в Государственной Думе – 300 000 долларов в год. Прибыль от торговли медикаментами и продажи лекарств по завышенным ценам в Брянской области – 600 000 долларов в год. Голосуйте за нашего земляка Василия Шандыбина, и вы точно превратите его в миллиардера!!!».

7. Содержание листовки либо цитировалось, либо описывалось в ряде газет, включая «Деснянскую правду» от 8 октября 2003 года и газету «Комсомолец Брянска» от 14 октября 2003 года, а также на новостных Интернет-сайтах, включая публикации на www.news.nashbryansk.ru, www.gazeta.ru, www.vlasti.net и www.sem40.ru от 3 октября 2003 года, публикацию на сайте www.sobesednik.ru в один из дней в октябре 2002 года, установить который не представилось возможным, и статью на www.globalrus.ru от 20 октября 2003 года. Заявитель предоставил копии газетных статей и распечатки материалов с интернет-сайтов.

8. 9 октября 2003 года в выпуске «Брянских будней» № 206 (№ 41) Заявитель опубликовал статью под заголовком «Вася и Израиль». В статье говорилось:

«Васю оклеветали. Иваныча. Шандыбина. Рука тянется к топору. Месть! За нашу рабочую совесть!

Тираж листовки, распространенной в городах и деревнях, по словам самого Василия и его сподвижников, составлял полмиллиона экземпляров, и там говорилось о том, что Шандыбин наскреб состояние в более чем 13 миллионов долларов. «Брянская правда» дала гневный отпор этому обвинению. Он не брал этих денег, говорится в «Правде», Брынцалов не «откидывал» ему 300 000 долларов за содействие в продаже медикаментов, а 5 000 «зеленых» за запрос депутата Госдумы – это неслыханно.

Вообще-то, когда мы говорим о Васе, уместно напомнить, что дареному коню в зубы не смотрят. Вася подарил медицинское оборудование двум поликлиникам, и невозможно сосчитать, сколько коробок он раздал школам и детским домам. Ясно, что неловко спрашивать у дарителя, где он взял деньги на все эти вещи. Благотетели платили за милую прическу Шандыбина, а он справедливо делил куш среди нуждающихся.

Если и есть сомнения, то причина им – неприглядная история российского «парламентаризма». Недавно, в связи с событиями 1993 г., мы вспоминали о том, как цинично Ельцин покупал тех депутатов Госдумы, которые еще не решили, к какой стороне баррикад примкнут. Он пообещал им большой

кусок пирога, и они устремились за этим куском, глотая слюну. Партию Жириновского много раз обвиняли во взяточничестве, но все наши народные избранники берут [взятки] (кроме Васи, конечно), если иметь в виду не только деньги, но и борзых щенков: одолжения от западных кровителей, Ходорковских или Абрамовичей, живущих в России. А это серьезная школа, школа продажности. Вот почему обвинения против Шандыбина в подпольной листовке упали на плодородную почву. Брал ли Василий Иванович взятки или нет, ему придется отвечать за всех своих коллег, за то, что он сидел рядом с продажными ДЕПУТАТАМИ ГОСДУМЫ в продажной Думе много лет. В определенном смысле, возмездие законно.

Кто же автор листовки? Он ближе к телу Василия Ивановича, чем думает сам депутат. Конечно, ответ, который напрашивается – это тот, кто намерен противостоять ему в том же избирательном округе. У нас нет сомнений в том, что Васины недоброжелатели из этого лагеря тоже что-нибудь нацарапают, но листовка, содержащая ссылки на израильский источник, была в действительности изготовлена в другом лагере. Каком же? Помните, кто недавно ездил в Израиль? Таким образом, номинально эти силы являются союзниками Шандыбина, но на деле они считают его смердом: а смердам надо напоминать о том, откуда они вышли, чтобы не забывались и слушались.

К сожалению, Шандыбин ищет своих недоброжелателей не в том лагере. Их надо искать среди тех, кто прикрывается красными флагами. Почерк узнаваемый. Их последняя провокация в прессе была, по сути, приложением к «Брянским будням». Они опубликовали фальшивый выпуск «Будней» с критикой оппозиции Лодкину, среди прочего, для того, чтобы опробовать свою подпольную типографию. И хотя редакция подала официальный иск, правоохранные органы не пытались найти издателя. И вот новый выпад, конечно не последний, из подпольного областного комитета [коммунистической партии]».

В. Первый процесс

9. 15 октября 2003 года Избирательная комиссия Брянской области вынесла постановление, в котором говорилось, что статья Заявителя была написана с намерением взбудоражить электорат и сформировать отрицательное отношение к г-ну Шандыбину. Заявитель обжаловал это постановление в суде.

10. 26 ноября 2003 года Брянский областной суд признал это постановление незаконным. Суд постановил:

«... Статья была опубликована 9 октября 2003 года ... до начала предвыборной кампании ... Статья содержит информацию о распространении листовки, в которой говорилось о том, что В. И. Шандыбин нажил состояние в более, чем 13 миллионов долларов, и предположения автора относительно существования денег и их источниках. Содержание листовки не приводится в этой статье. В тексте статьи не содержится информация ни о предстоящих выборах в Государственную Думу ..., ни о В.И. Шандыбине как кандидате в Государственную Думу или его политических взглядах и идеях, ни об агитационных призывах голосовать за или против В.И. Шандыбина или других кандидатов.

... [Г-н] Федченко заявил на слушании, что своей статьей не пытался проводить агитацию, но лишь высказал свое мнение относительно известной листовки и содержащейся в ней информации. Ответчик не представил доказательств обратного ...».

11. Избирательная комиссия Брянской области обжаловала решение суда.

12. 18 февраля 2004 года Верховный Суд РФ утвердил решение суда.

В. Второй процесс

13. 20 октября 2003 года г-н Шандыбин подал иск о защите чести и достоинства в отношении Заявителя в районный суд г. Брянска с требованием выплаты компенсации морального вреда в размере 500

000 рублей. Он, в частности, утверждал, что приведенные ниже отрывки недостоверны и задевают его честь и репутацию:

«Шандыбин наскреб состояние в более чем 13 миллионов долларов».

«Он не брал этих денег, говорится в «Правде», Брынцалов не «откидывал» ему 300 000 долларов за содействие в продаже медикаментов, а 5 000 «зеленых» за запрос депутата Госдумы – это неслыханно».

«Таким образом, номинально эти силы являются союзниками Шандыбина, но на деле они считают его смердом: а смердам надо напоминать о том, откуда они вышли, чтобы не забывались и слушались».

14. 31 мая 2004 года Брянский районный суд принял решение в пользу истца. Суд постановил:

«... Статья «Вася и Израиль» в целом, а также некоторые фразы и слова (предмет спора) в ней, убедительно свидетельствуют об отрицательном отношении и содержат неприкрытые эмоциональные суждения, которые являются оскорбительными выпадами и косвенными суждениями.

... [Первое] утверждение как таковое, в контексте статьи оскорбительно и задевает честь и достоинство заявителя и ... его репутацию. Ответчик не смог доказать обратное. Иск обоснован.

... Автор иронически использует [жаргонные слова] во [втором] утверждении, что придает ему циничный, оскорбительный характер и описывает заявителя в отрицательных выражениях. Это утверждение выходит за рамки цивилизованного общения и нарушает нормы морали. Таким образом, утверждение заявителя ... относительно уничижительного характера приведенных выше цитат обосновано.

... [Третье] утверждение выражает эмоционально окрашенное презрительное и унижительное отношение, представляющее [депутата Госдумы] читателям в отрицательном свете как человека способного наносить вред обществу. Использованные в переносном смысле, эти слова имеют неодобрительную окраску. Заявитель имеет основания воспринимать эти утверждения как оскорбительные и клеветнические. Суд считает эту информацию умоляющей честь, достоинство и репутацию заявителя».

15. Суд обязал Заявителя выплатить 5 000 рублей в качестве компенсации морального вреда, понесенного истцом. Заявителю было также предписано обеспечить г-ну Шандыбину возможность опубликовать свой ответ в «Брянских Буднях». Заявитель обжаловал это решение.

16. 1 июля 2004 года Брянский областной суд отменил это решение в части, касавшейся публикации ответа истца в «Брянских Буднях» и утвердил в оставшейся части. Суд постановил, что поскольку г-н Шандыбин не обратился непосредственно в «Брянские Будни» для публикации ответа в течение года после размещения в ней порочащей информации, в соответствии со статьями 45 и 46 Закона РФ о СМИ он был лишен права на обращение в суд по этому вопросу. Суд далее констатировал:

«На основании доказательств, изложенных в решении, суд [первой инстанции] пришел к верному выводу о том, что рассматриваемые утверждения не соответствовали действительности и порочили, оскорбляли честь, достоинство и деловую репутацию истца».

II. Применимое национальное законодательство

A. Конституция Российской Федерации

17. Статья 29 гарантирует свободу мысли и слова, а также свободу массовой информации.

В. Гражданский кодекс Российской Федерации

18. В статье 152 говорится, что «гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности» (часть 1).

«Если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, распространены в средствах массовой информации, они должны быть опровергнуты в тех же средствах массовой информации» (часть 2). Гражданин, в отношении которого средствами массовой информации опубликованы сведения, ущемляющие его права или охраняемые законом интересы, имеет право на опубликование своего ответа в тех же средствах массовой информации. (часть 3). Он также вправе требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных распространением таких сведений (часть 5).

С. Закон РФ «О средствах массовой информации»

19. В соответствии со статьей 45 Закона о СМИ № 2124-1 от 27 декабря 1991 года, в опровержении должно быть отказано, если требование об опровержении, либо представленный текст его поступили в редакцию по истечении одного года со дня распространения опровергаемых сведений в данном средстве массовой информации. В соответствии со статьей 46 отказ опубликовать ответ может быть обжалован в суде в течение года с момента публикации порочащих сведений.

Д. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, № 11 от 18 августа 1992 года (с поправками от 25 апреля 1995 года)

20. В постановлении (действовавшем во время событий данного дела) говорилось, что порочащими являются такие не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов (о совершении нечестного поступка, неправильном поведении в трудовом коллективе, быту и другие сведения, порочащие производственно-хозяйственную и общественную деятельность, деловую репутацию и т.п.), которые умаляют честь и достоинство гражданина либо деловую репутацию

гражданина или юридического лица. Под распространением сведений, порочащих честь и достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидеопрограммам, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в иной, в том числе устной, форме нескольким или хотя бы одному лицу (Пункт 2). Обязанность доказывать соответствие действительности распространенных сведений лежит на ответчике (пункт 7).

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

21. Заявитель подал жалобу по статье 10 Конвенции на то, что районный суд г. Брянска своим решением от 31 мая 2004 года, утвержденным после обжалования Брянским областным судом 1 июля 2004 года, нарушил его право на свободу выражения мнения, гарантированное в статье 10 Конвенции. Он утверждал, что национальные суды не провели разграничение между утверждениями о факте и оценочными суждениями и возложили на него ответственность за неспособность доказать правдивость оценочных суждений. В статье 10 Конвенции говорится:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной

безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

А. Приемлемость

22. Правительство привело довод о том, что Заявитель не исчерпал все доступные национальные средства судебной защиты, т.к. не обратился за пересмотром в порядке надзора решения национальных судов.

23. Суд напоминает о том, что применение надзорного порядка обжалования не является эффективным средством судебной защиты в смысле пункта 1 статьи 35 Конвенции (см. постановление по делу *Денисов против России (Denisov v. Russia)* (реш.), № 33408/03, 6 мая 2004 года). Таким образом, возражение Правительства относительно неполного исчерпания национальных средств судебной защиты должно быть отклонено.

24. Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной в соответствии с содержанием пункта 3 статьи 35 Конвенции, и не было установлено никаких других оснований, на которых она могла бы быть объявлена неприемлемой (см. пункт 32 выше), поэтому она должна быть объявлена приемлемой.

В. Существо дела

25. Правительство утверждало, что национальные суды были правы в своих выводах о том, что рассматриваемые утверждения представляли собой отрицательные суждения и содержали оскорбительные фрагменты. Вместе с тем, Правительство заявило, что вмешательство в осуществление Заявителем свободы выражения мнения было оправдано, поскольку рассматриваемые сведения не являлись оценочными суждениями, а были утверждениями о факте, достоверность которых не была доказана автором.

26. По мнению Заявителя, Правительство, как и национальные суды, не разграничивало утверждения о факте и оценочные суждения, возложив на него ответственность за неспособность доказать

правдивость оценочного суждения. В частности, речевой оборот «наскрести состояние» является фразеологическим выражением, имеющим экспрессивно эмоциональный и метафорический характер». «... [Н]е откидывал ему ...» является саркастическим замечанием. Наконец, утверждение «... они считают его смердом: а смердам надо напоминать о том, откуда они вышли ...» - это оценочное суждение, которое не может быть правдивым или ложным.

27. Суд отмечает, что стороны согласны с тем, что решения, принятые национальными судами в рамках процессов о защите чести и достоинства, представляли собой вмешательство в осуществление Заявителем его права на свободу выражения мнения, гарантированного пунктом 1 статьи 10. Не оспаривается также и то, что вмешательство было предписано законом, а именно статьей 152 Гражданского кодекса РФ, и преследовало законную цель защиты репутации или прав других лиц с точки зрения пункта 2 статьи 10. Остается лишь установить, было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе».

28. Суд напоминает, что право на свободу выражения мнения, закрепленное в статье 10, представляет собой одну из основ демократического общества. В соответствии с пунктом 2, оно применимо не только к «информации» или «идеям», которые встречаются благоприятно или рассматриваются как безобидные либо нейтральные, но также и тем, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство (см., среди многих других источников, постановления по делам *Кастеллс против Испании (Castells v. Spain)*, от 23 апреля 1992 года, Серия А № 236, § 42, и *Фогт против Германии (Vogt v. Germany)*, от 26 сентября 1995 года, Серия А № 323, § 52). Оно предполагает, наряду с прочими вещами, право на добросовестное распространение информации на темы, вызывающие общественный интерес, даже если она содержит порочащие утверждения о частных лицах (см., *mutatis mutandis*, постановление по делу *Бладет Тромсе и Стенсаас против Норвегии (Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway)* [БП], № 21980/93, ЕСПЧ 1999-III). Суд подчеркнул, что границы допустимой критики весьма широки, когда объектом внимания является политик (см. постановление по делу *Обершлик против Австрии (№1) (Oberschlick v. Austria (no. 1))*, от 23 мая 1991 года, Серия А № 204, § 59).

29. Проверка на необходимость требует от Суда определить, соответствовало ли вмешательство «насущной общественной потребности», было ли оно соразмерно преследованной законной цели, и были ли причины, приведенные национальными властями в обоснование своего решения, «существенными и достаточными» (см. постановление по делу *Линдон, Очаковский-Лоран и Жюли против Франции (Lindon, Otchakovsky-Laurens and July v. France)* [БП], № 21279/02 и 36448/02, § 45, ЕСПЧ 2007-...). При оценке существования такой необходимости и характера мер, которые следует предпринять, национальным судебным властям отводятся определенные рамки усмотрения. В делах, касающихся прессы, эти рамки обуславливаются интересом демократического общества в обеспечении и сохранении свободной прессы (см. постановление по делу *Далбан против Румынии (Dalban v. Romania)* [БП], № 28114/95, § 49, ЕСПЧ 1999-VI).

30. Задача Суда при осуществлении его надзорной функции состоит не в том, чтобы подменять собой национальные судебные органы, а в рассмотрении с точки зрения статьи 10, в свете всего дела целиком, принятых ими решений в соответствии со своими рамками усмотрения. Выполняя это, Суд должен убедиться в том, что национальные органы власти применили стандарты в соответствии с принципами, изложенными в статье 10 и, кроме этого, что они основывались в своей оценке на существенных фактах ...» (см. постановление по делу *Дичанд и другие против Австрии (Dichand and Others v. Austria)* № 29271/95, § 38, от 26 февраля 2002 года).

31. Рассматривая конкретные обстоятельства дела, Суд примет во внимание следующее: позицию Заявителя, позицию истца в иске о защите чести и достоинства, содержание публикации и квалификацию оспоренных сведений национальными судами (см. постановление по делу *Джерусалем против Австрии (Jerusalem v. Austria)* № 26958/95, § 35, ЕСПЧ 2001-II).

32. Что касается позиции Заявителя, Суд замечает, что он журналист и учредитель газеты, и напоминает в этой связи, что в демократическом обществе пресса выполняет жизненно важную функцию. Притом что она не должна переступать определенные границы, особенно в том, что касается репутации и прав других лиц, ее долг, тем не менее, заключается в распространении – в формате соответствующей ее обязанностям и ответственности – информации и идей по всем вопросам, вызывающим интерес общественности. Журналистская

свобода также допускает возможность определенной степени преувеличения, или даже провокации (см. дело *Далбан против Румынии*, упомянутое выше, § 49).

33. Истец являлся депутатом парламента, который собирался участвовать в предстоявших выборах. Суд напоминает о том, что границы допустимой критики шире в отношении политика, чем в отношении частного лица. Поэтому он должен был выказать большую терпимость в сложившейся обстановке (см., *mutatis mutandis*, постановление по делу *Обершлик против Австрии (№2) (Oberschlick v. Austria (no. 2))*, jп 1 июля 1997 года, Отчеты о постановлениях и решениях, 1997-IV, §§ 31-33).

34. Предметом публикации была листовка, распространявшаяся в г. Брянске и области, где утверждалось, что истец, г-н Шандыбин, накопил состояние сомнительными путями. Заявитель описывал содержание листовки, строил предположения относительно ее возможного авторства и высказал свои замечания относительно взяточничества среди депутатов парламента. Таким образом, эта публикация была частью политической дискуссии на тему, вызывавшую общественный интерес, что также подтверждает то обстоятельство, что содержание листовки обсуждалось во многих других газетах и на новостных интернет-сайтах (см. пункт 7 выше). Суд напоминает в этой связи, что всегда придерживался подхода, который требовал выдвижения очень веских доводов для обоснования введения ограничений на политические высказывания, поскольку широкие ограничения, применяемые в отдельных делах, несомненно, пагубно скажутся на свободе выражения мнения в конкретном государстве в целом (см. постановления по делам *Фельдек против Словакии (Feldek v. Slovakia)*, № 29032/95, § 83, ЕСПЧ 2001-VIII, и *Сюрек против Турции (№1) (Sürek v. Turkey (no. 1))* [БП], № 26682/95, § 61, ЕСПЧ 1999-IV).

35. Суд отмечает, что процесс о защите чести и достоинства не распространялся на публикацию во всей ее полноте, а лишь на следующие отрывки:

«Шандыбин наскреб состояние в более чем 13 миллионов долларов.

«Он не брал этих денег, говорится в «Правде», Брынцалов не «откидывал» ему 300.000 долларов за содействие в продаже медикаментов, а 5000 «зеленых» за запрос депутата Госдумы – это неслыханно».

«Таким образом, номинально эти силы являются союзниками Шандыбина, но на деле они считают его смердом: а смердам надо напоминать о том, откуда они вышли, чтобы не забывались и слушались».

36. Суд отмечает, что районный суд г. Брянска в своем решении от 31 мая 2004 года, утвержденном после обжалования в соответствующей части Брянским областным судом 1 июля 2004 года, заметил, что статья в целом и оспариваемые фрагменты «убедительно свидетельствовали об отрицательном отношении и содержали неприкрытые эмоциональные суждения, которые являлись оскорбительными выпадами и косвенными суждениями». Суд отмечает в связи с этим, что российское законодательство о защите чести и достоинства, действовавшее во время событий в данном деле, не предполагало разграничения между оценочными суждениями и утверждениями о факте, т.к. речь в нем шла в целом о «сведениях», и норма Закона был основана на посыле, что любые такие сведения подлежали доказыванию в ходе гражданских разбирательств (см. пункты 18 и 20 выше). Независимо от действительного содержания таких «сведений», человек, распространивший их, обязан был доказать в суде их достоверность (см. постановление по делу *Гринберг против России (Grinberg v. Russia)*) № 23472/03, § 29, 21 июля 2005 года). Учитывая эти законодательные положения, национальные суды не задавались вопросом о том, не являлось ли оспоренное суждение Заявителя оценочным суждением.

37. Суд напоминает в этой связи, что, в соответствии с его устоявшейся практикой, необходимо разграничивать утверждения о факте и оценочные суждения. Тогда как существование фактов можно продемонстрировать, достоверность оценочных суждений не подлежит доказыванию. Требование доказать достоверность оценочного суждения невозможно выполнить, и оно является нарушением самой сути свободы выражения мнения, которая составляет основу права,

закрепленного в статье 10 (см. постановление по делу *Оберилик против Австрии (№ 1)*, упомянутое выше, § 63).

38. В отношении первого оспоренного фрагмента, национальные суды пришли к выводу о том, что он был оскорбителен для чести и достоинства истца, и что Заявитель не смог доказать обратное. Суд отмечает, что рассматриваемый отрывок являлся частью фразы Заявителя, которая явно касалась листовки, распространявшейся в Брянске, где говорилось о том, что г-н Шандыбин нажил состояние в более чем 13 миллионов долларов, и содержала ее описание. Суд считает, что передача Заявителем содержания этой листовки соответствовала оригиналу. Выражение «наскреб», использованное Заявителем, на которое национальные суды по видимости обратили особое внимание, Суд расценивает как разговорный оборот, придававший описанию саркастический оттенок.

39. Относительно второго оспоренного фрагмента, в котором содержалось описание статьи, опубликованной в газете «Правда» видимо в качестве реакции на листовку, сомнений в точности описания ее (листовки) содержания не возникало. Национальные суды расценили как порочащие его форму и интонацию, констатировав, что Заявитель иронически использовал жаргонные слова для того, чтобы предать своему утверждению циничный и оскорбительный характер и выставить истца в невыгодном свете.

40. Суд напоминает в этом отношении о том, что статья 10 защищает не только сущность выраженных идей и информации, но также и формы их выражения (см. постановление по делу *Оберилик против Австрии (№ 1)*, упомянутое выше, § 57). По мнению Суда, использование Заявителем определенных речевых оборотов, разговорных выражений или жаргона в рассматриваемых отрывках не выходило за рамки преувеличения или провокации допускаемых статьей 10 (см. пункт 32 выше) и поэтому не заслуживало наложения ограничений на его право свободно выражать свое мнение. Далее, Суд отмечает, что в статье 152 Гражданского кодекса РФ речь идет о «сведениях», тогда как национальные суды возложили на Заявителя ответственность не за «сведения», содержащиеся в оспоренных отрывках, а за язык и стиль их изложения. По этой причине Суд приходит к заключению о том, что их решения в отношении первых двух отрывков являлись необоснованным ограничением свободы выражения мнения Заявителя.

41. Относительно третьего оспоренного фрагмента национальные суды осудили Заявителя за неодобрительный и презрительный тон, которым сопровождалось представление г-на Шандыбин читателям. Суд замечает, что в третьем отрывке Заявитель выразил свой личный взгляд на отношение других депутатов парламента к г-ну Шандыбину. Его личное мнение явно представляло собой оценочное суждение, достоверность которого доказать невозможно. Таким образом, национальные суды не разграничили утверждение о факте и оценочное суждение. Слово «смерд», очевидно использованное в переносном смысле, предназначалось для предания замечаниям Заявителя, необходимо признать, довольно провокационного оттенка. Однако, как и в случае с оборотами речи в первых двух отрывках, Суд не считает, что и в этом случае Заявитель вышел за допустимые рамки в соответствии со статьей 10.

42. В свете вышеизложенных соображений Суд делает вывод о том, что национальным судам не удалось убедительно установить наличие насущной острой общественной потребности в том, чтобы поставить личные права политика выше прав Заявителя и общего интереса в укреплении свободы прессы в случаях, касающихся общественных интересов. То обстоятельство, что судебные разбирательства имели гражданский, а не уголовный характер, и относительно небольшой размер наложенного взыскания компенсации морального вреда не умаляют того факта, что стандарты, на которые ориентировались национальные суды, несовместимы с принципами, закрепленными в статье 10, поскольку не были приведены «достаточные» причины для обоснования рассматриваемого вмешательства. Таким образом, Суд считает, что национальные суды вышли за рамки усмотрения, отпущенные им для ограничения дискуссий на темы, представляющие общественный интерес, и что вмешательство было несоразмерно преследованной цели и не было «необходимо в демократическом обществе».

43. Таким образом, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

II. Применение статьи 41 Конвенции

44. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

45. Заявитель потребовал 5000 рублей, которые во время подачи жалобы равнялись приблизительно 143 евро в качестве компенсации финансового ущерба и 5800 евро в качестве возмещения морального вреда.

46. Правительство оспорило это требование. По его мнению, одной констатации нарушения было бы достаточно в качестве справедливого удовлетворения.

47. Суд полагает, что в обстоятельствах данного дела существует причинно-следственная связь между выявленным нарушением и предположительно понесенным финансовым ущербом. Соответственно, Суд назначает Заявителю 143 евро в качестве компенсации финансового ущерба с добавлением суммы любого налога, которым может облагаться эта сумма.

48. Суд признает, что Заявитель также испытал глубокое душевное расстройство в связи с решениями несовместимыми со статьей 10, которые невозможно полностью возместить одной лишь констатацией нарушения Конвенции. Проведя оценку на справедливой основе, Суд назначает Заявителю 5800 евро в этом отношении с добавлением суммы любого налога, которым может облагаться эта сумма.

B. Судебные расходы и издержки

49. Заявитель не потребовал возмещения судебных издержек, поэтому Суд не присудил ему возмещение такого характера.

С. Процентная ставка

50. Суд считает справедливым, что процентная ставка должна соответствовать предельной процентной ставке Европейского Центрального Банка с добавлением трех процентных пунктов.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобу приемлемой;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
3. *Постановляет*,
 - (a) что Государство-ответчик обязано выплатить Заявителю, в течение трех месяцев с момента окончательного вступления данного решения в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции следующие суммы с последующим их пересчетом в российские рубли по курсу, действующему на момент расчета:
 - (i) 143 евро (сто сорок три евро) в качестве компенсации материального ущерба;
 - (ii) 5800 евро (пять тысяч восемьсот евро) в качестве компенсации морального вреда;
 - (iii) сумму любого налога, которым могут облагаться суммы, указанные выше;
 - (b) что с момента истечения вышеуказанных трех месяцев до момента выплаты на суммы, указанные выше, выплачиваются простые проценты в размере предельного ссудного процента Европейского Центрального Банка в течение периода выплаты процентов с добавлением трех процентных пунктов.

Выполнено на английском языке, представлено в письменной форме 11 февраля 2010 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Христос Розакис
Сорен Нильсен

Председатель Суда
Секретарь Секции Суда

© Перевод с английского,
Центр Защиты Прав СМИ, 2010

Краткое изложение дела

ДЕЛО «ФЛИНККИЛА И ДРУГИЕ ПРОТИВ ФИНЛЯНДИИ» (Flinkkilä and Others v. Finland)

(жалоба № 25576/04)

Постановление Суда

Страсбург, 6 апреля 2010 года

Суть принятого решения: В отношении заявителя имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно.

Краткое изложение обстоятельств дела:

В настоящем деле Заявителями выступили два редактора общенационального журнала «Сеура», а также главный редактор и журналист общенационального журнала «Никипости».

31 января и 1 марта 1997 года, соответственно, в двух упомянутых журналах были опубликованы статьи «Искренность А. на весах» и «Клуб разведенных жен» о Национальном примирителе А. и инциденте, произошедшем с ним и его подругой Б. 4 декабря 1996 года. Суть инцидента состояла в следующем. Национальный примиритель А. и его подруга Б. поздно вечером вошли в дом А., где находилась супруга последнего. Ситуация обострилась, была вызвана полиция, и инцидент, в который в последствии оказались вовлечены и взрослые дети А., привел к его аресту. Впоследствии А. и Б. были приговорены к наказанию за сопротивление при аресте и незаконное нанесение ущерба. А. был смещен с поста Национального примирителя и умер в 1998 году. Б. было отказано в обжаловании приговора и она понесла наказание.

А. и Б. обратились с заявлением о возбуждении уголовного дела в отношении журналистов, написавших об инциденте 4 декабря 1996 года и обстоятельствах, при которых он произошел, полагая, что статьи, опубликованные в «Сеура» и «Никипости», явились вторжением в частную жизнь Б.

15 ноября 1999 года прокуратура выдвинула обвинения против Заявителей о вторжении в частную жизнь, а через год Б. подала иск о взыскании компенсации, который был объединен с уголовным делом.

Районный суд отклонил все обвинения в отношении Заявителей. После рассмотрения совместной жалобы прокурора и Б. апелляционный суд Хельсинки постановлением от 15 мая 2003 года признал в данном деле нарушение и приговорил Заявителей к выплате штрафов за вторжение в частную жизнь. Кроме того, суд принял решение объявить конфиденциальными все части материалов дела на срок в десять лет кроме применимых правовых положений и выводов суда.

Заявители обратились в Верховный Суд с просьбой предоставить им право на подачу жалобы, однако им в этом было отказано.

Оценка Европейского Суда:

Заявители утверждали, что во время опубликования рассматриваемых статей, упоминание имени осужденного человека в газете не являлось нарушением закона в Финляндии, то есть не было «предписано законом», и не давало возможности предвидеть характер мер ответственности за опубликование имени Б.

Рассматривая данный вопрос, Суд отметил, что толкование нормы права, на неоднозначность которой ссылались Заявители, уже рассматривалось ранее Судом и Суд признал ее недвусмысленной. Следовательно, вмешательство в право Заявителей, по мнению Суда, было предписано законом. Суду оставалось определить было ли данное вмешательство необходимым в демократическом обществе.

Суд отметил, что поведение Заявителей при публикации спорных статей можно расценивать как добросовестное, поскольку отсутствовали доказательства и предположения о том, что подробности о жизни Б. были получены благодаря ухищрениям или другим незаконным методам. Кроме того, изложенные факты не вызвали споров даже в национальных судах (п. 81).

По мнению Суда, Б. не была публичной фигурой или политиком, однако она оказалась причастной к нарушению общественного порядка около дома семьи А., известной публичной фигуры, который был женат, и с которым у нее возникли близкие отношения (п. 83):

«Суд не может не отметить, что действия Б., несмотря на ее статус частного лица, можно обоснованно расценить как ставшие общеизвестными. Для Суда, вынесение приговора Заявителям было неразделимо связано с этими соображениями, и игнорировать их при оценке соразмерности вмешательства в осуществление ими своих прав по статье 10 невозможно».

Кроме того, информация в двух статьях была главным образом сфокусирована на поведении А., и что часть ее была предоставлена А. добровольно во время интервью, а информация, касавшаяся Б., была строго ограничена сведениями о вынесении ей приговора и фактами, которые были непосредственно связаны с рассказом А.

Важно и то обстоятельство, что раскрытие личности Б. в репортаже имело прямое отношение к теме, представлявшей общественный интерес, а именно поведение А. и его способность продолжать выполнять свои обязанности в должности высокопоставленного государственного служащего (п. 85). События в отношении А. широко освещались в прессе, а, следовательно, в спорных статьях имя Б. в таком контексте упоминалось не впервые.

Суд при вынесении решения также принял во внимание суровость санкций, наложенных на Заявителей (п. 91):

«Суд считает, что такие суровые последствия, рассматриваемые с учетом обстоятельств, приведших к вмешательству в осуществление Б. своего права на уважение ее частной жизни, были несоразмерны, принимая во внимание конфликтующий с ними интерес к реализации права на свободное выражение мнения».

В итоге Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

ДЕЛО «ФЛИНККИЛА И ДРУГИЕ ПРОТИВ ФИНЛЯНДИИ»

(Flinkkilä and Others v. Finland)

(жалоба № 25576/04)

Постановление Суда
Страсбург, 6 апреля 2010 года

По делу «Флинккила и другие против Финляндии» Европейский Суд по правам человека (Четвертая секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:

Николас Братца, *Председатель*,
Лех Гарлики,
Джованни Бонелло,
Лилиана Мийович,
Дэвид Тор Бьоргвинссон,
Пяиви Хирвель,
Небойса Вучинич, *судьи*,

а также Лоренс Эрли, *Секретарь Секции*,

Проведя 16 марта 2010 года закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, принятое в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано подачей 19 июля 2004 года жалобы (№25576/04) против Республики Финляндия в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция») четырьмя гражданами Финляндии: г-ном Йоуни Микаелем Флинккилой, г-жой Санной Ракелью Виртавуори, г-жой Яаной Хеленой Исоаари и г-ном Ристо Вальдемаром Айнасойя (далее - «Заявители»).

2. Интересы Заявителей представлял г-н Хейкки Сало, адвокат, практикующий в Хельсинки. Финское правительство было представлено его уполномоченным г-ном Арто Косаненом, сотрудником Министерства иностранных дел.

3. Заявители утверждали, в частности, что было нарушено их право на свободу выражения мнения, и что положение Уголовного кодекса, на основании которого они были признаны виновными, было не вполне ясным.

4. 4 апреля 2008 года председатель Четвертой секции принял решение сообщить Правительству о поданной жалобе, касавшейся свободы выражения мнения и принципа предусмотренности ограничения права законом. Также было принято решение рассмотреть существо жалобы одновременно с вопросом о ее приемлемости (пункт 3 статьи 29 Конвенции).

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

5. Заявители родились в 1948, 1951, 1962 и 1951 годах соответственно и проживают в Хельсинки, за исключением г-жи Исосаари, проживающей в Иккале.

6. Первый и второй Заявители - редакторы общенационального журнала «Сеура» (Seura), а третий и четвертый Заявители – главный редактор и журналист общенационального журнала «Никипости» (Nykurposti).

7. 4 декабря 1996 года А., Национальный примиритель⁴ (valtakunnansovittelija, riksfrölikningsmannen) в то время, и Б., его подруга, поздно вечером вошли в дом А., где находилась супруга последнего. Ситуация обострилась, была вызвана полиция, и инцидент, в который в последствии оказались вовлечены и взрослые

⁴ Функция Национального примирителя в Швеции имеет характер примирения и посредничества, которая может быть использована по запросу сторон конфликта при разрешении споров в области бизнеса и трудовых споров. Это государственная служба, финансируемая из государственного бюджета. (прим. переводчика)

дети А., привел к его аресту. В результате произошедшего инцидента 18 декабря 1996 года были выдвинуты уголовные обвинения как в отношении А., так и в отношении Б. 16 января 1997 года районный суд в Хельсинки (käräjäoikeus, tingsrätten) приговорил А. к четырем месяцам лишения свободы условно за сопротивление при аресте и незаконное нанесение ущерба (vahingonteko, skadegörelse), а Б. – к выплате штрафа за словесное оскорбление. 17 января 1997 года Государственный совет (valtioneuvosto, statsrådet) сместил А. с его поста Национального примирителя. 25 июня 1998 года апелляционный суд (hovioikeus, hovrätten) утвердил это постановление суда в отношении Б. Что касается А., то дело было прекращено в связи с его смертью 14 мая 1998 года. 15 декабря 1998 года Верховный Суд (korkein oikeus, högsta domstolen) отказал Б. в праве на апелляцию.

8. 31 января и 1 марта 1997 года, соответственно, в двух упомянутых журналах были опубликованы статьи об А. Статья от 31 января 1997 года в журнале «Сеура» была основана на интервью с А., а имя и возраст Б., вместе с ее изображением, были упомянуты в статье один раз. Статья была озаглавлена «Искренность А. на весах» и в ней говорилось о чувствах А. в связи с его увольнением и его возможным разводе после инцидента 4 декабря 1996 года. В статье от 1 марта 1997 года в журнале «Никипости», озаглавленной «Клуб разведенных жен», также *inter alia* говорилось о возможном разводе А. и его чувствах в связи со своим увольнением. В статье утверждалось, что бракоразводный процесс А. ускорился по причине инцидента 4 декабря 1996 года, и имя Б. было однажды упомянуто в этом контексте. Эта статья не сопровождалась изображением Б. До выхода этих статей, личность Б. упоминалась, по крайней мере, в одной шведской газете 21 января 1997 года и передаче общенационального финского телевидения 23 января 1997 года.

9. Весной 1997 года А. и Б. обратились с заявлением о возбуждении уголовного дела в отношении журналистов, написавших об инциденте 4 декабря 1996 года и обстоятельствах, при которых он произошел. В этом заявлении, направленном против Заявителей, утверждалось, что статьи, опубликованные в «Сеура» и «Никипости», явились вторжением в частную жизнь Б. По имеющимся сведениям, обвинение было выдвинуто только по одному из содержащихся в заявлении требований. 17 сентября 1998 года прокурор принял

решение не выдвигать никакого обвинения в отношении Заявителей вообще, поскольку, по его мнению, отсутствовал состав преступления.

10. 25 октября 1998 года г-жа Б. направила жалобу в Генеральную прокуратуру (valtakunnansyyttäjä, högsta åklagaren) на решение об отказе в возбуждении уголовного дела с просьбой о пересмотре принятого решения. 5 октября 1999 года, рассмотрев жалобу, заместитель Генерального прокурора указал прокурору на необходимость возбуждения уголовного дела, в том числе и в отношении Заявителей. Он обосновывал свое решение помимо прочего тем, что факты, приведенные в статьях, касались обстоятельств частной жизни, и что исключения из этого правила в данном случае быть не могло, так как Б. не была публичной фигурой.

11. 15 ноября 1999 года прокуратура, постановлением, подписанным заместителем Генерального прокурора, предъявила Заявителям обвинения на основании пункта 2 раздела 3(а) Главы 27 УК. Одновременно были также выдвинуты обвинения в отношении другого журналиста и главного редактора другого журнала для рассмотрения в рамках того же процесса. Эти журналист и главный редактор обратились [в Европейский суд] с отдельной жалобой (см. постановление по делу *Туомела и другие против Финляндии (Tuomela and others v. Finland*, № 25711/04, 6 апреля 2010 года).

12. Б. согласилась с обвинениями, выдвинутыми прокурором. 4 января и 10 ноября 2000 года она подала иск о взыскании компенсации в отношении всех Заявителей, который был объединен с уголовным делом.

13. По результатам устного слушания 8 декабря 2000 года, районный суд Эспуу отклонил все обвинения 15 декабря 2000 года, постановив, что информация в известных статьях, касавшаяся частной жизни Б., не могла сама по себе стать причиной, вызвавшей ее сильные душевные страдания, за исключением информации относительно ее отношений с А. Однако с момента инцидента 4 декабря 1996 года Б. должна была понимать, что больше не могла рассчитывать на защиту на этом основании. Таким образом, Заявители не были обязаны оценивать, могло ли упоминание личности Б. причинить ей душевные страдания. К тому же, не был доказан факт того, что Заявители имели намерение вторгнуться в частную жизнь Б. Таким образом, все иски о компенсации в отношении Заявителей также были отклонены.

14. Прокурор и Б. подали жалобы в апелляционный суд Хельсинки 10 и 14 января 2001 года соответственно, повторив содержание обвинений и исков о компенсации. Более того, 17 сентября 2002 года Б. обратилась с просьбой о сохранении конфиденциальности материалов дела на протяжении, по крайней мере, десяти лет со дня принятия постановления.

15. В постановлении от 15 мая 2003 года, апелляционный суд сначала принял решение объявить конфиденциальными все части материалов дела на срок в десять лет кроме применимых правовых положений и выводов суда. Кроме этого, личность Б. не подлежала разглашению в публичных частях постановления. Суд констатировал, что дело имело очень деликатный характер, касалось вопросов частной жизни человека, и что приданная ему конфиденциальность не нарушала статьи 6 или 10 Конвенции. В отношении существа дела, суд, не проводя устного слушания, отменил постановление районного суда и приговорил Заявителей к выплате штрафов в размере дохода осужденных за 20 дней в сумме 1180, 1100, 1020 и 120 евро соответственно, за вторжение в частную жизнь. Более того, на первого и второго Заявителей была возложена обязанность совместно выплатить Б. 5000 евро плюс проценты, а на третьего и четвертого Заявителей совместно с издательской компанией - 3000 евро плюс проценты за нанесение морального вреда и на покрытие ее судебных издержек. В общей сложности Заявители выплатили 22074,31 евро в виде штрафов и компенсаций.

16. Апелляционный суд заключил, что факты, упомянутые в статьях, были такого рода, на которые обычно распространялась защита частной жизни. Верховный Суд уже выносил постановление в 2002 году о том, что передача национального телевидения от 23 января 1997 года, в которой имя Б. было упомянуто дважды в контексте интервью с А., явилась вторжением в ее частную жизнь. Б. не занимала такого положения в обществе, чтобы к этому случаю было применимо исключение в Главе 27, разделе 3(а), пункте 2 УК. То обстоятельство, что она была подругой высокопоставленного лица, а также ее причастность к произошедшему инциденту, который в последствии привел к увольнению А. с его поста Национального примирителя, не являлось достаточным основанием для придания ее имени огласке. Тот факт, что имя Б. как подруги А. ранее уже упоминалась в СМИ, не могло служить оправданием для вторжения в ее частную жизнь.

Применимое положение УК не предполагало требования доказать умысел; было достаточно того, что распространение информации о частной жизни человека могло причинить ей или ему душевные страдания. Заявители, таким образом, не имели права на обнародование фактов частной жизни Б. или публиковать ее изображение.

17. В заявлении, датированном 10 июля 2003 года, Заявители обратились в Верховный Суд с просьбой предоставить им право на подачу жалобы, утверждая, помимо прочего, что в упомянутом положении УК не было определено с достаточной ясностью, какие именно действия оно регламентировало, и что, как результат, УК был применен по аналогии. Не был установлен умысел в нанесении вреда, и постановление апелляционного суда не было мотивировано должным образом в этой части. Более того, по их утверждениям, объявив, что материалы этого дела будут сохранены в тайне, апелляционный суд не указал причин применения этой меры. Наконец, апелляционный суд даже не пытался указать возможные формы ограничения свободы выражения мнения в данном деле, и таким образом Постановление апелляционного суда противоречило статье 10 Конвенции.

18. 20 января 2004 года Верховный Суд отказал Заявителям в праве на подачу жалобы.

II. Применимое национальное законодательство и практика

Законодательство

19. В разделе 10 Конституции (Suomen Hallitusmuoto, Regeringsform för Finland, закон № 94/1919, с поправками в форме закона № 969/1995, вступившего в силу 1 августа 1995 года и действовавшего до 1 марта 2000 года), говорилось:

«Каждый имеет право на свободу выражения мнения. Право на свободу выражения мнения предполагает право на распространение, опубликование и получение информации, мнений и информации в других формах без препятствий со стороны кого бы то ни было. Более точные положения относительно осуществления права на свободное выражение мнения предписывает парламент своими законодательными

актами. Ограничения программ, содержащих графические изображения, необходимые для защиты детей, могут быть предписаны парламентским законодательным актом.

Документы и записи, находящиеся в распоряжении органов власти, являются общедоступными, если только именно их публикация не была, по убедительным причинам, ограничена правовым актом. Каждый имеет право доступа к публичным документам и записям».

То же самое положение фигурирует в статье 12 ныне действующей Конституции от 2000 года (Suomen perustuslaki, Finlands grundlag, закон № 731/1999).

20. Раздел 8 Конституции (с изменениями, внесенными Законом № 969/1995) соответствовал статье 10 настоящей Конституции, в которой говорится о гарантии права каждого на частную жизнь.

21. В разделе 39 Закона о свободе прессы (painovapauslaki, tryckfrihetslagen; Закон № 1/1919), действовавшего в то время, говорилось о том, что положения Закона о гражданской ответственности были применимы к выплате компенсации ущерба, нанесенного содержанием напечатанного материала.

22. В соответствии с главой 5, разделом 6 Закона о гражданской ответственности (vahingonkorvauslaki, skadeståndslagen, Закон №412/1974 с поправками внесенными Законом №509/2004) также может быть возмещен моральный вред, связанный в том числе с преступлением в отношении свободы, чести, жилища или частной жизни. В разделе 1 Главы 5 указанного закона сказано, что возмещению подлежит как ущерб, причиненный человеку лично, так и его собственности. В разделе 2 говорится о том, что человек, пострадавший от вреда, нанесенного его личности, имеет право на получение возмещения медицинских расходов и издержек, связанных с таким вредом, а также потерянного дохода в любой форме, перенесенных физических и нравственных страданий.

23. В соответствии с правительственным законопроектом, разработанным для внесения поправки в Закон о гражданской ответственности (HE 116/1998), максимальный размер компенсации за перенесенные физические и нравственные страдания по причине, в

том числе, полученных телесных повреждений составлял в недавнем прошлом 100.000 финских марок (16.819 евро). В последующем правительственном законопроекте, принятом для внесения поправки в Закон о гражданской ответственности (HE 167/2003, стр. 60), констатируется отсутствие предложений об изменении действующего уровня компенсации за перенесенные моральные страдания.

24. В Главе 27 (с поправками в форме закона № 908/1974), разделе 3(а) УК (rikoslaki, strafflagen) говорилось в соответствующее время следующее:

«Лицо, которое незаконно, используя СМИ или другим подобным образом, публично распространяет информацию, инсинуации или изображения, отображающие частную жизнь другого человека для того, чтобы причинить ему или ей ущерб или душевные страдания, должен быть признан виновным во вторжении в частную жизнь и приговорен к лишению свободы сроком до двух лет или выплате штрафа. Публикация, которая касается поведения человека на работе, в профессиональном качестве, в рамках политической или другой сравнимой с ней деятельности, не должна рассматриваться как вторжение в частную жизнь, если ее распространение было необходимо для достижения важной общественной цели».

25. На предварительной стадии разработки вышеуказанных положений (см. правительственный законопроект HE 84/1974) отсутствовало четкое определение частной жизни, но такие аспекты, в частности, как семейная жизнь, деятельность в свободное время, здоровье и личные отношения, а также поведение в публичной должности, не имевшее непосредственного отношения к осуществлению соответствующих этой должности полномочий, расценивались как проявления частной жизни. Далее необходимым условием было причинение ущерба или моральных страданий. Такой ущерб мог также быть «моральным вредом, проявившимся в виде проблем при общественном взаимодействии или утрате уважения». Обыватель наделялся самой высокой степенью защиты частной жизни. Его рядового гражданина к общественно важному инциденту могла стать основой для снятия такой более высокой степени защиты с частной жизни. В любом случае, если правонарушение носило такой характер, который нельзя было расценивать как имевшее общественную значимость, то

связанное с ним деяние подлежало защите как относящееся к сфере частной жизни, однако, если социальная значимость была высока, то ограничений публикации быть не должно. Более того, степень раскрываемых при опубликовании фактов должна точно соответствовать степени необходимости. Таким образом, необходимость упоминания имени человека или описания человека, позволяющего узнать его, всегда является предметом тщательного рассмотрения.

26. В 2000 году раздел 3(а) Главы 27 УК был заменен разделом 8 Главы 24 (Закон № 531/2000). По новому положению о нанесении ущерба личной репутации (*yksityiselämäää loukkaavan tiedon levittäminen, spridande av information som kränker privatlivet*), человек, который незаконно, используя СМИ или другим подобным образом, публично распространяет информацию, инсинуации или изображения, отображающие частную жизнь другого человека таким образом, что это причиняет другому человеку ущерб или душевные страдания или подвергает этого человека осуждению, должен быть признан виновным в нанесении вреда личной репутации. Однако действия не должны рассматриваться как вредящие личной репутации, если они связаны с оценкой другого человека в профессиональном или общественном качестве, и если это необходимо для достижения общественно важной цели.

27. В соответствии с указанными положениями на стадии разработки (см. правительственный законопроект HE 184/1999), содержание новой нормы соответствует содержанию старого раздела 3(а) Главы 27 УК. Поправки и уточнения, сделанные к указанному положению, были главным образом технического свойства. Таким образом, это положение по-прежнему ограничивает защиту частной жизни людей, обремененных большими политическими или экономическими полномочиями. Это ограничение, однако, применимо только к упоминающимся лицам, но не к их близким и родственникам. В соответствии с отчетом парламентского правового комитета (*lakivaliokunnan mietintö, lagutskottets betänkande LaVM 6/2000*), назначением этого положения является распространение информации о частной жизни таких людей, если эта информация может оказаться полезной при оценке исполнения ими своих функций.

28. Правительственный законопроект HE 184/1999 далее предписывает, что при оценке вмешательства в частную жизнь,

принимают во внимание законность вмешательства и понятие частной жизни. При оценке законности вмешательства имеет значение согласие человека на распространение информации. При отсутствии явного согласия, обычно нет основания полагать, что рассматриваемый человек согласился бы на опубликование информации о (своей) частной жизни (см. отчет парламентского правового комитета LaVM 6/2000). Относительно понятия частной жизни, делается ссылка на разъяснительный комментарий положений Конституции об основных правах, и правительственный законопроект HE 84/1974). Более того, частная жизнь защищена и в отношении распространения информации, которая сама по себе может быть достоверной. Для того чтобы деяние оказалось подсудным, необходимо, чтобы информация касалась частной жизни конкретного человека (см. правительственный законопроект HE 184/1999).

29. Раздел 2 Закона о публичных судебных разбирательствах (*laki oikeudenkäynnin julkisuudesta, lag om offentlighet vid rättegång*; Закон № 945/1984), действовавшего в то время, предписывал, что имя, профессия и место жительства сторон, характер и предмет, а также время и место проведения слушания были открытой информацией с момента не позднее начала судебного процесса. В Разделе 3 говорилось о том, что общественность имеет право присутствовать на слушаниях, если только соответствующее законодательство не требует обратного. В Разделе 9 было сказано, что положения, изложенные в Законе об открытости деятельности правительства (*laki viranomaisten toiminnan julkisuudesta, lag om offentlighet i myndigheternas verksamhet*: закон № 621/1999) применимы к документам, касающимся судебных дел. Информация и документы в отношении судебного процесса, как правило, становятся публичными после вынесения обвинения, если только другое не предписано нормой закона.

Практика Верховного Суда

30. Решение Верховного Суда (ККО 1980-II-99) касалось публичного показа серии фотографий полуобнаженных детей. Это было сделано до вступления в силу Главы 27, раздела 3(а) УК и требований применения уголовных санкции не было.

31. В решении Верховного Суда (ККО 1980 II 123) отмечалось следующее (краткое изложение из материалов ежегодного обзора судебной практики):

«Обвиняемый нашел фотографию истца в архиве газеты и опубликовал ее в контексте предвыборной кампании без согласия истца. Он был признан виновным в нарушении частной жизни и приговорен, совместно с политическими организациями, которые выступили издателями, к выплате возмещения ущерба за нанесенные душевные страдания».

32. 11 июня 1997 года Верховный Суд вынес два решения в отношении статей, где была распространена информация о случаях поджога. Первое решение (ККО 1997:80) касалось газетной статьи (краткое изложение из материалов ежегодного обзора судебной практики Верховного Суда):

«Газета опубликовала статью, касающуюся случаев поджога, в которой говорилось, что подозреваемой была жена начальника местного пожарного департамента. Поскольку даже не было высказано утверждение о том, что глава пожарного департамента был как-либо причастен к этому событию, то не было серьезных оснований публиковать информацию о браке между ним и подозреваемой. Суд распорядился о том, что издатель, главный редактор и журналист, написавший статью, должны выплатить компенсацию за нравственные страдания, причиненные нарушением права на уважение частной жизни».

33. Второе решение (ККО 1997:81) касалось статьи, опубликованной в периодическом издании на основе вышеупомянутой газетной статьи (см. предыдущий пункт) и документах предварительного следствия и судебного разбирательства, но без указания на то, что газетная статья была использована в качестве источника (краткое изложение из материалов ежегодного обзора судебной практики):

«Распоряжение о выплате компенсации было основано на том, что статья нарушала право на уважение частной жизни. Другим вопросом, поднятым в этом прецеденте, была степень ответственности за нанесенный ущерб и размер компенсации с учетом того обстоятельства, что информация уже была распространена в другой публикации ранее».

34. Статья, опубликованная в периодическом издании, подобным же образом содержала упоминание имени и должности главы пожарного департамента, хотя это правонарушение не было связано с исполнением им своих служебных обязанностей. Таким образом, отсутствовала необходимость сослаться на занимаемую им должности главы пожарного департамента или его брак с подозреваемой, с тем, чтобы сообщить о происшествии. То обстоятельство, что информация ранее была опубликована в СМИ, не освобождало ответчиков от обязанности убедиться перед повторным опубликованием информации, что статья не содержала информации, нарушающей права упомянутых в ней людей. Сам факт того, что интервью с главой пожарного департамента было опубликовано в газете, не подтверждал вывод о том, что он также согласился на его публикацию в периодическом издании. Повторение нарушения не обязательно причиняло тот же объем ущерба и моральных страданий, как первоначальное нарушение. Аудитория газеты и периодического издания не совсем совпадала, а тираж газеты не полностью совпадал с тиражом периодического издания, где первоначально были опубликованы сведения. Таким образом, и учитывая различия в содержании и тоне статей, Верховный Суд усмотрел основания считать, что статья, опубликованная в периодическом издании, причинила главе пожарного департамента новые нравственные страдания. События, описанные в статье, не касались поведения истца при исполнении его служебных обязанностей главы пожарного департамента, и не было необходимости упоминать имя и должность истца для обсуждения вопроса, вызывавшего значительный общественный интерес, или сообщения о правонарушении. Связав имя и должность истца с допущенными нарушениями закона, статья способствовала незаконному распространению информации и инсинуаций, касавшихся его частной жизни и вполне способных причинить ему ущерб и душевные страдания. Раскрытие имени истца и акцент на его профессиональном занятии приравнивались к оскорблению. Повторное освещение темы периодическим изданием по прошествии двух месяцев после события было расценено как причинение заявителю дополнительных душевных страданий, за что полагалась выплата отдельной компенсации.

35. Решение Верховного Суда от 26 сентября 2001 года (ККО 2001:96) касалось размещения в журнале статьи, в которой описывалось предстоящее уголовное разбирательство по делу, в котором обвиняемой было предъявлено обвинение в том числе в

мошенничестве с отягчающими обстоятельствами. Статья была проиллюстрирована, без разрешения обвиняемой, другой статьей, опубликованной ранее в другом журнале, и ее изображением, опубликованным в контексте той публикации. Имя обвиняемой было упомянуто в тексте статьи, и ее можно было узнать по изображению. Верховный Суд заключил, что уголовное дело не имело такой общественной значимости, которая оправдала бы публикацию без разрешения обвиняемой и, следовательно, имело место вторжение в ее частную жизнь.

36. Решение Верховного Суда от 25 июня 2002 года (ККО 2002:55) касалось таких же фактов, как в настоящем деле: в ходе интервью с А., было упомянуто имя Б. в телевизионной передаче в январе 1997 года, т.е., уже после того, как они были признаны виновными. Суд констатировал, что факты, обсуждавшиеся в ТВ программе в отношении Б., были частью ее частной жизни и заслуживали соответствующей защиты. Штрафы, наложенные на нее в качестве наказания за проявление агрессии, не давали законного основания для обнародования ее имени. Интервьюеру и телекомпании было предписано выплатить Б. возмещение ущерба в размере 8000 евро за раскрытие ее личности в телепрограмме.

37. Другое решение от 4 июля 2005 года (ККО 2005:82) касалось статьи об отношениях между А., работавшей пресс-секретарем одного из кандидатов на президентских выборах, и Б., бывшим супругом тележурналистки. В статье была помещена фотография А. Верховный Суд, рассмотрев положение Уголовного Кодекса о вторжении в частную жизнь в свете своей практики, сделал вывод о том, что А. не занимала положения, которое делало бы такие подробности ее частной жизни важными для общественности. Таким образом, статья являлась вторжением в частную жизнь А.

38. В своем решении от 19 декабря 2005 года (ККО 2005:136), Верховный Суд отметил, что нарушение закона не является частным делом нарушителя. В принципе лицо, признанное виновным в совершении преступления, также пользуется правом, являющимся неотъемлемой частью частной жизни, а именно жить спокойно. В соответствии с законом о персональных данных, любая информация о совершении правонарушения и последующем приговоре квалифицируется как «конфиденциальные» персональные данные. Сама по себе открытость уголовного разбирательства и относящиеся к

ним документы не означают, что информация, ставшая известной во время процесса, может свободно публиковаться как таковая в СМИ. Верховный Суд заключил, что обнародование имени человека, осужденного за агрессивные действия и лишение его свободы не являются вторжением в его частную жизнь, поскольку человек признан виновным в насильственных действиях, которые также унизили человеческое достоинство жертвы. К тому же, рассматриваемая статья не сопровождалась его фотографией.

39. Решение Верховного Суда от 16 марта 2006 года (ККО 2006:20) касалось рамок частной жизни старшего прокурора, чье имя или личность не были раскрыты в статье, которая в основном касалась его жены, подозреваемой в совершении преступления. Верховный Суд пришел к выводу, что эта тема была общественно значимой, т.к. находившаяся под подозрением женщина была женой прокурора. Даже если из статьи можно было понять, что речь идет о прокуроре, это было оправдано тем обстоятельством, что на карту была поставлена его непредвзятость как государственного обвинителя.

40. В последнем решении Верховного Суда от 22 января 2009 года (ККО 2009:3) А. был признан виновным в тинцесте со своими детьми, и материалы дела были засекречены. Позднее А. раскрыл некоторые подробности дела в телепрограмме. Суд постановил, что, несмотря на сохранение анонимности детей в программе, все же можно было понять, кто они, поскольку А. появился в программе открыто, и было названо его имя. Таким образом, частная жизнь детей и их матери подверглась вторжению.

Саморегулирование журналистов

41. Союз журналистов Финляндии (Suomen Journalistiliitto, Finlands Journalistförbund ry) распространяет руководство для журналистов (Journalistin ohjeet, Journalistreglerna) с целью стимулирования саморегулирования. Руководство 1992 года, действовавшее во время происходивших событий этого дела, предписывало, в том числе, что опубликование имени и другой идентифицирующей информации в контексте сообщения о правонарушениях было оправдано, только если имел место значительный общественный интерес. Личность подозреваемого обычно не раскрывалась до судебного слушания, если только не имелось веских причин, связанных с характером

правонарушения и положением подозреваемого, которые оправдывали раскрытие персональных данных (статья 26).

42. Новое руководство вступило в силу в 2005 года, где отмечалось, что при опубликовании общественных материалов нельзя выпускать из виду необходимость защиты частной жизни. Общественный характер информации не обязательно означает, что она может быть опубликована. Необходимо соблюдать особую осторожность при обсуждении тем, касающихся несовершеннолетних (статья 30). Имя, фотография или другие факты, указывающие на личность осужденного, могут быть опубликованы, если только нет оснований считать это несправедливым, учитывая его положение или характер правонарушения. Что касается несовершеннолетнего или лица, освобожденного от ответственности, то информацию следует раскрывать ограниченно (статья 31). Журналист должен избегать распространения информации, которая может привести к идентификации личности человека в случаях, когда он или она только подозреваемые или когда им лишь предъявлено обвинение (статья 32).

43. Также Совет по делам СМИ (Julkisen sanan neuvosto, Opinionsnämnden för massmedier), который является органом саморегулирования, созданным в 1968 году издателями и журналистами в области массовой коммуникации, и чья задача заключается в истолковании правильной профессиональной практики и защите свободы слова и публикаций, выпустил ряд резолюций и заявлений, в том числе, в 1980 и 1981 годах. Первое было посвящено содержанию понятия «частная жизнь», а второе – раскрытию имен в криминальных репортажах.

44. В своем заявлении 1981 года Совет по делам СМИ констатировал, в числе прочего, что в соответствии с главным принципом защиты личности, сообщение имени человека в криминальном репортаже оправдано, только если это делается в силу значительного общественного интереса. Журналист обязан рассматривать возможность такого обнародования в каждом конкретном случае, взвешивая вред, который может быть нанесен самому причастному человеку, а также его семье и близким с одной стороны и важность обнародования имени в интересах общества, с другой стороны. Более того, по мнению Совета, отягчающих обстоятельств, жестокости или особого характера совершенного правонарушения не достаточно для раскрытия личности совершившего его. Нарушение закона, однако,

может привлечь так много общественного внимания, что это может послужить основанием для опубликования имени. Наконец, Совет разделил людей на три группы с точки зрения защиты имени: (1) людей, обладающих политической, экономической или административной властью; (2) прочих известных людей, например в области развлечений, спорта, искусства или науки; и (3) рядовых граждан. Совет отметил, что степень защиты имени наименьшая для группы 1, а наибольшая – для группы 3.

III. Соответствующие международные документы

45. 10 июля 2003 года Комитет министров Совета Европы принял Рекомендацию № Рек (2003)13 о предоставлении информации через СМИ в отношении судебных разбирательств. В пункте 8 принципов, прилагаемых к этой рекомендации, говорится:

«Защита частной жизни в контексте незаконченных судебных разбирательств.

Предоставление информации о подозреваемых, обвиняемых или осужденных или других участниках судебных разбирательств следует осуществлять с уважением их права на защиту частной жизни в соответствии со статьей 8 Конвенции. Особую защиту следует предоставлять сторонам, представленным несовершеннолетними или другими уязвимыми категориями людей, а также пострадавшим, свидетелям, обвиняемым и осужденным. Во всех случаях особое внимание следует уделять вреду, который может быть нанесен лицам, упоминающимся в этом Принципе при раскрытии информации, способствующей идентификации их личности».

46. В комментарии к рекомендации сказано следующее (пункты 26 и 27):

«Каждый имеет право на защиту частной и семейной жизни по статье 8 Европейской Конвенции по правам человека. В Принципе 8 напоминает о том, что подозреваемые, обвиняемые, осужденные и прочие стороны судебного процесса не могут быть лишены этого права из-за своей причастности к такому процессу. Само упоминание имени

обвиняемого или осужденного может стать мерой более суровой, чем уголовное наказание, которое вынесет суд. Кроме того это может затруднить возвращение упомянутого человека к нормальной жизни в обществе. То же самое касается изображения обвиняемых или осужденных. Таким образом, следует уделять особое внимание ущербу, который может быть нанесен людям, чьи личности становятся известными после раскрытия информации, о которых говорится в данном Принципе.

Еще более значительную защиту рекомендуется предоставлять несовершеннолетним, жертвам уголовных преступлений, свидетелям и семьям подозреваемых, обвиняемых и осужденных граждан. В этой связи, государства-участники могут также опираться на Рекомендацию № R (85) 11 о положении пострадавших в рамках уголовного права и уголовного процесса и Рекомендацию № R (97) 13 относительно запугивания свидетелей и права на защиту».

47. 4 октября 2007 года Парламентская Ассамблея Совета Европы приняла Резолюцию 1577 (2007) «На пути к декриминализации диффамации», в которой она призвала те государства-участники, где по-прежнему применяются тюремные сроки за оскорбление чести и достоинства, пусть даже и условно, незамедлительно прекратить эту практику.

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статей 7 и 10 Конвенции

48. Заявители подали жалобу по статье 7 Конвенции, утверждая, что из примененного положения Уголовного кодекса было неясно, что их поведение подлежало наказанию, так как в этом положении не были определены рамки частной жизни. Вынесение приговоров А. и Б. было публичной информацией, которая не могла относиться к сфере частной жизни. К тому же, несмотря на то, что вынесение приговора за вторжение в частную жизнь предположительно требовало выявления соответствующего умысла, апелляционный суд не сообщил, каким образом это требование было выполнено.

49. Заявители также подали жалобу по статье 10 Конвенции, утверждая, что ограничения их права на свободу выражения мнения не были предписаны законом и не были необходимы в демократическом обществе для защиты репутации или прав других. Раскрытие имени Б. не относилось к сфере защиты частной жизни, поскольку национальные суды не объявили никакие части материалов ее уголовного дела конфиденциальными. Она не принимала активного участия в инциденте 4 декабря 1996 года и в последствии была приговорена к штрафу. Общественность имела право знать то, что вызывало общественный интерес, особенно в делах данного типа, где человек оказался подсудимым по громкому уголовному делу. Более того, информация в упомянутых статьях была точна во всем. Апелляционный суд даже не попытался указать основания, на которых свобода выражения мнения могла быть ограничена в этом деле. В любом случае, ограничения, примененные к Заявителям, были абсолютно несоразмерны, особенно с учетом требования выплатить весьма значительное возмещение.

50. В статье 7 говорится следующее:

«1. Никто не может быть осужден за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое согласно действовавшему в момент его совершения национальному или международному праву не являлось уголовным преступлением. Не может также налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления.»

2. Настоящая статья не препятствует осуждению и наказанию любого лица за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое в момент его совершения являлось уголовным преступлением в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами.»

51. Статья 10 гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выразить свое мнение. Это право включает свободу придерживаться иного мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без

какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

52. Правительство оспорило эти аргументы.

А. Приемлемость

53. Суд отмечает, что эти жалобы не являются явно необоснованными в соответствии с содержанием пункта 3 статьи 35 Конвенции. Далее он отмечает, что не было установлено никаких других оснований, на которых они были бы неприемлемы, поэтому они должны быть объявлены приемлемыми.

В. Существо дела

1. Аргументы сторон

(а) Заявители

54. Заявители утверждали, что вынесение приговора Заявителям и суровые санкции, примененные к ним, являлись вмешательством в осуществление ими своего права на свободу выражения мнения. Это вмешательство не было предписано законом, не преследовало законную цель, и не было необходимо в демократическом обществе.

55. По мнению Заявителей, ни в рассматривавшемся положении (раздел 3(а) Главы 27 УК), ни в подготовительных материалах не упоминалось о том, что это положение применимо к раскрытию имени обвиняемого или осужденного человека. Наоборот, в соответствии с финским законодательством, резолютивная часть судебных постановлений, применимые правовые положения и имя осужденного всегда были открытой информацией. Упоминание имени осужденного в газете традиционно не было нарушением закона в Финляндии до 2001 и 2002 года, когда Верховный Суд пришел к иному мнению. Однако ни из известных положений, ни из подготовительных материалов не следовало, что обнародование имени осужденного было преступлением, и в правительственном законопроекте (HE 184/1999) было даже упомянуто, что общий характер раздела 3(а) Главы 27 УК может создавать трудности с точки зрения правовой состоятельности. В финском уголовном законодательстве использование правовой аналогии в ущерб обвиняемым запрещено. Поскольку рассматриваемые статьи были опубликованы в 1997 году, Заявители не могли предвидеть, какое решение примет апелляционный суд по прошествии более чем шести лет. Не могли они предвидеть и то, что Верховный Суд начнет по-другому оценивать эти дела в 2002 году.

56. Заявители указали на то, что поскольку имя Б. упоминалось во всех постановлениях по ее уголовному делу, эта публичная информация не могла стать конфиденциальной в последующем. После того, как чье-то имя однажды становится общественно доступной информацией, его обнародование в дальнейшем не может быть незаконным и не может нарушить частную жизнь этого человека. Имя Б. и вопросы, обсуждавшиеся в указанных статьях, уже были обнародованы ранее. К тому же, Б. не была пассивным объектом общественного внимания, а активно участвовала в инциденте, представлявшем общественный интерес. Рамки усмотрения не могут существовать в ущерб принципу законности или свободе выражения мнения. Размер санкций, примененных против Заявителей, включая штрафы, компенсацию и судебные издержки, был таков, что сам по себе явился нарушением статьи 10.

(b) Правительство

57. Правительство согласилось с тем, что вынесение приговора Заявителям и решение суда в части возмещения ущерба и судебных издержек представляли собой вмешательство в осуществление их права на свободу выражения мнения.

58. Что касается требования о том, что меры должны быть «предписаны законом» и должны соответствовать статье 7, Правительство указало на то, что оспоренные меры имели основание в финском законодательстве, а именно Конституции и, в частности, в разделе 3(а) Главы 27 УК. Имя Б. является информацией, о которой говорится в последнем положении, где также отдельно упоминаются изображения; таким образом, данное положение удовлетворяет требованию правовой определенности. Ко времени происходивших событий, данное положение действовало более 20 лет и становилось предметом толкования Верховным Судом, до публикации оспоренных статей, в ранее рассматривавшихся делах ККО 1980 II 99 и ККО 1980 II 123. Правила относительно уголовной ответственности могли таким образом рассматриваться как прошедшие постепенный процесс уточнения через судебное истолкование в манере, которая соответствовала сути правонарушения. Следовательно, характер ответственности вполне можно было предвидеть.

59. Более того, руководство для журналистов и практика Совета по делам СМИ, оба из которых имели к данному делу определенное отношение, вводили ограничения на раскрытие имени людей в криминальных репортажах. Случаи нарушения закона не являлись обстоятельствами частной жизни автоматически, и этот факт был подтвержден решением Верховного Суда по делу ККО 2005:136. Одно то, что в настоящем деле Б. была приговорена к штрафу, не снижало степени защиты ее частной жизни. Это истолкование также находилось в согласии с практикой Европейского Суда (см., например, постановления по делам *Z против Финляндии (Z v. Finland)*, 25 февраля 1997 года, § 99, Отчеты о постановлениях и решениях 1997-I, и *P4 Radio Hele Norge ASA v. Norway*, № 76682/01, ЕСПЧ 2003-VI). Правительство, таким образом, имело в виду, что Заявители должны были знать о положениях закона, касающихся свободы выражения мнения. В любом случае, они могли бы обратиться за получением юридической консультации перед опубликованием статьи. Таким

образом, нарушения статьи 7 не было, и вмешательство было «предписано законом», как того требует пункт 2 статьи 10 Конвенции.

60. Правительство утверждало, что законной целью было стремление защитить частную жизнь Б., т.е. репутацию и права других, и что вмешательство также было «необходимо в демократическом обществе». Несмотря на то, что Б. был вынесен приговор за нарушение закона, и процесс был в основном открытым, это не означало, что раскрытие имени Б. было законным. По финским законам то обстоятельство, что информация была доступна общественности, не означало автоматически, что она могла быть опубликована. Лишь те, кто был осужден за преступления с отягчающими обстоятельствами и приговорены к лишению свободы, не могли рассчитывать ни на какую защиту имени или частной жизни.

61. Правительство указало на то, что статус подруги А. не превращал ее в человека, занимавшего значимое положение в обществе, чья частная жизнь могла быть ограничена. Поведение Б. не имело отношения к обсуждению какой-либо общественно значимой темы, и его описание было предназначено лишь для удовлетворения светского любопытства. Несмотря на инцидент 4 декабря 1996 года и последовавший приговор Б., информация, опубликованная Заявителями, имела такой характер, что на нее распространялась защита частной жизни Б. Сообщение о произошедших событиях не требовало упоминания имени Б. Ссылаясь на существование рамок усмотрения, Правительство утверждало, что вмешательство в настоящем деле было «необходимо в демократическом обществе».

2. Оценка Суда с точки зрения статьи 10 Конвенции

1. Было ли вмешательство

62. Суд соглашается с обеими сторонами в том, что вынесение приговора Заявителям, наложенные на них штрафы и требование о выплате возмещения ущерба являлись вмешательством в осуществление ими своего права на свободное выражение мнения, гарантированное в пункте 1 статьи 10 Конвенции.

2. Было ли оно предписано законом и преследовало ли оно законную цель

63. В отношении того, было ли вмешательство «предписано законом», Заявители утверждали, что во время опубликования рассматриваемых статей, упоминание имени осужденного человека в газете не являлось нарушением закона в Финляндии, и что, таким образом, они не могли предвидеть характер мер, которые могли быть предприняты в отношении них за опубликование имени Б. Правительство же считало, что рамки уголовной ответственности были постепенно прояснены через судебное истолкование в манере, соответствующей сути правонарушения и правильной журналистской практикой, и что поэтому ответственность вполне можно было предвидеть.

64. Суд отмечает, что стороны согласны с тем, что обжалованное вмешательство имело основание в законодательстве Финляндии, а именно в разделе 3(a) Главы 27 УК. Взгляды сторон, однако, расходятся в отношении предсказуемости упомянутого правового положения. Таким образом, Суд должен определить, отвечает ли это положение требованию предсказуемости.

65. Суд уже отмечал, что правовая норма не может рассматриваться как «закон», если она не сформулирована с достаточной точностью для того, чтобы дать возможность человеку регулировать свое поведение: он должен быть в состоянии - если нужно с помощью юриста – предвидеть, в степени разумной в конкретных обстоятельствах, последствия, которые может возыметь определенное действие. Эти последствия не должны обязательно быть предсказуемы с абсолютной определенностью - опыт показывает, что это недостижимо. Опять же, притом что определенность весьма желательна, она может повлечь за собой чрезмерную жесткость, а закон должен быть в состоянии соответствовать изменяющимся обстоятельствам. По этой причине многие законы неизбежно облакаются в более или менее расплывчатые термины, а их истолкование и применение являются вопросом практики (см. постановления по делам *Санди Таймс против Великобритании (№ 1)* (*Sunday Times v. the United Kingdom no. 1*)), 26 апреля 1979 года, § 49, Серия А № 30 и *mutatis mutandis*, *Коккинакис против Греции (Kokkinakis v. Greece)*, 25 мая 1993 года, § 40, Серия А № 260-А).

66. В отношении упомянутого положения раздела 3(а) Главы 27 УК, действовавшего в соответствующее время, Суд уже принимал постановление в деле Еерикайнена (см. *Еерикайнен и другие против Финляндии (Eerikäinen and Others v. Finland)*, № 3514/02, § 58, 10 февраля 2009 года), что не усматривает никакой двусмысленности в его содержании: распространение информации, инсинуации или изображение, отражающее частную жизнь другого человека, которые способствовали причинению душевных страданий, расценивались как вторжение в частную жизнь. К тому же, Суд отмечает, что исключение во втором предложении этого положения относительно поведения человека на работе, в профессиональном качестве, в рамках политической или другой сравнимой с ней деятельности также сформулировано вполне четко.

67. Верно, что во время опубликования двух рассматриваемых статей в январе и марте 1997 года соответственно, были только два решения Верховного Суда, касавшихся толкования рассматриваемого положения, оба касались публичного распространения фотографий, однако Суд полагает, что возможность применения санкции за вторжение в частную жизнь не была непредсказуемой. И хотя в подготовительных материалах отсутствовало точное определение понятия «частная жизнь» (см. правительственный законопроект HE 84/1974), там говорилось о том, что необходимость упоминания имени человека или его описание, позволяющее узнать его, всегда было предметом тщательного рассмотрения. Если бы у Заявителей были сомнения относительно точных рамок рассматриваемого положения, им следовало бы получить консультацию в отношении его содержания или воздержаться от раскрытия личности Б. Более того, Заявители, будучи профессиональными журналистами, не могли не иметь представления о содержании данного положения, поскольку руководство для журналистов и практика Совета по делам СМИ, хотя и не имеющие обязывающей силы, предполагают даже более строгие правила, чем рассматриваемое положение Уголовного кодекса.

68. Суд заключает таким образом, что вмешательство было «предписано законом» (см. постановления по делам *Никула против Финляндии (Nikula v. Finland)*, № 31611/96, § 34, ЕСПЧ 2002-II; *Селисто против Финляндии (Selistö v. Finland)*, № 56767/00, § 34, 16 ноября 2004 года и *Кархуваара и Илталеhti против Финляндии (Karhuvaara and Iltalehti v. Finland)*, № 53678/00, § 43, ЕСПЧ 2004-X, *Еерикайнен и другие против Финляндии*, упомянутое выше, § 58).

Помимо этого, не вызвало споров и то, что вмешательство преследовало законную цель защиты репутации или прав других с точки зрения пункта 2 статьи 10.

3. Было ли вмешательство необходимо в демократическом обществе

69. В соответствии с укоренившейся практикой Суда, свобода выражения мнения является одним из основ демократического общества и одним из главных условий его прогресса и самореализации каждого человека. В соответствии с пунктом 2 статьи 10, она применима не только к «информации» или «идеям», выраженным в дружелюбной форме или воспринимаемым как нейтральные или беспристрастные, но также и тем, которые оскорбляют, шокируют или беспокоят. Таковы требования плюрализма, терпимости и либерального мышления, без которых нет «демократического общества». Осуществление этой свободы допускает исключения, изложенные в пункте 2 статьи 10, которые, однако, должны быть четко определены, и необходимость в любых ограничениях должна быть убедительно доказана (см., например, постановления по делам *Лингенс против Австрии (Lingens v. Austria)*, 8 июля 1986 года, § 41, Серия А № 103, и *Нильсен и Йонсен против Норвегии (Nilsen and Johnsen v. Norway)* [БП], № 23118/93, § 43, ЕСПЧ 1999-VIII).

70. Слово «необходимость», в терминах пункта 2 статьи 10, означает, что должна существовать «насушная общественная потребность». Договаривающиеся государства имеют определенные рамки усмотрения, использование которых, однако, предполагает контроль со стороны Европейского Суда, как над законодательством, так и над решениями, воплощающими его, даже если они приняты независимым судом. Таким образом, Суд имеет власть выносить окончательные постановления относительно правомерности применения «ограничения» с точки зрения статьи 10 (см. постановление по делу *Яновский против Польши (Janowski v. Poland)* [БП], № 25716/94, § 30, ЕСПЧ 1999-I).

71. Задача Суда при осуществлении его надзорной функции состоит не в том, чтобы подменять собой национальные судебные органы, а в рассмотрении принятых ими решений в свете всего дело целиком в соответствии с их пределами усмотрения (см., среди многих других

источников, постановление по делу *Фрессоз и Руар против Франции* (*Fressoz and Roire v. France*) [БП], № 29183/95, § 45, ЕСПЧ 1999-I).

72. Выполняя свои надзорные функции, Суд должен рассмотреть обжалованное вмешательство в свете всего дела целиком, включая содержание замечаний, сделанных Заявителями, и в контексте, в котором они были сделаны. В частности, он должен определить было ли рассматриваемое вмешательство «соразмерно» преследовавшейся законной цели, и были ли причины, приведенные национальными властями в обоснование своего решения «существенными и достаточными» (см. постановления по делам *Санди Таймс против Великобритании* (№ 1), упомянутое выше § 62, Серия А № 30; дело *Лингенс против Австрии*, упомянутое выше, § 40; *Барфод против Дании* (*Barfod v. Denmark*), 22 февраля 1989 года, § 28, Серия А № 149; дело *Яновский против Польши*, упомянутое выше, § 30; и *Ньюс Верлагс ГМБХ и Ко.КГ против Австрии* (*News Verlags GmbH & Co.KG v. Austria*), № 31457/96, § 52, ЕСПЧ 2000-I). Выполняя это, Суд должен убедиться в том, что национальные власти применили стандарты в соответствии с принципами, изложенными в статье 10 и, кроме этого, что они основывались в своей оценке на существенных фактах (см. постановление по делу *Йерсилд против Дании* (*Jersild v. Denmark*), 23 сентября 1994 года, § 31, Серия А № 298).

73. Суд далее подчеркивает чрезвычайно важную роль, которую пресса играет в демократическом обществе. Притом что она не должна преступать определенные границы, особенно в отношении репутации и прав других лиц и необходимости предотвращения распространения конфиденциальной информации, ее обязанность заключается в распространении – способом, соответствующим ее обязательствам и ответственности – информации и идей по всем вопросам, представляющим общественный интерес (см. дело *Йерсилд против Дании*, упомянутое выше, § 31; *Де Хаес и Гийсельс против Бельгии* (*De Haes and Gijssels v. Belgium*), 24 февраля 1997 года, § 37, Отчеты о постановлениях и решениях 1997-I; и *Бладет Тромсе и Стенсаас против Норвегии* (*Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway*) [БП], № 21980/93, § 58, ЕСПЧ 1999-III). Не только СМИ имеют перед собой задачу передачи такой информации и идей, но также и общественность имеет право на их получение (см., постановление по делу *Санди Таймс против Соединенного Королевства* (№ 1), упомянутое выше, § 65). Кроме этого, Суд не забывает о том, что журналистская свобода также предполагает возможность прибегнуть к

определенному преувеличению или даже провокации (см. постановления по делам *Прагер и Обершлик против Австрии*» (*Prager and Oberschlick v. Austria*), 26 апреля 1995 года, § 38, Серия А № 313, и *Бладет Тромсе и Стенсаас против Норвегии*, упомянутое выше).

74. Границы допустимой критики шире в отношении политика, чем в отношении рядового гражданина. В отличие от последнего, первый неизбежно и сознательно делает свои слова и действия объектом пристального внимания журналистов и широкой общественности, и, следовательно, должен проявлять большую степень терпимости (см., например, § 42 дела *Лингенс против Австрии*, упомянутого выше; § 54 дела *Инкал против Турции* (*Incal v. Turkey*) от 9 июня 1998 года, Отчеты о постановлениях и решениях 1998-IV; и § 46 дела *Кастеллс против Испании* (*Castells v. Spain*), 23 апреля 1992 года, Серия А № 236).

75. Однако, свободу выражения мнения необходимо соразмерять с интересами защиты частной жизни, гарантированной в Статье 8 Конвенции. Понятие частной жизни включает в себя персональную информацию, опубликования которой без их согласия люди могут не желать на законных основаниях, и включает в себя элементы, связанные с правом человека на изображение. Публикация фотографии, таким образом, находится в рамках частной жизни (см. постановление по делу *Фон Ганновер против Германии* (*Von Hannover v. Germany*), № 59320/00, §§ 50-53 и 59, ЕСПЧ 2004-VI).

76. В делах, в которых Суду приходилось соразмерять необходимость защиты частной жизни и интересы свободного выражения мнения, он подчеркивал влияние фотографий или статей в прессе на ход обсуждения тем, вызывающих всеобщий интерес (см. постановления по делам *Таммер против Эстонии* (*Tammer v. Estonia*), № 41205/98, §§ 59 et seq., ЕСПЧ 2001-I; *Ньюс Верлагс ГМБХ и Ко.КГ против Австрии*, упомянутое выше, §§ 52 et seq.; и *Крон Верлаг ГМБХ и Ко.КГ против Австрии* (*Krone Verlag GmbH & Co. KG v. Austria*), № 34315/96, §§ 33 et seq., 26 февраля 2002 года). Так Суд постановил, в одном из дел, что использование определенных терминов в отношении частной жизни человека не было «оправдано общественными соображениями» и, что эти термины не «[имели отношения] к общественно важной теме» (см. дело *Таммер против Эстонии*, упомянутое выше, § 68) и постановил, что нарушения статьи 10 не было. В другом деле, однако, Суд придал особую важность тому обстоятельству, что рассматриваемым

предметом была новость «большой общественной значимости», и что опубликованные фотографии «не раскрывали никакие подробности частной жизни» человека (см. постановление по делу *Крон Верлаг ГМБХ и Ко.КГ против Австрии*, упомянутое выше, § 37) и постановил, что имело место нарушение статьи 10.

77. Более того, одним из имеющих значение факторов было применение свободы выражения мнения в контексте судебного процесса. Притом, что сообщение о ходе судебных разбирательств и соответствующие комментарии, при условии, что они не преступают вышеупомянутых границ, способствуют их известности и таким образом полностью отвечают требованию пункта 1 статьи 6 Конвенции о проведении открытых судебных слушаний, необходимо отметить, что общественный характер судебных разбирательств не означает полную свободу действий для СМИ, освобождающую их от обязанности проявлять осмотрительность при передаче информации, полученной в ходе этих разбирательств (см. Рекомендацию Совет Европы № Rec(2003)13 о предоставлении информации через СМИ в отношении уголовных разбирательств; пункты 45 и 46 выше). В этой связи, Суд отмечает, что в финском руководстве для журналистов, действовавшем во время рассматриваемых событий, говорилось, что опубликование имени и прочей определяющей информации в этом контексте был оправдан, только если на карту был поставлен значительный общественный интерес (см. пункт 41 выше).

78. В своей недавней практике Суд установил равновесие между необходимостью защиты частной жизни и заинтересованности прессы в информировании общественности на общественно значимые темы в контексте судебных процессов (см. например постановление по делу *Еерикайнен и другие против Финляндии*, упомянутое выше; и для сравнения *Эгеланд и Хансейд против Норвегии* (*Egeland and Hanseid v. Norway*), № 34438/04, 16 апреля 2009 года).

79. Обращаясь к фактам данного дела, Суд отмечает, что Заявителям было предъявлено обвинение вследствие высказываний, сделанных ими в двух статьях, в качестве журналиста или редакторов.

80. Суд отмечает сначала, что статья 31 января 1997 года в журнале «Сеура» была основана на интервью А., а имя и возраст Б., вместе с ее изображением, были упомянуты в статье лишь однажды. Статья была озаглавлена «Искренность А. на весах», и в ней говорилось о чувствах

А. в связи с его увольнением и его возможным разводе после инцидента 4 декабря 1996 года. В статье от 1 марта 1997 года в журнале «Никипости», озаглавленной «Клуб разведенных жен», также помимо прочего говорилось о возможном разводе А. и его чувствах в связи с его увольнением. В статье утверждалось, что бракоразводный процесс А. ускорился по причине инцидента 4 декабря 1996 года, и имя Б. было однажды упомянуто в этом контексте. Эта статья не сопровождалась изображением Б.

81. Суд отмечает, что ни доказательств, ни обвинений в том, что Заявители допустили фактические искажения или действовали недобросовестно, не было. Равно как и нет предположений о том, что подробности о жизни Б. были получены благодаря ухищрениям или другим незаконным методам (ср., постановление по делу *Фон Ганновер против Германии*, упомянутое выше, § 68). Факты, изложенные в двух статьях, не вызвали споров даже перед национальными судами.

82. Ясно, что Б. не была публичной фигурой или политиком, а лишь обычным человеком, который оказался в центре внимания уголовного разбирательства (см. постановление по делу *Швабе против Австрии (Schwabe v. Austria)*, 28 августа 1992 года, § 32, Серия А № 242-В). Ее статус рядового человека расширяет зону ее взаимодействия в другими лицами, которая оказывается в рамках частной жизни. То обстоятельство, что она была субъектом уголовного разбирательства не может лишить ее защиты по статье 8 (см. постановления по делу *Шакка против Италии (Sciacca v. Italy)*, № 50774/99, § 28-29, ЕСПЧ 2005-І; *Еерикайнен и другие против Финляндии*, упомянутое выше; и *Эгеланд и Хансейд против Норвегии*, упомянутое выше).

83. Однако, Суд отмечает, что Б. оказалась причастной к нарушению общественного порядка около дома семьи А., известной публичной фигуры, который был женат, и с которым у нее возникли близкие отношения. Суд принял решение о предъявлении им обвинений. Позднее они были признаны виновными в соответствии с предъявленными обвинениями. Суд не может не отметить, что действия Б., несмотря на ее статус частного лица, можно обоснованно расценить как ставшие общеизвестными. Для Суда, вынесение приговора Заявителям было неразделимо связано с этими соображениями, и игнорировать их при оценке соразмерности

вмешательства в осуществление ими своих прав по статье 10 невозможно.

84. Суд далее замечает, что информация в двух статьях была главным образом сфокусирована на поведении А., и что часть ее была предоставлена А. добровольно во время интервью, а именно о последствиях его причастности к инциденту 4 декабря 1996 года и его последующем увольнении и вынесении приговора. Подробности частной жизни Б. не упоминались, за исключением тех фактов, что она была причастна к инциденту 4 декабря 1996 года, и что она была подругой А., оба из которых уже были известны общественности до публикации этих двух статей. Таким образом, информация, касающаяся Б., была серьезно ограничена сведениями о вынесении ей приговора и фактами, которые были непосредственно связаны с рассказом А. В этом отношении дело отличается от дела *Фон Ганновер против Германии*, упомянутого выше, § 72.

85. Более того, следует упомянуть, что раскрытие личности Б. в репортаже имело прямое отношение к теме, представлявшей общественный интерес, а именно поведение А. и его способность продолжать выполнять свои обязанности в должности высокопоставленного государственного служащего. Поскольку Б. приняла активное участие в событиях 4 декабря 1996 года, приведших к вынесению А. приговора и его последующему увольнению, трудно предположить, как ее причастность к этим событиям может не вызывать общественный интерес. Таким образом, Суд считает, что пристальное общественное внимание также было направлено и на Б. В этой связи, Суд отмечает, что национальные органы власти и национальные суды пришли к очень разным выводам относительно того, можно ли рассматривать поведение Б. как отказ от своего права на максимальную защиту неприкосновенности своей частной жизни, когда она связала свою жизнь с жизнью публичной фигуры и приняла участие в инциденте 4 декабря 1996 года, в результате чего ей также был вынесен приговор. По мнению Суда, это показывает, что, по крайней мере, в определенной степени, национальные органы власти также считали, что указанные репортажи вызывали общественный интерес.

86. Суд далее отмечает, что в рассматриваемых статьях акцент был явно сделан на чувствах А. после его увольнения и вынесения ему приговора, а также как сказались отголоски инцидента на его

семейной жизни. Одна из статей была основана на интервью А. Возможно, что события были представлены в несколько приукрашенной манере для того, чтобы продать больше журналов, но этого самого по себе недостаточно, чтобы оправдать вынесение приговора Заявителям.

87. Затем Суд отмечает, что инцидент 4 декабря 1996 г., последующее увольнение А. и вынесение приговоров А. и Б. широко освещались и обсуждались в СМИ, включая ТВ программу, переданную в лучшее эфирное время (см. пункты 8 и 36 выше). Таким образом, в этих статьях имя Б. в таком контексте упоминалось не впервые (см. постановления по делам *Еерикайнен и другие против Финляндии*, упомянутое выше; и *Эгеланд и Хансейд против Норвегии*, упомянутое выше).

88. Более того, Суд отмечает, что статьи были опубликованы сразу после вынесения приговора А. и Б., ставшего причиной увольнения А. Таким образом, статьи были тесно связаны с этими событиями.

89. Наконец, Суд принял во внимание суровость санкций, наложенных на Заявителей. Он отмечает, что Заявители были привлечены к уголовной ответственности и отмечает, что им было назначено наказание в виде штрафов в размере дохода осужденных за 20 дней в сумме 1180, 1100, 1020 и 120 евро, соответственно. Помимо этого, всем ответчикам, вместе с издательской компанией, было приказано выплатить возмещение ущерба как солидарно, так и в отдельности, общей суммой 8000 евро. Суровость приговора и размеры компенсаций должны рассматриваться как значительные, учитывая, что максимальная компенсация, полагающаяся жертвам насилия составляла в то время приблизительно 100000 финских марок (17000 евро) (см. пункт 23 выше).

90. Также следует иметь в виду, что Верховный Суд уже признал, что повторение нарушения не обязательно означает необходимость выплаты возмещения материального и морального вреда в том же объеме, что и изначально (см. пункты 33 и 34 выше). Суд отмечает, что Б. уже получила компенсацию в размере 8000 евро за раскрытие ее имени в телевизионной программе (см. пункт 36 выше). За опубликование журнальных статей, содержащих те же факты, ей была назначена такая же компенсация (см. дела *Туомела и другие против Финляндии*, упомянутое выше; *Йокитайпале и другие против*

Финляндии (Jokitaipale and Others v. Finland), № 43349/05, 6 апреля 2010 года; *Соила против Финляндии (Soila v. Finland)*, № 6806/06, 6 апреля 2010 года; и *Итталехти и Кархуваара против Финляндии (Ittalehti and Karhuvaara)*, № 6372/06, 6 апреля 2010 года).

91. Суд считает, что такие суровые последствия, рассматриваемые с учетом обстоятельств, приведших к вмешательству в осуществление Б. своего права на уважение ее частной жизни, были несоразмерны, принимая во внимание конфликтующий с ними интерес к реализации права на свободное выражение мнения.

92. В заключении, по мнению Суда, причины, которыми руководствовался апелляционный суд, хотя и существенны, были недостаточны, чтобы утверждать, что обжалованное вмешательство было «необходимо в демократическом обществе». Более того, общий размер наложенных санкций был несоразмерным. Учитывая все вышеизложенные факторы, и, несмотря на рамки усмотрения, предоставляемые государству в этой области, Суд считает, что национальным судам не удалось найти должный баланс между конфликтующими интересами, поставленными на карту.

93. Таким образом, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

3. Оценка Суда с точки зрения статьи 7 Конвенции

94. Учитывая выводы по статье 10 Конвенции, что оспоренное вмешательство было предусмотрено законом, Суд заключает, что нарушения статьи 7 Конвенции в настоящем деле не было.

II. Оставшаяся часть жалобы

95. Заявители также подали жалобу по пункту 1 статьи 6 Конвенции на отсутствие достаточной аргументации в постановлении апелляционного суда, что нарушало принцип равенства сторон, так как Заявители, вопреки утверждениям прокурора и Б., не имели доступа к материалам Верховного Суда по рассмотренному ранее подобному делу. Более того, они утверждали, что решение апелляционного суда относительно сохранения материалов их дела в тайне не было достаточно обосновано и, следовательно, нарушало пункт 1 статьи 6 Конвенции.

96. Относительно более раннего постановления Верховного Суда, Суд отмечает, что Б. ссылаясь на него, и что Заявители имели возможность его комментировать. Его полная версия была опубликована в Интернете в качестве официальной публикации. Поскольку постановление было, таким образом, доступно широкой общественности и содержало практически всю соответствующую информацию, с помощью которой Заявители могли подготовить свою защиту, то какие-либо признаки нарушения в этом отношении отсутствовали. Отсюда следует, что эта жалоба должна быть отклонена как явно необоснованная с точки зрения пунктов 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

97. В отношении аргументации, Суд отмечает, что пункт 1 статьи 6 обязывает суды излагать причины своих решений, но не может быть истолкован как содержащий требование предоставлять подробный ответ на каждый довод (см. постановление по делу *Van de Hurk против Нидерландов (Van de Hurk v. the Netherlands)*, 19 апреля 1994 года, § 61, Серия А № 288). В целом, аргументация в постановлении апелляционного суда в настоящем деле вполне подробна. В отношении доводов, касавшихся ограничений свободы выражения мнения, оценка Суда в основном сводилась к тому, что факты, упомянутые в статье были такого рода, к которому обычно применяется защита частной жизни, что положение Б. в обществе не было настолько заметным, чтобы к нему было бы применимо исключение, делающееся в отношении общественных фигур, и что ни инцидент, ни то обстоятельство, что ее имя было раскрыто ранее, не позволяли прийти к другому выводу. Более того, рассматриваемое положение из УК не требовало выявления умысла на нанести вред. Таким образом, Суд приходит к заключению о приемлемости представленной аргументации с точки зрения соблюдения требований статьи 6.

98. Что касается причин, по которым материалы дела были объявлены конфиденциальными, Суд отмечает, что апелляционный суд сослался на пункт 1 статьи 6 и статью 10 Конвенции и заключил, что материалы дела содержали деликатную частную информацию, и что установление режима конфиденциальности не противоречило указанным Статьям. Суд считает, что объявление материалов дела конфиденциальными не повлияло ни на положение Заявителей как сторон процесса, ни на беспристрастность разбирательств. В этом отношении, Суд также считает аргументацию апелляционного суда приемлемой.

99. Отсюда следует, что эти жалобы также должны быть отклонены как явно необоснованные с точки зрения пунктов 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

III. Применение статьи 41 Конвенции

100. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

101. Заявители потребовали 22.074,31 евро в качестве возмещения материального ущерба и 5000 евро каждому в качестве возмещения морального вреда.

102. Правительство отметило, что понесенный материальный ущерб за исключением штрафов, наложенных на Заявителей, был возмещен издательской компанией, которая не является стороной в настоящем деле. Поскольку издательская компания не обращалась к Заявителям с просьбой выплатить ущерб в их части, то, в сущности, они не понесли никакого материального вреда. Что касается морального ущерба, Правительство считало, что требования Заявителей были чрезмерными в отношении размера и, что компенсация не должна превышать 2000 евро на заявителя и 8000 евро в общем.

103. Суд считает, что существует причинно-следственная связь между выявлением нарушения и предполагаемым материальным ущербом. Следовательно, присуждение Заявителям компенсации в этом отношении обосновано. Учитывая все эти обстоятельства, Суд присуждает Заявителям совместно 22.000 евро в виде компенсации материального вреда. Более того, Суд считает, что Заявителям также был причинен моральный вред. Проведя оценку на справедливой основе, он назначает каждому Заявителю 2000 евро в качестве возмещения морального ущерба.

В. Судебные расходы и издержки

104. Заявители также потребовали выплаты 12490,31 евро на покрытие судебных издержек в национальных судах и 6000 евро – на покрытие расходов в Европейском Суде.

105. Правительство оспорило эти требования. Правительство сообщило, что не было представлено документа с обоснованием размера затребованного возмещения на покрытие судебных издержек в виде указания количества потраченных часов или стоимости каждой части проведенной работы, как того требует Правило 60 Регламента Суда. В эти требования также оказались включены расходы на почтовую доставку, телефонную связь и копирование, которые уже были включены в оплату услуг адвокатов. В любом случае, общая сумма компенсации понесенных судебных издержек на всех Заявителей не должна превышать 3500 евро (включая любой налог на добавленную стоимость).

106. В соответствии с практикой Суда, заявитель имеет право на возмещение своих судебных издержек, только в той степени, в которой, как было установлено, они действительно были взысканы, обязательны и имели разумный размер. В настоящем деле, учитывая информацию, имеющуюся в его распоряжении и указанные выше критерии, Суд считает разумным назначить Заявителям совместно 5000 евро (включая любой налог на добавленную стоимость) в этой категории.

С. Процентная ставка

107. Суд считает целесообразным принять процентную ставку в соответствии с предельным размером ссудного процента Европейского Центрального Банка, к которому должны быть добавлены три процентных пункта.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобу по статье 7 и 10 приемлемой, а оставшуюся часть жалобы неприемлемой;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
3. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 7 Конвенции;

4. *Постановляет,*

(а) что Государство-ответчик обязано выплатить Заявителям, в течение трех месяцев с момента окончательного вступления данного решения в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции следующие суммы:

(i) 22000 евро (двадцать две тысячи евро) Заявителям совместно в качестве компенсации материального вреда плюс сумму любого налога, которым может облагаться эта сумма;

(ii) 2000 евро (две тысячи евро) каждому Заявителю в качестве компенсации морального ущерба плюс сумму любого налога, которым может облагаться эта сумма;

(iii) 5000 евро (пять тысяч евро) Заявителям совместно в качестве компенсации судебных издержек плюс сумму любого налога, которым может облагаться эта сумма;

(b) что с момента истечения вышеуказанных трех месяцев до момента выплаты на суммы, указанные выше, выплачиваются простые проценты в размере предельного ссудного процента Европейского Центрального Банка в течение периода выплаты процентов с добавлением трех процентных пунктов.

5. *Отклоняет* оставшуюся часть жалобы Заявителей о справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке, представлено в письменной форме 6 апреля 2010 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Николас Братца
Лоренс Эрли

Председатель Суда
Секретарь Секции Суда

© Перевод с английского,
Центр Защиты Прав СМИ, 2010

ЦЕНТР ЗАЩИТЫ ПРАВ СМИ - некоммерческая организация, основной целью которой является защита прав редакций СМИ и правовая защита журналистов, содействие в становлении в России института свободы слова и свободы выражения мнения как фундаментального элемента демократического, правового государства, расширение практических возможностей журналистов и общества в целом для отстаивания своих конституционных прав на свободу слова и свободу выражения мнения, свободное получение и распространение информации.

Центр зарегистрирован в ноябре 1996 года, располагается в Воронеже, основную часть своих программ выполняет на территории Центральной России, тем не менее, предоставляя правовую помощь журналистам из любых российских регионов.

Центр признан экспертной организацией в области защиты прав журналистов и в целом свободы слова на международном уровне, представляя интересы профессионального сообщества в Европейском Суде по правам человека, Совете Европы, в рамках двустороннего диалога Европейского Союза и России по правам человека.

ЮРИДИЧЕСКАЯ СЛУЖБА:

В Центре работают высоко квалифицированные юристы - специалисты в области медиа-права, которые:

- Ежегодно ведут до 100 судебных процессов на стороне прессы, журналистов в судах разных уровней и разных регионов. Большинство дел – это иски о защите чести, достоинства и деловой репутации, о вмешательстве в частную жизнь, нарушение законодательства о выборах, о рекламе, авторских прав. Юристы Центра также могут выступить в защиту гражданина или

организации, когда правовой спор касается реализации им права на свободу выражения мнения или доступ к информации.

- В постоянном режиме консультируют более 100 редакций СМИ, в том числе осуществляя предпечатную правовую проверку готовящихся к выходу в свет (в эфир) текстов для многих редакций.
- Ведут дела в Европейском суде по правам человека по делам, затрагивающим право на свободу выражения мнения.
- Проводят правовую экспертизу по запросам следственных органов и судов, анализа региональных нормативных актов в информационной сфере, оказывают помощь законодательным органам регионов, органам местного самоуправления, учреждениям в разработке таких документов (например, положений об аккредитации).
- Проводят аналитические правовые исследования в области законодательства и судебной практики в сфере медиа-права.

МОНИТОРИНГ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ:

- С 1996 года ведет постоянный мониторинг нарушений профессиональных прав редакций СМИ и журналистов на территории Центрально-Черноземного региона, который является частью общероссийской картины состояния прессы, собираемой по крупицам нашими коллегами из Фонда Защиты Гласности.
- Проводит мониторинговые исследования освещения предвыборной кампании в прессе региона, нарушений права на доступ к информации, нарушений норм профессиональной этики журналиста и др.

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:

- Проводит просветительские и образовательные мероприятия – практические семинары-тренинги, круглые столы, конференции, в области медиа-права, международных стандартов в области свободы выражения мнения, доступа к информации, в частности, практики применения Европейской Конвенции по правам человека.
- Основной аудиторией данного направления деятельности являются журналисты, медиа-юристы, адвокаты, судьи, сотрудники пресс-служб органов государственной власти,

местного самоуправления, правоохранительных органов,
руководители редакций СМИ.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:

- С 2000 года издает ежеквартальный бюллетень «Правовой путеводитель: mass media».
- Центр издает широкий спектр практических правовых изданий по разным темам в области сферы своей деятельности.
- Поддерживает web-сайт www.mmdc.ru и разработанную самим Центром online Базу данных российской судебной практики в области информационного права www.media-pravo.info

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Почтовый адрес: 394036, г. Воронеж, а/я 560

Фактический адрес: г. Воронеж, ул. Кольцовская, 82

Тел/факс: 8 (473) 277-82-26

Тел.: 8 (473) 277-83-00, 220-46-97

e-mail: gala@media.vrn.ru

www.mmdc.ru

Книга издана при поддержке
Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров
в рамках проекта
«Свобода выражения мнения в российском обществе и в
прессе: «правила эксплуатации», границы дозволенного и
эффективная защита в национальных и международных судах»

**Судебная практика
Европейского Суда по правам человека
по свободе выражения мнения и свободе информации**

Том 8

Редактор - Г. Ю. Арапова
Составители – Г. Ю. Арапова, С. И. Кузеванова.

Правовое редактирование перевода – Г. Ю. Арапова

Перевод с английского Центра Защиты Прав СМИ
(М. Н. Залата, В. А. Бушин)

Художественное оформление - И. Ю. Ледовских

Подписано в печать 23.04.2012 г.
Формат 60x84 ¹/₁₆ Бумага офсетная
Усл. печ. л. 17,75. Тираж 1000 экз.
Заказ № 14

Отпечатано ООО «Фирма «Элист»
394000, г. Воронеж, ул. Никитинская, 19

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ ...».

**Статья 10 Европейской Конвенции
о защите прав человека и основных свобод**